

Нил
Стивенсон

Виррус
«REAMDE»

Додж

НИЛ СТИВЕНСОН
Вирус «Reamde»

«Издательство АСТ»

2011

Стивенсон Н. Т.

Вирус «Reamde» / Н. Т. Стивенсон — «Издательство АСТ»,
2011 — (Додж)

ISBN 978-5-17-082727-5

«Т'Эрра»... Многопользовательская ролевая игра нового поколения с миллионами поклонников по всему миру. С каждым днем «Т'Эрра» увлекает все больше фанатов, погружающихся в захватывающий виртуальный мир, который для многих стал уже куда привлекательнее и важнее мира реального. И успехом игры решает воспользоваться группа хакеров. Эти кибергангстеры создают уникальный вирус «REAMDE», который шифрует все данные на зараженном компьютере и требует за них выкуп... Так начинается новый роман Нила Стивенсона – уникальный сплав научной фантастики и крепкого приключенческого романа! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-17-082727-5

© Стивенсон Н. Т., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Часть 1	6
Северо-Западная Айова	6
День 0	34
День 1	55
День 2	105
День 3	133
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Нил Стивенсон

Вирус «Reamde»

Роман «Вирус "REAMDE"» – интеллектуальная пилюля, спрятанная в леденец повествования, – стоит того, чтобы классифицировать его как национальное и планетарное достояние.

«Wall Street Journal»

Нил Стивенсон – Гомер мифологии высоких технологий!

«San Diego Union Tribune»

Сюжет этого увесистого тома летит стремительно, как пуля!

«Pittsburgh Tribune»

Часть 1

Девять драконов

Северо-Западная Айова Ферма Фортрастов

День благодарения

Ричард смотрел себе под ноги: не все коровьи лепешки замерзли, а на замерзших недолго и ногу подвернуть. Собираясь в дорогу, он ограничился ручной кладью и теперь ступал меж зеленовато-бурых кочек в легких черных кроссовках – настолько легких, что их можно сложить пополам и убрать в карман. Он мог бы с утра рвануть в «Уолмарт» за высокими ботинками на толстой подошве, но не хотелось давать родне лишний повод для разговоров, что кто-то сорит деньгами.

Десятка два его родственников, рассредоточившись вдоль колючей проволоки, стреляли в овраг. Традиция устраивать стрельбы в ожидании индейки и пирога зародилась давно, когда, вернувшись в дедушкин дом после церковной службы, они скидывали парадные костюмчики с галстуками и мчались через луг к ручью, где под присмотром двух-трех мужчин постарше выпускали пар, паля из пневматики и мелкашек. Теперь, уже сами родители, они съезжались на День благодарения, загрузив в багажники своих джипов дробовики, охотничьи винтовки и пистолеты.

Колючая проволока заржавела, а вот столбики из маклюры были почти как новые. Сорок лет назад Ричард и его старший брат Джон поставили эту ограду, чтобы скотина не забредала в овраг. Ручей не широкий – взрослый человек запросто его перешагнет, – но коров не учат перешагивать и вообще думать головой, поэтому они вечно застревали в овражке. Зато для стрельбища место было идеальное. Лето выдалось сухим, осень – холодной, и теперь обмелевший ручей бежал под тонкой коркой льда, а из склона, когда в него попадала пуля, сыпались комья земли, что позволяло стрелкам в следующий раз прицелиться точнее. Сквозь наушники Ричард слышал голоса добровольных помощников из числа зрителей: «На три дюйма повыше. На шесть дюймов левее». Бумканье дробовиков, треск мелкашек и пых-пых-пых самозарядных пистолетов заглушались до легкого перестука специальной электроникой в наушниках – полноразмерных, с прочным корпусом и регуляторами громкости по бокам. Вчера, собираясь на встречу, Ричард вспомнил о них в последний момент.

Он поминутно вздрагивал. Низкое солнце било в стофутовый ветрогенератор на поле за оврагом, и длинные тени лопастей чиркали по земле, как коса. Тень накрывала Ричарда и мчалась дальше, уступая место следующей полосе, солнце пропадало за лопастью и вспыхивало опять. Это было новшество. В его молодости о существовании мира за горизонтом свидетельствовали только элеваторы, а теперь над прерией вздымались циклопические ветряки – единственный внушительный элемент здешнего пейзажа. В краю, где все остальное словно застыло в коме, крутящиеся лопасти мгновенно привлекали взгляд: казалось, они вечно прыгают на тебя из-за угла.

Несмотря на ветер, напряжение в мышцах лица – предвестье головной боли – отпустило впервые с приезда в Айову. Обычно везде, где собиралось семейство – в доме, в ближайшей гостинице, на футбольном матче во дворе, – он постоянно чувствовал на себе взгляды. Иное дело здесь, где каждый занят своим оружием и следит, чтобы дуло было направлено за колючку. Если на него и смотрели, то при коротком разговоре глаза в глаза, говоря ОТ-ЧЕТ-ЛИ-ВО, чтобы докричаться через наушники.

Младшие родственники, салаги и сопляки, обращались к нему «Дик», чего Ричард терпеть не мог, потому что так в его юности звали Никсона. Он откликался на имя Ричард и на прозвище Додж. За долгую поездку на машине из пригородов Чикаго, Миннеаполиса или Сент-Луиса родители наверняка рассказали детям, кто есть кто, – может, даже показали пачки фотографий и распечатки генеалогического древа. Ричард не сомневался, что, дойдя до его родословной ветви – длинной, голой, без единой развилки, – они заметно меняли тон, а выражение их лиц говорило больше, чем в этой части страны принято высказывать словами. Все это он наблюдал сейчас на лицах юных стрелков. Некоторые избегали смотреть ему в глаза, другие смотрели чересчур смело, давая понять, что все про него знают.

Крупный мужик в камуфляже (кажется, второй муж его троюродной сестры Уиллы) протянул Ричарду переломленную двустволку двенадцатого калибра. Направив ружье и взгляд за колючую проволоку и предоставив остальным пялиться на свою парку, Ричард зубами стянул с левой руки перчатку и вставил патроны в теплые стволы. В нескольких ярдах впереди, на краю обрывчика, кто-то поставил в ряд хэллоуинские тыквы. Большую их часть уже разметало кусками по сухому бурьяну. Ричард защелкнул двустволку, удобно пристроил к плечу, наклонился вперед и нажал на первый спусковой крючок. Приклад ударил в плечо, основание тыквы подпрыгнуло и задумалось, не покатиться ли вниз. Ричард нагнал его вторым выстрелом. Затем он переломил ружье, вытащил горячие гильзы, бросил на землю и с одобрителем кивком вернул двустволку хозяину.

– Много охотитесь у себя в шлоссе, Дик? – спросил парень лет двадцати с небольшим, пасынок Уиллы. Спросил громко – то ли из ехидства, то ли потому, что уши у него были заткнуты оранжевыми поролоновыми берушами.

Ричард улыбнулся.

– Совсем не охочусь. Почти все на моей странице в Википедии – неправда.

У парня вытянулась физиономия. Глаза забегали, остановились на двухсотдолларовых электронных наушниках Ричарда, затем уперлись в землю, словно проверяя, нет ли там коровьих лепешек.

В последнее время на его странице в Википедии царил затишье, однако в прошлом там бушевала война правок между загадочными субъектами, известными только по IP-адресам, – все они стремились подчеркнуть те факты из жизни Ричарда, которые сам он находил хоть и формально верными, но полностью несущественными. По счастью, это происходило в то время, когда отец уже не мог держать мышку, хотя младшие Форттрасты, разумеется, читали все.

Ричард развернулся и пошел назад. Он никогда особенно не любил гладкостволки. Им был отведен дальний конец цепочки. На ближнем конце, рядом с кое-как припаркованными джипами, компания детишек лет восьми – десяти, в плотном полукольце бдительных взрослых, увлеченно палила из однозарядных мелкашек.

Прямо перед Ричардом стояли пятеро ребят лет двадцати, рядом с ними увивались двое подростков. В центре внимания находилась армейского вида штурмовая винтовка – без дерева, без камуфляжа, без каких-либо претензий, что она предназначена для охоты. Винтовка принадлежала Лену, двоюродному племяннику Ричарда, сейчас – студенту-энтомологу Университета Миннесоты. Красными обветренными руками Лен держал пустой тридцатизарядный магазин. Ричард, вздрагивая каждый раз, когда у него за спиной бухал дробовик, наблюдал, как Лен втокнул в рожок три патрона и протянул его парню, державшему винтовку, после чего принялся терпеливо объяснять, как вставить магазин, отпустить затворную раму и сдвинуть предохранитель.

Ричард повернулся к ним спиной и увидел компанию людей постарше: некоторые отдыхали на складных стульчиках с камуфляжными сиденьями, другие стреляли из больших и старых охотничьих винтовок. Они выглядели благожелательнее молодежи, но Ричард чувствовал

– а может, в нем говорила мнительность, – что им будет спокойнее, если он пройдет мимо не останавливаясь.

Ричард приезжал на общий сбор не чаще чем раз в два-три года. Возраст и обстоятельства подарили ему приятную возможность стать специалистом по семейной генеалогии. Это он составил фамильное древо, копии которого рассматривали мамы в джипах. Если бы Ричард мог собрать их всех на несколько минут в кружок и рассказать кое-что о людях, которые палили сейчас вдоль ограды, и о том, сколько у них стволов – речь, разумеется, не о «глоках» и автоматах, а о несамозарядных револьверах, «М-1911» и рычажных винтовках под винчестерный патрон, – они бы поняли, что его прошлое, даже если оно им не по душе, куда ближе к семейным традициям, чем их нынешний образ жизни.

Но чего он вообще так заводится?

За этими мыслями Ричард набрел на компанию молодежи, стрелявшую из пистолетов.

Чем-то – трудно сказать, чем именно, – эти ребята разительно отличались от тех, что толпились вокруг Лена. Они из города. Из большого города, наверное, на побережье. Скорее всего на Западном. Не из Лос-Анджелеса. Где-нибудь между Санта-Крусом и Ванкувером. Длинноволосый парень, упакованный для защиты от айовских морозов в пять слоев флиса и ветровку, татуированными руками держал перед собой «глок-17» и с расстояния в сорок футов сосредоточенно всаживал пулю за пулей в пластиковую бутылку из-под молока. За ним стояла девушка с волосами и кожей темнее, чем у всех остальных на семейном сборище, в больших очках, которые Ричард назвал про себя очками «Поколения Икс», хотя сам термин «Поколение Икс» уже безнадежно устарел. Девушка лучилась счастьем. Она явно влюблена в парня с пистолетом.

Эта эмоциональная открытость гораздо больше, чем одежда или прически, выдавала в них чужаков. Здешние края метили своих уроженцев привычкой держать чувства при себе, въедавшейся, как татуировка. Отчужденность Ричарда успела довести до белого каления с полдюжины его подружек, прежде чем он научился хоть как-то ее преодолевать. Однако при необходимости он всегда мог опустить ее на лицо как забрало.

Девушка повернулась к нему и вскинула розовые перчатки в жесте, который у мужчин означает «Гол!» а у женщин «Я тебя сейчас обниму!». Она что-то говорила, но наушники, заглушавшие грохот девятимиллиметрового калибра, пропускали только обрывки слов.

Ричард опешил.

На лице девушки, осознавшей: «Он меня не узнает», начало проступать ошеломленное выражение. И тут, благодаря этому самому выражению, Ричард узнал ее и по-настоящему обрадовался.

– Сю! – воскликнул он и немедленно (все-таки иногда полезно быть историком семьи) поправился: – Зула!

Через секунду Ричард уже ласково ее обнимал. Под всеми слоями одежды она была все такая же худенькая, как прежде. Хотя сильная. Зула встала на цыпочки, чтобы прижаться щекой к его щеке, потом разжала руки и опустила на толстые подошвы утепленных зимних ботинок.

Ричард знал о ней все – и ничего. Ей, должно быть, лет двадцать пять. Колледж закончила года два назад. Когда они последний раз виделись?

Наверное, еще во время ее учебы. А значит, за те несколько лет, что Ричарду было недосуг про нее вспомнить, Зула прожила целую жизнь.

В ту пору она практически сводилась для него к своей предыстории: эритрейская сирота, вывезенная церковными миссионерами из лагеря для беженцев в Судане, удочеренная сестрой Ричарда Патрисией и ее мужем Бобом (вскоре слинявшим из семьи), вновь осиротевшая после внезапной смерти Патрисии. Заново удочеренная Джоном и его женой Элис уже перед колледжем.

Ричард попытался вспомнить, что писали Джон и Элис в последних рождественских письмах. Зула училась где-то неподалеку – в Айовском университете? Чему-то практическому – у нее диплом инженера. Нашла работу, куда-то переехала.

– Классно выглядишь! – выдавил он, потому что пора уже было что-нибудь сказать, а фраза представлялась достаточно безобидной.

– Ты тоже, – ответила она.

Ричард немного смутился – уж слишком очевидной была лесть. Лет сорок назад они с приятелями катили куда-то по местной дороге и оказались в хвосте у медленно ползущего фермерского грузовичка. Кто-то из ребят (вероятно, не без помощи наркоты) заметил сходство – которое, раз обнаруженное, уже невозможно было отрицать – между широкой кирпичной физиономией Ричарда и задницей красного пикапа. Отсюда прозвище Додж. Он все ждал, когда приобретет благообразную величавую внешность пожилого мужчины на идилической рыбалке с рекламы лекарств от простатита, а вместо этого видел в зеркале сильно расплывшуюся, в пигментных крапинках, версию себя тридцатипятилетнего. А вот Зула и правда выглядела великолепно. Негритянско-арабский тип с явной примесью итальянского. Крупный нос, который в других семьях и в других обстоятельствах пошел бы под скальпель, однако Зула поняла, что он – особенно в сочетании с большими очками – смотрится эффектно. За модель ее никто не принял бы, однако свой образ она нашла. Ричард мог только догадываться, какого рода феромоны вырабатывает стиль Зулы для ее сверстников; ему она виделась таким межпланетным библиотекарем, девушкой-гиком, умненькой и привлекательной, но не до такой степени, чтобы почувствовать к ней что-нибудь недолжное.

– Это Питер, – объявила Зула. Ее бойфренд как раз опустошил магазин «глока». Ричард с одобрением отметил, что молодой человек проверил патронник, выщелкнул магазин и еще раз передернул затвор, прежде чем переложить пистолет в левую руку, освобождая правую для рукопожатия. – Питер, это мой дядя Ричард. Вообще-то он живет совсем близко от нас!

– В Сиэтле? – спросил Питер.

– У меня там квартира, – промямлил Ричард, умирая от стыда: его племянница живет в Сиэтле, а он и не знал. Что подумают родственники? – Последние годы я больше времени провожу в Элфинстоне, – добавил он в свое оправдание и на случай, если Питеру это ничего не говорит, уточнил: – В Британской Колумбии.

Однако лицо Питера уже зажглось интересом.

– Говорят, там отличные склоны для сноуборда!

– Понятия не имею, – ответил Ричард. – Но все остальное там очень даже ничего.

Зула тоже умирала со стыда.

– Прости, что я с тобой не связалась! Это было у меня в списке.

У большинства людей такая фраза была бы просто вежливой отговоркой, но Ричард знал, что у Зулы и впрямь есть самый настоящий список, в котором одним из пунктов значится: «Позвонить дяде Ричарду».

– Это мое упущение, – сказал он. – Надо было устроить тебе торжественную встречу.

Пока они заряжали, Зула рассказала про свою жизнь. Она окончила Айовский университет с двумя дипломами – по программированию и по геологии, четыре месяца назад приехала в Сиэтл и устроилась в молодую компанию, которая намеревалась строить опытную геотермальную станцию рядом с горой Рейнир – вулканическим ружьем, нацеленным в голову Сиэтла. Зуле предстояло заниматься компьютерным моделированием подземных тепловых потоков. Ричарду приятно было слышать от нее умные словечки, наблюдать, как мозги Зулы работают над тем, для чего созданы. В студенческие годы она была застенчивая, немножко слишком натурализованная, немножко слишком непритязательная. Усредненная американская девушка по имени Сью, у которой в официальных документах почему-то стоит «Зула». Теперь она в большей мере стала собой.

– Так что случилось? – спросил Ричард. Зула старательно употребляла прошедшее время: «намеревалась», «планировала».

– Когда я приехала, там уже царил полный хаос. – На лицо Зулы, когда она это говорила, занятно было смотреть. У ребенка, которого вывезли из Эритреи в Айову, должны были сложиться любопытные представления о полном хаосе. – Какая-то ерунда с хеджевыми фондами, что-то вроде финансовой пирамиды. Месяц назад компания начала процедуру банкротства.

– Ты безработная, – уточнил Ричард.

– В каком-то смысле да, – ответила Зула и улыбнулась.

Теперь у Ричарда появился новый пункт в его списке, который в отличие от списка Зулы представлял собой постоянно носимую в голове мешанину из неопределенных намерений, грызущих тревог и смутно осознаваемых кармических долгов. «Устроить Зулу в Корпорацию-9592». Был даже вполне убедительный предлог, чтобы ее пригласить. Трудность состояла в другом: как помочь Зуле, чтобы другие на семейном сборище не сочли его ходячей ярмаркой вакансий.

– Что ты знаешь про магму? – спросил он.

Зула полуобернулась и взглянула на него искоса.

– Больше тебя, наверное.

– Ты умеешь моделировать тепловой поток. А движение магмы?

– Квалификации хватит.

– Тензоры? – Ричард понятия не имел, что такое «тензоры», но много раз слышал это слово от математиков – обычно оно звучало на этапе перехода от общих фраз к чему-нибудь более практическому.

– Типа того, – ответила Зула нервно, и Ричард понял, что сморозил глупость.

– Для нас по-настоящему важно, чтобы все было правильно.

– Для *игровой компании*?

– Да, для моей игровой компании, входящей в первые пять сотен по версии «Fortune»¹.

Зула так и застыла вполборота, пытаясь понять, не прикалывается ли над ней Ричард.

– Речь о стабильности финансовых рынков.

Зула явно не готова была купиться.

– Поговорим позже. У тебя есть знакомые с расстройствами аутического спектра?

– Да! – Теперь Зула смотрела прямо ему в лицо.

– Ты могла бы с такими работать?

Зула указала глазами на своего парня.

У Питера не получалось зарядить магазин. Он пытался вставить патрон задом наперед. Ричард уже с полминуты думал, как бы тактично об этом сказать, но тут Питер сообразил сам и развернул патрон правильно.

По тому, как Питер держал «глок», Ричард решил, что ему это не в новинку. Теперь он понял, что Питер, видимо, впервые взял в руки пистолет. Однако он быстро осваивает новую технику. Самоучка по жизни. Может разобраться во всем, что логично и подчиняется правилам. И знает это. Не стал просить о помощи. Куда быстрее дойти своим умом, чем мучиться, слушая бестолковые объяснения, и вступать с объясняющим в эмоциональный контакт. Определенно есть что-то, что Питер умеет лучше всех. Что-то техническое.

– А ты что подельвал, дядя Ричард? – весело спросила Зула. Она, может, и научилась быть собой, но для таких случаев держала про запас крошку Сью.

Ответ «дождался рака» был бы чересчур честным. Если сказать «вел безнадежную позиционную войну с клинической депрессией», возникнет впечатление, что он в депрессии *сейчас*, что неправда.

¹ «Fortune 1000» – список самых крупных компаний США по версии американского журнала «Fortune». – Примеч. ред.

– Тревожился из-за смещения палитры, – сказал Ричард.

Питеру и Зуле странным образом понравился его неответ. Видимо, так в их представлении и должен вести себя мужчина за пятьдесят. А может, Зула уже рассказала Питеру все, что знает или подозревает о Ричарде, и оба разумно предпочитают не лезть с расспросами.

– Вы летели через Сиэтл? – спросил Питер, чересчур быстро переходя к спасительной теме авиаперелетов.

Ричард мотнул головой.

– Доехал на машине до Спокана. Это часа три-четыре, в зависимости от того, сколько снега и долго ли придется стоять на границе. Оттуда прямой рейс до Миннеаполиса. Там я арендовал большой американский автомобиль и приехал на нем сюда.

Он кивнул в ту сторону, где бордовый «меркьюри-гранд-маркиз» заслонял шестую часть зодиакального круга.

– Здесь ему самое место. – Питер повел глазами в сторону фермы, затем невинно глянул на Ричарда.

Тот отреагировал на шутку сложнее, чем мог бы догадаться Питер. С одной стороны, приятно, что ребята приняли его в игру, с другой – Ричард вырос на этой ферме, и такое отношение к ней его слегка резануло. Он подозревал, что они уже запостили сообщения в «Твиттер» и «Фейсбук» и хипстеры в кафешках Сан-Франциско в эту самую минуту выстукивают «бу-га-га» и «жесть» под фотографиями Питера с «глоком».

Тут он услышал голос одной из своих «бывших», упрекающий, что ему еще рано становиться таким старым занудой.

Немедленно подключился второй женский голос и напомнил, что колоссальный «гранд-маркиз» арендован из *иронических* соображений.

«Бывшие» Ричарда давно исчезли с горизонта, но их голоса преследовали его постоянно и говорили с ним, словно музы или фурии – как если бы семь Супер-Эго выстроились расстрельной командой перед одним несчастным Ид², чтобы не дать ему с удовольствием выкурить последнюю сигарету.

Питер и Зула, наверное, подумали, что Ричард на время потерял нить разговора, – первый признак старческого маразма. Ну и ладно. В магазинах было столько патронов, сколько можно засунуть задубевшими пальцами. Зула, потом Ричард по очереди постреляли из «глока». К тому времени как они закончили, пальба вдоль колючей проволоки уже почти стихла. Боезапас кончился, народ замерз, дети ныли, оружие пора было чистить. Складные стулья отправлялись в багажники джипов. Зула упорхнула к своим кузинам, и теперь они с повизгиванием висли друг у друга на шее. Ричард нагнулся, что в последнее время было несколько труднее обычного, и начал собирать гильзы. Краем глаза он видел, что Питер последовал его примеру, но скоро бросил, не желая далеко уходить от Зулы. Болтать со стайкой ее кузин парень не хотел, оставлять ее одну – тоже. Его голова постоянно поворачивалась туда, куда перемещалась Зула. Такая бдительность и радовала, и огорчала Ричарда, который не стыдился слегка приревновать.

Питер глянул через поле на дом, отвел глаза и снова повернулся, чтобы посмотреть внимательнее.

Он знает. Зула сказала ему, что случилось с ее приемной матерью. Может, Питер даже залез в Гугл и проверил. Вероятно, ему известно, что в год от удара молнии гибнет пятьдесят – шестьдесят человек и что Зуле тяжело об этом говорить: большинству такая смерть представляется чересчур нелепой – им проще думать, что она шутит.

² Ид – в психоанализе одна из трех структур личности, включающая в себя все заложенное в человеке изначально – наследственность и инстинкты. – Примеч. ред.

* * *

«Гранд-маркиз» заблокировал выезд джипу с замерзшими мамашами и детьми, поэтому Ричард, радуясь предложению уйти, быстро двинулся к машине. Проходя между Питером и Зулой, он негромко объявил: «Я в город», – что означало: «еду в “Уолмарт”», – и забрался в огромный «меркьюри». Он услышал, как открывается задняя дверца, увидел, как Питер и Зула садятся на мягкий диван. Пассажи́рская дверь тоже открылась, и в машину плюхнулась еще одна девица лет двадцати пяти. Имя ее Ричард должен был знать, но забыл. Надо будет по дороге как-нибудь выяснить.

У юных весельчаков много чего нашлось сказать про «гранд-маркиз»; они заценили шутку и решили, что Ричард – классный. Девица на переднем сиденье объявила, что никогда не сидела «в такой машине», подразумевая, очевидно, седан. Ричард почувствовал себя не просто стариком, а доисторической окаменелостью.

Минут пять ребята щебетали, перекидываясь фразами, потом умолкли. Питер явно не рвался выкладывать сведения о себе. Ричарда это вполне устраивало. Люди, у которых есть визитные карточки с названием должности, легко могут рассказать про свою работу, но тем, кто занимается чем-нибудь умным дома за компьютером, пускаться в долгие объяснения чисто для поддержания разговора – себе дороже. Лучше уж сразу про авиаперелеты.

Закоченевшие руки и ноги вытягивали из мозгов всю энергию. За окнами тянулся вымороженный пейзаж – Западная Айова. Люди из других краев, пересекая штат, обычно не видят разницы между западом и востоком – или между Огайо и Южной Дакотой. Однако Ричард здесь вырос, он много раз отправлялся в индейские вылазки или пиратские экспедиции вдоль ручья, поэтому чувствовал градиент местности и понимал, что они на границе Среднего Запада и Запада, как будто по одну сторону ручья ты сгребашь с черной земли прелую листву, слушая по транзистору футбол, а по другую – вытаскиваешь из шапки стрелы.

Был и градиент в направлении север – юг. На юге – Миссури и Канзас, куда часть Фортрастов (согласно его исследованиям) бежала во время Войны Севера и Юга, спасаясь от эскадронов смерти и террористов. На севере – особенно в такой день – почти видишь развернутые к полюсу плечи земли. На этой широте Фортрасты, рванувшие на север, почувствовали забирающийся под одежду морозец и решили остановиться. Здесь они и пустили корни – не как старые ореховые деревья у ручья, а как ежевика или одуванчики, которые, стоит одному семечку зацепиться, покрывают все плотным ковром.

«Уолмарт» напоминал звездолет, приземлившийся на соевом поле. Ричард проехал мимо той части магазина, где торговали продуктами, мимо аптеки и оптики и припарковался возле промтоварного ангара. Парковочные места тут были рассчитаны на полноразмерные пикапы, что для него сейчас имело немаловажное значение.

Они вошли. Ребятишки сбились с шагу и затормозили: способность иронизировать, заменявшую им душу, наглухо вырубил сверхмощный внешний сигнал. Ричард шел вперед не останавливаясь – у него была цель. Он вроде бы придумал, как помочь сборищу, не вляпавшись ни в одну из коровьих лепешек, подстерегающих на этом пути.

Он шел, пока не добрался до отдела, где все вокруг было камуфляжным или ядовито-оранжевым. Вышел старик в синей жилетке и уперся морщинистыми руками в витрину, словно хозяин салуна на Диком Западе. Ричард ответил на его дежурное приветствие и сказал, что хочет купить три коробки наговских патронов калибра 5,56 миллиметра. Продавец кивнул и повернулся к витрине, в которой был выставлен по-настоящему крутой товар. Сзади на жилетке у него был изображен желтый смайлик, который на сгорбленной старческой спине выпирал почти полушарием.

– Лен выдавал по три патрона, – объявил Ричард догнавшим его ребятишкам. – Все хотят пострелять из штурмовой винтовки, но никто не покупает патроны. Пять пятьдесят шесть довольно дороги, потому что все маньяки убеждены, что их скоро запретят.

Продавец аккуратно выставил на стеклянный прилавок три тяжелые коробки, достал из пластмассовой кобуры пистолет для считывания штрих-кодов и чикнул по каждой: три нажатия на спуск, три прямых попадания. Прозвучала внушительная сумма. Ричард вытащил бумажник. Племянница или троюродная сестра (по дороге так и не выяснилось, как ее зовут) заглянула в объемистое нутро из дорогой кожи так беспардонно, что Ричарду захотелось просто вручить ей бумажник. Она удивилась, увидев лицо королевы Елизаветы и цветные карточки с изображением хоккеистов. Ричард не сообразил поменять деньги, а теперь оказался в таком месте, где нет обменника. Он заплатил дебетовой картой.

– Давно вы переехали в Канаду? – спросила девица.

– В семьдесят втором.

Продавец сверкнул на него бифокальными очками: «От призыва косил!»

Ни у кого из молодых такой ассоциации не возникло. Интересно, они вообще знают, что в их стране когда-то был призыв и от него косили?

– Пожалуйста, введите ПИН-код, мистер Форрест, – сказал продавец.

Ричард, как многие уехавшие, произносил свою фамилию с ударением на последнем слоге, но отзывался и на здешнее «Фёртраст» и даже на «Форрест».

К тому времени как они добрались до выхода, он решил, что «Уолмарт» похож не столько на звездолет, сколько на межпространственный портал, связывающий все «Уолмарты» в известной вселенной, и, пройдя через стеклянные двери, они могут оказаться в Уичите или Покателло, однако вышли они по-прежнему в Айову.

– А почему вы переехали? – спросила племянница-кузина на обратном пути. Она говорила с гнусавой растяжкой, которой были заражены большинство здешних девиц и от которой стремительно избавлялась Зула.

Ричард глянул в зеркало заднего вида: Питер и Зула обменялись выразительными взглядами.

«Киса, ты когда-нибудь слышала про Википедию?!»

Вместо того чтобы объяснить, отчего переехал, Ричард сказал, чем там занялся:

– Я работал проводником.

– У охотников?

– Нет, я не охотник.

– Мне просто интересно, откуда вы столько знаете про оружие.

– Потому что я здесь вырос, – ответил Ричард. – А в Канаде многим из нас приходилось носить оружие по работе. Там это труднее. Надо пройти курсы, состоять в клубе и все такое.

– А почему вы носили оружие, если...

– Если мы не охотились?

– Да.

– Гризли.

– На случай если он нападет?

– Верно.

– И тогда надо было стрелять в воздух, чтобы напугать?

– В сердце. Чтобы убить.

– А такое случалось?

Ричард снова глянул в зеркало заднего вида, надеясь послать телепатический сигнал: «Бога ради, отвлеките ее», – но Питер и Зула слушали с заинтересованным видом.

– Да, – сказал Ричард. Ему хотелось соврать, однако на сборище это бы все равно потом выплыло.

- У деда в комнате есть медвежья шкура, – подала голос Зула.
- Она настоящая? – изумилась девица.
- Ну конечно, настоящая, Викки! А ты думала – синтетическая?
- Так вы убили гризли, дядя Дик?
- Я выпустил в него две пули, пока мой клиент восстанавливал подзабытые навыки лазанья по деревьям. Вскоре после этого медведь перестал дышать.
- И вы его освежали?
- «Нет, он любезно выскочил из шкуры, прежде чем испустить дух». Ричарду было все труднее бороться с искушением ответить резкостью. Только Музы-Мстительницы его и останавливали.
- Я на себе перетащил шкуру через границу, – услышал он свой голос. – Вместе с черепом и прочим она тянула примерно на половину моего тогдашнего веса.
- А зачем?
- Потому что это незаконно. Не в смысле убивать медведя: убить можно, если ради самозащиты, – но тушу надо передать властям.
- Почему?
- Потому что, – сообразил Питер, – иначе люди начнут стрелять медведей ради трофеев и говорить, будто защищались.
- А далеко было нести?
- Двести миль.
- Ух, видно вам здорово хотелось ее заполучить!
- Да нисколько.
- А зачем же вы несли ее двести миль?
- Потому что ее хотел заполучить клиент.
- Я совсем запуталась! – посетовала Викки, как будто всех здесь заботило ее эмоциональное состояние. – Вы сделали это для клиента?
- Наоборот! – с легкой досадой вмешалась Зула.
- Питер сказал:
- Минуточку. Медведь напал на вас и на вашего клиента...
- Историю рассказываю я! – оборвал Ричард, поднимая руку. Он не собирался ее излагать – вообще надеялся, что она не всплывет, – однако это была его единственная история о себе, которую можно рассказать в приличной компании, и коли уж до этого дошло, он не намеревался уступать свое право. – На медведя залаяла собака клиента. Побеспокоила бедного мишку. Он поднял ее зубами и начал трясти, как белку.
- Это был пудель или типа того? – спросила Викки.
- Восемьдесятфунтовый золотистый лабрадор, – ответил Ричард.
- Мамочка родная!
- Ну вот примерно это же я себе и сказал. Когда лабрадор перестал дергаться – что произошло довольно быстро, – медведь отбросил его в кусты и двинулся на нас, словно говоря: «Если у вас есть что-нибудь общее с этой вонючей псиной, то вы покойники». Так дело и дошло до стрельбы.
- Питер фыркнул над формулировкой.
- Именно: никакого героизма. Подходящее дерево было только одно, а клиент карабкался не то чтобы слишком резко. Я к тому, что мы не могли разом взобраться на дерево. И даже лошадь не убежит от гризли. У меня в руках ружье с жаканами. Что делать?
- Молчание, пока все трое обдумывали риторический вопрос.
- С жаканами? – спросила Зула, переключаясь в инженерный режим.
- Такая специальная пуля под дробовик двенадцатого калибра. В общем, я держу в руках фирменную двустволку Элмера Фадда, снаряженную аккурат для этого дела. Меня основа-

тельно трясет, так что я для упора встаю на колено и луплю с обоих стволов. Медведь убежал. Мы нашли его ярдах в двухстах от лагеря, уже мертвого. Клиент захотел шкуру. Я сказал, что это противозаконно. Он предложил мне деньги. И я начал свежевать. Ушло несколько суток. *Отвратное* занятие. Домашний-то скот забивать не подарок, потому мы в Айове и выписываем для этого мексиканцев, – говорил Ричард, постепенно заводясь, – так вот медведь еще хуже. Он *воняет*. – Ясно было, что его слушателям все равно не понять. – Практически разит рыбой. Как будто ты искупался в его гормонах.

Викки передернуло. Ричард подумывал рассказать, какого размера у гризли яйца, но понял по ее лицу, что не стоит перегибать палку.

Вообще-то он собирался ободрать шкуру кое-как, однако, на свою беду, начал с когтей. И сразу вспомнил читанные в детстве книжки про индейцев: как сиу при посвящении в воины убивали медведя и делали из его когтей ожерелье. Мальчишки его поколения относились к такому серьезно: Ричард знал про Бешеного Коня не меньше, чем школьники былых поколений – про Цезаря. Так что ритуал следовало исполнить целиком. Начав с когтей, он все никак не мог выбрать момент, чтобы просто покромсать тушу.

– Чем дольше я с ней возился, тем меньше мне хотелось отдавать ее клиенту, – продолжал Ричард. – Ему прямо свербело ее получить. Я там по уши в кровище, отбиваюсь от ос, а он подходит вразвалочку глянуть, большая ли шкура, и все такое. Я чувствовал: он уже видит ее на полу своего офиса или квартиры. Брокер из Нью-Йорка. Наверняка бы рассказывал, как сам завалил медведя, пока струхнувший проводник карабкался на дерево. Мы поспорили. Я сваял дурака, потому что уже крепко влип и меня ничего не стоило прижать. Клиент пообещал, что, если я не отдам шкуру, он настучит и меня вышибут с работы. Я послал его в задницу, взял шкуру и пошел. Ключи оставил ему в машине.

Молчание.

– Мне не так уж нужна была эта шкура, – объяснил Ричард, – просто я не хотел, чтобы он ею хвастал.

– Вас уволили?

– Да. И лицензию отняли.

– И чем вы занялись, когда потеряли работу?

«Стал по проторенной дорожке носить через границу анашу».

– Да так, разным.

– Ммм... надеюсь, оно того стоило.

«Еще как!»

Они подкатили к ферме. Вся подъездная дорога была заставлена джипами, так что Ричард, злоупотребив правом выросшего в этом доме, поставил «гранд-маркиз» на жухлой траве у самого крыльца.

* * *

Выбираться из машины с такой низкой посадкой все равно что вылезать из собственной могилы. Ричард поймал Питера на том, что он оглядывает двор – пытается сообразить, где была натянута роковая веревка.

Ричард даже подумал, не стать ли ему Вергилием – не рассказать ли прямым текстом все, что пареньку предстоит мучительно собирать по частям, если их с Зулой отношения – надолго. Он промолчал, но в голове слова звучали. Если можно смотреть мысленным взором, то сейчас говорил его мысленный рот.

Бугорок, окруженный кольцом заледенелых поганок, словно чирей из какого-то нижнего братьяgrimмовского слоя, силился пробиться через дерн. «Вот что осталось от старого дуба. Веревка шла от него к дому – видите, вот здесь, сразу за трубой, скоба. Мама умирала. Болезнь

у нее была такая, при которой надо часто менять постельное белье. Я предложил съездить в город и купить еще простыней в «Джей-Си-Пенни» – был такой прото-«Уолмарт». Патрисия возмутилась. Как будто я сказал, что она плохая дочь. Машина как раз достирала очередную порцию, а сушилка еще работала, и Пэт развесила простыни на улице. День выдался такой, когда чувствуешь, что будет гроза. Мы все сидели у маминой постели и пели церковные гимны, и тут гром загрохотал по прерии, как бильярдные шары. Пэт бросилась на улицу, чтобы снять простыни до дождя. Мы все слышали молнию, которая ее убила. Словно десять брусков динамита жажнули прямо за окном. Электричество вырубилось, мама проснулась, в первые минуты никто ничего не понял. Потом Джейк выглянул в окно и увидел Пэт на траве. Уже и под простыней. Маме мы так ничего и не сказали. Долго было бы объяснять. Под вечер она впала в забытие и на четвертые сутки умерла. Мы похоронили их вместе».

Ричард ошалело затряс головой. Невозможно поверить, что непогода и сейчас кого-то убивает. Люди, слыша эту историю, непременно отпускают какое-нибудь замечание, иногда даже невольно смеются. Ричард одно время подумывал основать в Интернете группу взаимной поддержки для тех, у кого близких убило молнией. Все было будто из книжки, как если бы семья вырастила собственного писателя или рассказ подхватил некий бродячий айовский бард. Тем не менее история эта – собственность Зулы, ей и решать, когда и с кем делиться.

Она, слава Богу, была в скаутском лагере, так что ее смогли привезти домой и осторожно, в присутствии детского психолога, рассказать, что она на двенадцатом году жизни повторно осиротела.

Через несколько месяцев беглый муж Патрисии, Боб, внезапно прорезался и сделал вялую попытку не дать Джону и Элис удочерить Зулу. А потом исчез так же внезапно, как появился.

Зула провела остаток детства в этом доме, на попечении у Джона и Элис, и выросла совершенно нормальной девушкой. Ричард как-то читал статью, что дети, прошедшие через ад, полностью исправляются, если в нужный момент кто-нибудь старший возьмет их под крыло. Видимо, Зула протиснулась в эту щелочку. За четыре года от удочерения до удара молнии Патрисия успела передать ей что-то, за что она дальше могла держаться.

Ричард так и не женился, а Джейк, младший братишка, стал тем, кем стал: это началось вскоре после того, как он выглянул в окно и увидел мертвую сестру под дымящейся простыней. В итоге такого сочетания смертности и демографии Элис оказалась не просто старшей, но и единственной взрослой женщиной в семействе Фортраст. Они с Джоном вырастили четверых детей, однако именно потому, что в них столько вложили, все четверо перебрались на серьезную работу в большие города (извечная трагедия Айовы – лучшая молодежь вынуждена бежать из штата, чтобы найти себе занятие по способностям). Вместе с сознанием безответственности оси Ричард – Джейк это породило у Элис квазипостоянное чувство обиды на мужскую часть семьи и привело к вялотекущей окопной войне. Элис как фельдмаршал одной из сторон считала нужным вербовать всю родню вплоть до самой дальней. Джон вольно или невольно помогал ей – например, поддерживал традицию стрельб, хоть немного скрашивавших мероприятие для родственников-мужчин. Однако главная работа, как запоздало осознал Ричард, происходила на кухне и не имела ничего общего с готовкой.

Это, впрочем, не означало, что мужчинам возбраняется внести свою лепту.

Ричард отыскал «субару» Лена, оставил коробки с патронами на водительском сиденье и вернулся в дом через редко используемую парадную дверь, которая вела в редко используемую гостиную, сейчас наполненную народом. Впрочем, больше половины стрелков разъехались по мотелям отдыхать и мыться, так что пройти было можно. Кто-то из молодых родственников предложил забрать и повесить его парку. Ричард вежливо отказался, потом охлопал нагрудный карман, убеждаясь, что конверты на месте и молния застегнута.

Пять племянников (словом «племянник» обозначались все родственники младше сорока) развалились на диванах и креслах и тыкали в ноутбуки, перекачивая друг другу фотки. На экранах мелькали яркие картинки, создавая забавный и грустный контраст десятку семейных снимков, отпечатанных по средневековой технологии, тщательно обрамленных и развешанных по стенам комнаты.

Ухо Ричарда уловило имя Джейк. Он повернулся и увидел, что кузина постарше разглядывает годичной давности снимок Джейка с семейством. Фотография выглядела обманчиво нормальной, как будто Джейк, пославший лесом все законы современной американской жизни, в одном остался как все: не сняться с Элизабет и тремя мальчиками он попросту не мог. Запечатлел всех пятерых, наверное, какой-нибудь член их сектантской общины, фотограф-любитель, а рамку из бересты смастерили мальчики своими руками. С виду семейство ничем не отличалось от обычных людей; истинного Джейка выдавали только мелочи вроде бороды, как у пехотинца армии конфедератов.

Женщина спросила, почему Джейк с семьей никогда не приезжает на общий сбор.

Ричард знал: когда речь заходит о Джейке, надо быстро перехватить инициативу и представить младшего братишку вменяемым человеком, пока кто-нибудь не выставил его психом и не возникла неловкость.

– После одиннадцатого сентября Джейк не летает самолетами, потому что в аэропорту надо предъявлять документы, – объяснил Ричард. – Он считает это неконституционным.

– На машине-то он хоть иногда приезжает? – осторожно полюбопытствовал кто-то из свояков. В голосе слышалась тень иронии.

– Водительских прав он тоже не признает.

– Но машину-то он должен водить? – спросила женщина, которая начала разговор. – Мне кто-то сказал, что он плотник.

– В той части Айдахо, куда перебрался Джейк, можно ездить без прав, – сказал Ричард. – У него взаимопонимание с местным шерифом, которое не распространяется на другие части штата.

Он даже не стал рассказывать, что номера на свою машину Джейк тоже отказывается ставить.

Ричард совершил быстрый налет на окраины кухни, схватил пару печенюшек и сбежал, оставив женщинам тему для обсуждения. Затем направился туда, где в его детстве было заднее крыльцо. Не так давно там оборудовали круглосуточный медицинский стационар марки «холостяцкая берлога» для их отца.

Отец – по документам Николас Фортраст, девяноста девяти лет от роду, известный сборищу как «дед», – покоился на полулежачем кресле в комнате, где каждому с порога бросалась в глаза огромная медвежья шкура. Ричард почти чувствовал, как из нее сочатся вышеупомянутые гормоны. Когда в 2002-м перестроили крыльцо, Элис первым делом отнесла туда шкуру. В качестве символа наследственной доблести Фортрастов медвежий ковер дополнял отцовскую медаль Почета на стене позади кресла (в рамке под стеклом, как пристало высшей воинской награде страны). В углу внушительных размеров кислородный баллон соперничал за электророзетки и место на полу с аппаратом для гемодиализа. Очень старый ламповый телевизор в тумбе орехового дерева служил постаментом пятидесятичетырехдюймовой плазменной панели, где сейчас показывали профессиональный футбольный матч с выключенным звуком. На месте второго пилота по правую руку от отца в чуть менее троноподобном кресле возлежал Джон – и.о. семейного патриарха, на шесть лет старше Ричарда. Несколько племянников, устроившись по-турецки на ковре, увлеченно следили за игрой. Какая-то из сестер Карденас (видимо, все-таки Розы) суежилась рядом с креслами: записывала на планшетах непонятные числа, складывала белье – иными словами, готовилась препоручить отца Джону, чтобы отметить День благодарения в собственной семье.

С тех пор как отец обзавелся всеми этими периферийными устройствами – внешней почкой, внешним легким, – он превратился в довольно сложный механизм вроде навороченного агрегата для аргонодуговой сварки, с которым в одиночку не справишься. Джон, вернувшийся из Вьетнама без обеих ног ниже колена, отлично разбирался в протезах: он прочитал все инструкции, так что мог на какое-то время заменить сиделку. Один на один с Ричардом отец не протянул бы и двенадцати часов, и тому приходилось участвовать в процессе более хитрым способом. Он стоял, засунув руки в карманы, и притворялся, будто следит за игрой, пока Розы не двинулась к выходу. Ричард нагнал ее на пандусе, ведущем к отцовскому минифургону, оборудованному лифтовым подъемником, как аттракционы Доктора Сьюза.

– Я провожу вас до машины, – сказал Ричард, и Розы улыбнулась его деликатной формулировке. – Сегодня индейка?

– Индейка и футбол, – ответила она. – Наш футбол.

– Как Кармелита?

– Спасибо, хорошо. У нее такой высокий сын! Баскетболист.

– Не футболист?

Розы улыбнулась.

– Немножко. Головой хорошо бьет.

Она вытащила из сумочки ключи, и на Ричарда пахло разнообразной парфюмерией. Он зашел вперед и распахнул дверцу ее «субару».

– Спасибо.

– Вам спасибо, Розы. – Он расстегнул карман парки. Пока Розы устраивалась на водительском сиденье, расправляя под собой юбку, Ричард вытащил конверт с полудюймовой пачкой сто долларовых купюр и положил в бардачок. Затем мягко прикрыл дверцу. Розы опустила окно.

– Здесь столько же, сколько в прошлый раз, плюс десять процентов, – пояснил Ричард. – Этого довольно? Вас с Кармелитой по-прежнему устраивает?

– О да, спасибо большое!

– Вам спасибо, – повторил он. – Вы ангелы-хранители нашей семьи, и мы вас очень ценим. Если что, у вас есть мой телефон.

– С Днем благодарения!

– И вас, и все семейство Карденас!

Она помахала рукой, включила передачу и тронулась.

Ричард снова похлопал по карману, проверяя второй конверт. Его надо будет тихонько сунуть Джону – пусть запасется кислородом.

Передавая деньги из рук в руки, он всякий раз чувствовал себя по-дурачки. Человеку его темперамента куда проще отправить сто долларовые бумажки переводом, что Ричард и делал в те годы, когда не приезжал на сборище, однако на обратном пути к дому Музы-Мстительницы молчали, из чего Ричард заключил, что не слишком напортачил.

Претензии М.-М. по большей части сводились к его «эмоциональной закрытости». Когда Ричарда впервые огорошили этой фразой, он долго не мог прийти в себя. Он точно знал, что многими чувствами нельзя делиться ни с кем, а уж особенно с теми, кого стараешься не обидеть, – например с девушками. «Эмоциональная открытость» связывалась у него с неконтролируемыми всплесками вроде того, из-за которого он заработал прозвище Додж. Однако несколько «бывших» уверяли, что хотят от него эмоциональной открытости, и в качестве мифологической греческой мести оставались эмоционально открыты ему долго после того, как отношения сходили на нет. Впрочем, с Розы Карденас он вроде бы был вполне эмоционально открыт. Если не чересчур. Может быть, ей стало неловко.

Назад в дом. В игре близился конец четвертого периода, звук включили, в комнату набилось еще больше народу. Ричард не сразу отыскал, куда прислониться. В последнее время найти

такое место стало труднее: экспозиция на стенах постоянно расширялась. Джон, надо думать, проводил здесь столько времени, что позволил себе украсить комнату памятными вещами из Вьетнама.

Лишь один участок стены оставался свободным от посягательств: здесь посреди широкого пустого пространства красовалась на кронштейне с бронзовой табличкой винтовка «М-1 Гарант» времен Второй мировой. Джону совесть не позволила бы забивать алтарь святилища своими вьетнамскими сувенирами.

В детстве Ричард был убежден, что винтовка – *та самая*, но позже Бад Торгсон, последний долгожитель из числа отцовских однополчан, поднял его на смех. Бад терпеливо объяснил, что по инструкции не положено, отстреляв все патроны, перехватывать «М-1» за дуло и лупить противника по каскам, оставляя вмятины в отличной крупновской стали, и что от такого обращения винтовки обыкновенно приходят в негодность. Некто ответственный за выдачу медалей внимательно осмотрел *ту самую*, после чего ее списали на металлолом. «М-1» на стене, вместе с табличкой, купили из армейских излишков и презентовали отцу бойцы его отряда, которых он, если верить истории, спас тогда от смерти или от лагеря для военнопленных.

Ричард не то чтобы сильно горевал, просто удивлялся, отчего потомки Николаса – добropорядочные мужья, работники, прихожане – считают себя наследниками человека, который в свой звездный час, озверев, насмерть забил нескольких штурмовиков импровизированной дубиной.

* * *

После смерти Патрисии, когда Боб (или его адвокат) прислал письмо, в котором неожиданно заявлял права на Зулу, семья провела небольшую конференцию. Ричард участвовал из Британской Колумбии по телефону, включенному на громкую связь. Вообще-то спикерфоны – полная фигня, однако в данном случае это оказалось ему на руку: он мог закатывать глаза и хвататься за голову, а когда стало совсем тошно, отключил звук и выматерился. Джон с Элис и их адвокаты вели себя абсолютно разумно, но Ричарду казалось, что городской совет хоббитов составляет проект резолюции, где первый и основной пункт – потребовать извинений от назгулов. Ричард был тогда в плотном контакте с байкерами, а те, мягко говоря, не во всем ладили с законом. У клуба имелся филиал в Южной Калифорнии. Через его членов Ричард вышел на частных детективов не самого традиционного толка, что в одежде, что в методах работы, и поручил им разузнать побольше о частной жизни Боба. Когда досье достигло приятной толщины – такой, что его можно было с впечатляющим звуком шваркнуть на стол, – Ричард сел в паршивый дизельный «лендкрузер» и рванул из Элфинстона в Лос-Анджелес. Он остановился в гостинице, принял душ и надел ровно такую косуху, под которой прятал бы кобуру, будь у него с собой пистолет. Затем оставил «лендкрузер» в мастерской менять масло и поехал на такси в некий особенный автопрокат, который посоветовал ему в таверне шлосса один актер, приехавший в Элфинстон на съемки. Там Ричард взял в аренду «хамви». Не «хаммер» – жалкую пародию на «хамви», доступную тогда на гражданском рынке (дело происходило в 95-м), – а настоящий армейский вездеход в семь футов шириной, тянувший (вместе с сабвуферами) на три тонны. Врубив на полную «Rage Against The Machine»³ (в «хамви» была крутейшая афтер-маркетная стереосистема), он подкатил на стрелку с получасовым опозданием и припарковался на месте для инвалидов. По отпавшей челюсти Боба за стеклом ресторана Ричард понял, что уже победил.

³ «Ярость против системы» – американская музыкальная группа, известная крайне левыми политическими взглядами. На своих концертах неоднократно сжигала американский флаг. – Примеч. ред.

Это было позорище. Набор самых дешевых понтов, какие только можно придумать. Будь у Боба хоть капля мозгов, он бы по одному этому сообразил, что Ричард блефует.

Тогдашняя будущая «бывшая» Ричарда увлекалась индийской философией, так что он наслушался про аватар, майю и все прочее. Явившись в аватаре бандюка, он предстал перед Бобом именно таким, каким Боб его воображал. А поскольку Боб был теперь врагом семьи, то напугался до потери пульса.

Все прошло как по маслу. Однако Ричард так неловко чувствовал себя в этой аватаре, что изводился мыслью: откуда она взялась? Что на него нашло? Только позже, поговорив с Бадом и поразмыслив над историей медали Почета, он понял: аватара была не его, а семейная.

* * *

Матч не то чтобы закончился, просто, как это обычно бывает, перешел в стадию, когда смотреть уже не на что. Ричард придвинул кресло и сел по левую руку от отца. Их осталось всего трое: Джон, Николас и Ричард. Патрисия умерла четырнадцать лет назад. Джейкоб родился сильно позже остальных, когда мама была в предклимактерическом возрасте, – все понимали, что беременность незапланированная. Джейк не умер, но он в Айдахо – штате, который жители побережий частенько путают с Айовой, хотя на самом деле это полная ее противоположность: айовец может уехать в Айдахо только из принципа.

Ричард не знал, насколько хорошо его отец осознает происходящее. После очередного шквала микроинсультов тот практически не разговаривал, но внимательно следил глазами за людьми в комнате. По лицу и движениям чувствовалось: он в курсе, что происходит, и ему приятно сидеть между двумя старшими сыновьями. Ричард откинулся в кресле, скрестил ноги на медвежьей шкуре и приготовился сидеть долго. Кто-то принес ему пиво. Отец улыбнулся. Вот и славно.

* * *

Ричард проснулся и сделал попытку заткнуть мобильник, однако местный климат высосал из кончиков пальцев всю влагу и они не могли наладить виртуальный контакт с экраном. Он подышал на пальцы, потом облизнул их. Наконец телефон согласился признать в них человеческую плоть, стал отзываться на команды и умолк.

Ричард на ощупь отыскал очки для чтения и ткнул в кнопку календаря. Из темноты выплыла зеленая панель, превратив седые волосы у него на груди в светящиеся изумрудные заросли. Взгляд сфокусировался, и он прочитал: ПОЕЗДКА-СКЕЛЕТОР.

Он переключил масштаб и увидел благоприятные цветовые предзнаменования: ни одной красной полоски на ближайшие две недели, впереди четыре полностью зеленых (то есть рабочих) дня.

Синим обозначались семейные и другие личные дела. Вчерашний день, например, целиком накрылся шестнадцатичасовой гробовой доской с надписью «СБОР».

За «ПОЕЗДКА-СКЕЛЕТОР» шли три здоровенные зеленые плашки: «ИОМ» (код аэропорта острова Мэн – его Ричард помнил даже слишком хорошо), затем «ОММАЖ Д2» и, наконец, «МОРЕ».

Красным отмечались визиты к врачу и заполнение налоговых деклараций. Неделя с несколькими красными полосками полностью потеряна для дела. Синее чуть лучше, хотя имеет тенденцию расползаться и откусывать куски от зеленого. Изредка, правда, его удастся превратить в зеленое, как вчера, когда он понял, что Зула должна работать на Корпорацию-9592.

Единственный способ сделать что-нибудь толковое – проснуться в зеленом режиме и оставаться в нем весь день. Так что сейчас цветофизика требовала выбраться из гостиницы, не попавшись на глаза никому из родственников.

Ричард по телефону сообщил, что освобождает номер, и замер перед глазком, выжидая, когда все миниатюрные Фортрасты в купальниках и плавках пройдут в бассейн или из бассейна, затем выскользнул через черный ход и отогнал «гранд-маркиз» на заправку в полумиле от гостиницы, чисто для подстраховки. Здесь он закачал в машину ванну бензина, купил в дорогу стаканчик кофе и банан. Затем включил бортовой GPS-навигатор и начал копаться в меню.

Трейлерный поселок «Тропа опоссума» уже не значился в базе интересных мест, и пришлось просматривать всю нодауэйскую часть северо-западного Миссури. Ричард ожидал найти разве что почту и парк, поэтому чуть не вздрогнул, когда на экран выскочила крупнопиксельная иконка: гуманоид с заостренными ушками, синими косами и подписью «КОРОЛЕВСТВО КШЕТРИЕВ». На вкладке сообщалось, что оно входит в состав более обширного тематического комплекса «к’Шетрии», включающего парк аттракционов и магазин. У Ричарда рука не поднялась выбрать такой пункт назначения, и он трусливо разрешил навигатору проложить маршрут к административному центру округа.

На пути из города, переваривая мысль, что квазиэльфийская раса под названием «к’Шетрии» (пусть и без пресловутого апострофа) записана теперь в память реальных GPS-навигаторов, он едва не въехал в хвост того, что в этих краях считалось транспортной пробкой: по случаю дня скидок покупатель старались втиснуть машины на стоянку, а себя – в двери «Уолмарта». Раньше он тормозил бы в несколько приемов, но сейчас это дело можно было передоверить АБС, поэтому Ричард просто втопил педаль до пола и стал ждать. Педаль под ногой дергалась. Из отверстия в пластиковой крышке стаканчика вылетела капелька кофе, банан отскочил на крышку бардачка. Ричард спокойно смотрел, как увеличивается в размерах кузов пикапа, немного похожий на плашку в телефонном календаре. Столкновения не произошло. Водитель показал ему средний палец. Зажегся зеленый, и машины поползли вперед. Вскоре Ричард уже ехал по автомагистрали на юг. Это его быстро утомило, и он, к растущему огорчению GPS, свернул на двухрядное шоссе.

Несмотря на шпионское исчезновение из гостиницы, в голове по-прежнему крутились семейные заботы. Он проснулся не в том цветовом режиме! До границы Миссури надо очистить мозги от всяких следов синего, оставив только зеленый.

Поскольку он ехал не просто на дружескую встречу. Сегодняшние недосказанности или неудачные формулировки могут вылиться в дорогостоящие последствия. После Дня благодарения отдыхает вся страна, но только не Скелетор. Их с Ричардом международной клиентуре плевать, когда в Штатах едят индейку. И даже игроки-американцы, отвлекшиеся вчера на семейный долг, сегодня будут наверстывать упущенное, добывая виртуальное золото и компенсаторную славу в мире Т’Эрры. Серверам и сисадминам Корпорации-9592 предстоял один из самых тяжелых дней в году.

Однако мысли постоянно возвращались к синему. Это походило на задание в квесте: требовалось понять, что на самом деле его донимает. Не Музы-Мстительницы: немного поорав, после того как он чуть не въехал в пикап, они надолго умолкли.

Примерно в районе Ред-Оук Ричард наконец решил головоломку: все дело во вчерашнем коротком, но досадном разговоре с читателем Википедии.

Его бесило не содержание конкретной страницы, а то, что она вообще есть и ему о ней напомнили в то самое время, когда он собирался побыть Доджем, расслабиться и почувствовать себя дома.

Страница начиналась фактами про его нынешнее положение; большую часть подробностей неведомые авторы сочли к делу не относящейся. Он не такая важная птица, чтоб приво-

дить в статье развернутую биографию. Ричарда это раздражало: не зная, как все произошло, не понять, как он таким стал.

* * *

Когда Ричард тащил шкуру через хребет Селькирка, он шел без заранее продуманного плана – и даже без мотива! – и уж тем более без карты. Солнце жарило вовсю. На крутых каменистых водоразделах не было воды. Попыткам спуститься с них в тенистые ущелья препятствовали густые заросли; те немногие, кто и впрямь живет в этих краях, называют такие заросли «собачьим мехом» – видимо, потому, что, продираясь через них, чувствуешь себя блохой на собачьей заднице. Полубезумный от голода и усталости, Ричард пересек длинный склон, у подножия которого располагалось устье старой серебряной штольни, одолел полосу «собачьего меха» и внезапно оказался в древней можжевеловой роще. Десятилетия спустя он узнал термин «микроклимат», а тогда просто почувствовал, что попал через пространственно-временной туннель во влажные джунгли на берегу Тихого океана. Плотные кроны не пропускали солнечную энергию, так что земля была счастливо свободна от подлеска, а от родника чуть выше по склону бежал ручеек. Может, просто от перегрева и низкого сахара в крови, но Ричард пережил ощущение чего-то священного. Он сбросил ношу, сел в ручей, давая ледяной воде забраться под одежду, лег на спину, задохнулся от холода, перевернулся на живот, попил.

Фантазия, будто он первый человек в этом месте, развеялась мгновения спустя, когда Ричард заметил в нескольких ярдах от ручья фундамент старого дома. Единственную комнату сейчас занимали остатки крыши. Гниль и муравьи-древоточцы превратили дранку в труху, и Ричард выгребал ее голыми руками, пока не располосовал палец чем-то неожиданно острым. Перевязав палец, он провел более тщательное исследование и обнаружил ящик виски, раздавленный рухнувшей крышей. Сам того не зная, он вышел на старую тропу, по которой во времена «сухого закона» бутлегеры носили контрабанду. Здесь был их схрон.

Что годилось для виски, сгодится и для анаши. Несколько лет Ричард ходил через границу, иногда один, иногда во главе пешего каравана. Он показал товарищам хижину бутлегеров, и они устроили в ней перевалочный пункт. В полумиле ниже по склону начиналась лесовозная дорога. Здесь они встречались с американскими дистрибьюторами – братской общиной байкеров.

В 1977-м президент Картер амнистировал уклонистов. Теперь Ричард мог работать в Штатах под своим именем. Он для разнообразия пересек границу на автомобиле, приехал в административный центр Бурнс-Форд, узнал в архиве, кому принадлежит участок с бутлегерской хижинкой, и купил его за наличные.

Эту подробность коллективный разум Википедии гарантированно отмел бы как нерелевантную, но очень многое в его последующей жизни определилось тем, что он испытал, войдя в прохладную рощицу. Со временем Ричард понял, что это как-то связано с фермой в Айове. Уже в те годы он знал: что бы ни говорилось в отцовском завещании, ему она не достанется. Если он хочет владеть землей, он должен застолбить ее сам. Она может оказаться красивее и лучше, чем та, на которой стоит айовская ферма, но *такой же* не станет никогда – она всегда будет выселками.

Тогда, в конце семидесятых, он воображал, что построит дом у ручья Сухого Закона – как назвал текущую через его владения безымянную речушку – и будет там жить. Однако позже оказалось, что куда приятнее прогуливаться с полными карманами стобаковых купюр у озера Кутеней, к северу от границы, так что охота осваиваться в глуши мало-помалу прошла.

* * *

Горы в этой части Британской Колумбии изобиловали брошенными рудниками. Ричард и его приятель-байкер, канадец по имени Чет, запали на одно место, где лет сто назад богатый немецкий горнопромышленник выстроил шлосс – замок в альпийском стиле. Фундамент и стены еще оставались в приличном состоянии. Местная экономика была в полной заднице после закрытия целлюлозно-бумажного комбината, и недвижимость не стоила практически ничего. Ричард с Четом купили шлосс. С тех пор как у него зародилась эта мысль, участок в Айдахо отодвинулся на задний план, словно начатый и брошенный черновик.

По мере того как шлосс превращался в модный пансионат, управляемый настоящими менеджерами, у Ричарда появлялось все больше свободного времени, которое он убивал преимущественно за компьютерными играми. В частности, он подсел на «Варкрафт: орки и люди» и продолжения, со временем переросшие в многопользовательскую ролевою онлайн-игру «Мир Варкрафта». Годы с 1996-го по 2006-й стали для него «выпавшим десятилетием» – по крайней мере так бы он их рассматривал, если бы они не привели его к «Т’Эрре». Ричард страшно растолстел и, вероятно, скончался бы от последствий ожирения, если бы не приучил себя играть, переступая – в первое время очень медленно – по беговой дорожке.

Как многие серьезные игроки, Ричард завел привычку покупать золотые слитки и другие полезные вещи у китайских голдфармеров: молодых людей, которые зарабатывали тем, что, играя в «Варкрафт», набирали виртуальное оружие, доспехи, зелья и тому подобное, а затем продавали американцам и европейцам, у которых денег больше, чем времени.

Ричард не верил, что такой вид деятельности возможен, пока не прочитал в одной статье, что мировой оборот виртуального золота составляет, по разным оценкам, от одного до десяти миллиардов долларов.

Так или иначе, покорив все известные виртуальные миры – его персонажи достигли почти богоподобного статуса и могли делать все, что пожелают, – он задумался об этом как о серьезном бизнес-проекте.

Здесь статья в Википедии переворачивала все с ног на голову, делая излишний упор на отмыывании денег. Шлосс приносил доход, рос в цене, обеспечивал бесплатный кров и кормежку; Ричард почти и думать забыл про недотраченные стодолларовые купюры. Да, в молодости он и впрямь был сильно озабочен отмыыванием денег, так что выработал нюх на подземные денежные потоки, как у тех лозоходцев, что якобы находят воду с помощью рамки. И да, квазиподпольные виртуальные денежные потоки действительно его завораживали. И все же «Т’Эрру» он создал не для того, чтобы отмыть лишнюю тонну бабок.

Компьютерные игры затягивают хуже наркотиков, что он сам доказал, проиграв в них десять лет. Теперь он обнаружил, что они еще и своего рода валютная биржа. В обоих предметах – наркотиках и деньгах – Ричард разбирался. Третьей опорой треножника стала его бродяжья тоска по собственной земле. В реале ее бы ограничивали физические возможности конкретной планеты, а в виртуальном мире рубеж задавал только закон Мура, взмывающий все дальше в экспоненциальную высь.

Как только он сложил два и два, дело пошло быстро. Пообщавшись в чатах с англоговорящими голдфармерами, Ричард подтвердил свои подозрения, что многие из них не могут расширить бизнес из-за хронических трудностей с переводом денег в Китай. Он заключил партнерское соглашение с Ноланом Сюем, патологически предприимчивым хозяином китайской игровой фирмы, одержимым мыслью применить китайский инженерный талант к новой многопользовательской ролевой онлайн-игре. В ходе эпической череды разговоров в аське и по скайпу Ричард убедил Нолана, что первым делом надо «подвести трубы»: разработать систему денежных потоков. Дальше все пойдет само. Для начала они запустили схему, по кото-

рой Ричард на североамериканском конце цепочки получал пейпаловские платежи от фанатов «Варкрафта» в Канаде и США, «Федэксом»⁴ слал стодолларовые купюры на Тайвань, где их отмывали через нелегальный канал пересылки денег от филиппинских гастарбайтеров, переводили на счета в тайваньских банках, оттуда – на счет Нолана в Китае, а тот уже платил фермерам юанями.

Вся эта немислимо хитрая конструкция (Ричард и теперь периодически просыпался в холодном поту, вспоминая ее разноуровневые сбои, международные теневые схемы и экзотический состав участников) была лишь мостиком к куда более здравому и стабильному предприятию: Ричард и Нолан совместно основали компанию с целью создать новую, полностью оригинальную игрушку Нолановой мечты на системе финансовых «труб», которую Ричард чувствовал себя в силах соорудить.

Когда обсуждение названия фирмы заняло больше пятнадцати минут, которые Ричард на него отвел, он вытащил из кармана набор игральные кости для «Подземелий и драконов» и выбросил на них случайное число 9592.

У игры Корпорации-9592 была куча новых возможностей, но, на взгляд Ричарда, главная инновация заключалась в том, что она сразу строилась как дружественная к фермерам. Фарм был нежелательным побочным эффектом, эпифеноменом более ранних игр, создатели которых всячески силились его задавить, вплоть до того, что в 2009 году вынудили Китай ввести законодательный запрет на продажу игровой валюты без особой лицензии. Однако Ричард считал, что отрасль производства, в которой крутится от одного до десяти миллиардов долларов в год, заслуживает большего уважения. Если позволить хвосту вилять собакой, ты увеличишь свою прибыль и надежней привяжешь к себе подписчиков. Надо было просто строить экономику виртуального мира в расчете на то, что фермеры массово его колонизируют.

Он на самом глубинном, нутряном уровне чувствовал, что успех игры зависит от стабильности виртуального платежного средства. Это заставило его взяться за историю денег и особенно золота. Золото, как выяснил Ричард, всегда было надежным вложением средств, потому что его добыча требует определенных, более или менее постоянных усилий. Всякий раз, как открывают новые богатые месторождения или придумывают более эффективные методы добычи, золото дешевеет.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: стабильность золота в виртуальном мире обеспечивается аналогичным способом: игроки должны тратить определенное количество времени и сил на добычу определенного количества виртуального золота (или серебра, или алмазов, или других магических либо мифических металлов и самоцветов, которые позже добавят сценаристы).

Разработчики других онлайн-игр определяли это директивно. Золотые слитки хранятся в подземельях под охраной монстров. Чем сильнее монстр, тем больше у него слитков. Чтобы получить золото, надо сразить монстра, а чтобы прокачать персонажа⁵, который его одолеет, нужно некоторое количество времени и сил. Система функционировала исправно, но в конечном счете вопрос о том, где лежит золото и сколько усилий требуется на его приобретение, решал от балды какой-то программист в штаб-квартире фирмы.

Безумная идея Ричарда состояла в том, чтобы устранить такую лажу, – доступность виртуального золота должна определяться теми же геологическими процессами, что и в реальном мире, только не происходящими на самом деле, а смоделированными численно. Бесцельно роаясь в Интернете, он наткнулся на мозговзрывающий сайт Плутона – П.Т. Ольшевски. Плутон, двадцатидвухлетний сын геолога-нефтяника с Аляски, получил за Полярным кругом домашнее образование (его учили отец и мама – выпускница математического факультета).

⁴ «Федэкс» – FedEx – американская служба экспресс-доставки. – Примеч. ред.

⁵ * Прокачать персонажа – увеличить его возможности.

Типичный вундеркинд с синдромом Аспергера⁶, запертый теперь в теле рослого волосатого детеныша, он много играл в компьютерные игрушки и дико бесился от того, как там обходятся с геологией и географией. Их элементы рельефа совсем не походили на элементы рельефа – по крайней мере для Плутона, готового часами сидеть и смотреть на холм. И вот из протеста – практически в качестве акта гражданского неповиновения, направленного против всей индустрии компьютерных игр, – Плутон создал сайт, где показывал результаты работы своего алгоритма для генерации элементов рельефа, отвечающих его стандартам правдоподобия. То есть каждая деталь ландшафта включала в себя всю историю тектоники плит, атмосферного воздействия, биогенных факторов и эрозии. Разумеется, средний человек не отличил бы их от произвольных элементов рельефа, служащих фоном для обычной компьютерной игрушки, так что в этом смысле усилия Плутона были напрасны. Однако Ричарда интересовала не оболочка его мира, а нутро. Ричарду было важно, что некий виртуальный гном обнаружит, вонзив виртуальную кирку в склон горы. В обычном игровом мире ответ – фиг он что там обнаружит. Гора в таком мире всего лишь поверхность, тоньше папье-маше, под которой ничего нет. В мире Плутона кирка сперва вскроет почву – состав которой будет определяться сезонным ростом и отмиранием растительности, а также вековым эрозионным разрушением склона, – а зарывшись глубже, гном рано или поздно наткнется на скальное основание, сложенное определенными минералами. Это будет осадочная, изверженная или метаморфическая порода, и, если ему повезет, в ней будет содержаться некий экономически значимый процент золотой, серебряной или железной руды.

Читатель, они одобрили его затею. Плутон переехал в Сиэтл, где поселился в особом учреждении для людей с расстройствами аутистического спектра. Он начал создавать целую планету – жуткую мешанину программного кода, которую в одиночку настучал в родительском доме на Аляске и назвал Т’Эррой, – виртуальный мир, где должна была развернуться новая игра Корпорации-9592. А со временем так стала называться и сама игра.

* * *

На въезде в Ред-Оук стоял торговый центр, принадлежащий «Хай-Ви» – здешней сети продуктовых магазинов. Как и в «Хай-Ви» побольше, при входе имелся кафетерий, где по утрам местные старперы могли позавтракать по специальной цене – всего за \$1.99. Ричард, как будущий старпер (по крайней мере на ближайшие полчаса), поставил «гранд-маркиз» на одном из множества свободных парковочных мест и вошел.

Он ожидал увидеть яркие спектральные цвета, как в «Хай-Ви» его юности, но это было заведение постстарбаксовской эры, без открытых цветов, все землисто-охристое, спокойное, продуманно шероховатое. За окнами ползли грузовики, словно собранные из дополнительных деталей «Лего». Палеты с огромными мешками соли высились перед стеклом импровизированными баррикадами. За столиками сидели провинциальные девицы с подведенными, как у енотов, глазами, не понимающие, что светлым блондинкам это решительно не идет. Ссутуленные и как будто пришибленные мексиканцы. Старперы, поразительно бодрые для людей, десять лет назад смирившихся с фактом, что могут умереть в любой день. Несколько подростков и людей среднего возраста за ноутбуками. Одинокий подрядчик просматривал эсэмэски в телефоне. Шоферы, бородатые, с вылезавшими из широких ремней животами, оглядывались по сторонам и чесали языком. Продавщицы в форме перекусывали в перерыв с мужьями. Ричард устроился у стены, заказал яичницу с ветчиной и поджаренный цельнозерновой хлеб, затем тоже вытащил ноутбук.

⁶ Синдром Аспергера – одна из легких форм аутизма.

Заставка «Т'Эрры» была целиком содрана с заставки «Google Earth»⁷. Совесть Ричарда не мучила, поскольку он слышал, что Гугл, в свою очередь, спер идею из старого фантастического романа. Планета Т'Эрра висела в космосе на фоне звезд. Положение звезд, к ярости Плутона, сгенерировали рандомно. Впрочем, по мере того как планета начала вращаться и расти, перед Ричардом, вошедшим теперь в атмосферу, возникли вполне реалистичные облака. Континенты и острова начали приобретать трехмерность. На горных хребтах проступили снежные шапки. Реки потекли, поверхность морей пошла волнами. Стали видны дороги, крепости и дворцы. Некоторые из них были созданы еще до запуска «Т'Эрры» и овеяны множеством легенд, другие – выстроены персонажами на этапе «Прелюдии» (первого календарного года «Т'Эрры», когда время двигалось ускоренно), третьи возводились сейчас, куда более медленно, ибо теперь игровое время замедлилось до реального. Главный персонаж Ричарда сейчас гонял балду в недостроенной цитадели, входящей в систему фортификаций, которая в этой части Т'Эрры примерно соответствовала Великой китайской стене, то есть к северу от нее владычествовали конные лучники.

Ричард не заходил в игру с вечера прошлой среды. Разумеется, за эти тридцать шесть часов в виртуальном мире Т'Эрры прошло столько же времени, а значит, персонаж Ричарда должен был что-то делать полутора суток, что-то тихое, незаметное и несущественное – например, спать. И впрямь, в мини-логе, наложенном сейчас на изображение мира, значилось, что персонаж (которого звали Фадд) проспал восемь часов, прободрствовал семнадцать, проспал еще восемь и три часа назад поднялся с постели. Без всякого участия Ричарда он в этот период четырежды поел (на что ушло суммарно четыре часа), а оставшееся время посвятил «медитациям» и «тренировкам», то есть чуть-чуть увеличил свои способности к магии и мордобою (которые и без того в улучшении не нуждались). У каждого класса и каждой расы в «Т'Эрре» имелись такого рода виды автоматической жизнедеятельности, на игровом жаргоне – боторное поведение или просто боторика. Некоторые, например сон и еда, были общими для всех, другие – специфическими для определенного типа персонажей. Для Фадда, как для мага-воителя, боторика включала медитации и тренировки. Будь он рудокопом, его боторика состояла бы в добыче золота, и всякий раз, войдя этим персонажем, Ричард обнаруживал бы в его кошельке чуть больше золотого песка.

Разумеется, магом-воителем быть куда занятнее, чем махать киркой, и подписчики выбрали себе героев соответственно. Однако стабильность виртуальной экономики требовала, чтобы рудокопы постоянно добывали золото и другие полезные ископаемые, рассеянные алгоритмами Плутона в недрах игрового мира, а значит, система нуждалась в большом количестве персонажей-рудокопов. Вот как Корпорация-9592 решила эту проблему.

- Маги-воители и другие интересные персонажи обходятся дорого: за них Корпорация-9592 берет с подписчиков больше денег. Рудокопы, охотники-собиратели, фермеры и конные варвары не стоят практически ничего: китайскому подростку по средствам владеть десятками или сотнями таких персонажей.
- Рудокопы, фермеры и другие подобные персонажи почти не требуют вмешательства владельцев. Рудокоп добывает золото без участия игрока при условии, что тот поместит его в ту часть мира, где есть золотые прииски, и будет защищать от бандитов, захватчиков и так далее.
- Если вы и впрямь хотите играть за рудокопа, а не просто предоставить ему весь век действовать в соответствии с врожденной боторикой, вот чем вы можете заняться. По миру разбросаны богатые жилы, которые, если их найти, разрабатывать выгоднее, чем обычные месторождения, где

⁷ «Гугл – Земля».

трудится большинство персонажей-рудокопов. Они расположены в диких приграничных местностях, и по пути к ним вам гарантировано множество увлекательных приключений.

- **Общественная структура – феодальная.** У персонажа может быть от нуля до двенадцати вассалов и от нуля до одного сеньора. Персонаж без вассалов и сеньоров зовется ронином, но это по преимуществу зеленые новички. Обычно принято иметь сеть вассалов, которые всю жизнь добывают руду или обрабатывают землю. Персонаж, у которого есть вассалы, но нет лордов, зовется сюзереном и, как легко понять, восседает на вершине иерархии. У большинства сюзеренов один-два уровня подчиненных рудокопов или фермеров, но есть и большие шишки, с тысячами вассалов на разных ступенях иерархии, и для них существенную часть игры составляют внутриигровые интриги.

Придумав все эти положения и отшлифовав их за первые два года существования «Т’Эрры», Ричард и Нолан совершили подвиг: создали многопользовательскую ролевою онлайн-игру, одинаково доступную предприимчивым китайским подросткам и жирным буржуям, для которых китайские подростки добывали виртуальное золото. С одной стороны, западные подписчики получали больше удовольствия: покупали золото и на виртуальные деньги возводили грандиозные дворцы или затевали масштабные войны, – а с другой – китайские ребята зарабатывали реальные деньги: игра служила для них источником доходов, а не расходов, и большинство такая система вполне устраивала.

Все это проходило по разряду «труб» – того, что Ричард придумал на самых ранних стадиях проекта, элементарных условий окупаемости. Его так затянули мелкие реалистические подробности вроде боторики раздувателей кузнечных мехов, что он не задумывался о деталях сеттинга, которые будут особенно заметны, а следовательно – наиболее значимы для будущих подписчиков. Алгоритмы Плутона для создания мира действительно взрывали мозг. Ричардов план стабилизации внутренней валюты – после того как он взял на работу парочку людей, смыслящих в тензорах, – был проработан тщательнее, чем такие же планы для реальных валют. Программисты Нолана написали более чем приличный код. И при всем при том у них по-прежнему не было *мира*: рудокопы, конные лучники и кто там еще оставались безликими манекенами. У Т’Эрры не было рас, культур, живописи, музыки, истории. Не было Героев.

А значит, требовались те, кого в индустрии компьютерных игр называют творческими специалистами.

Вполне естественно, что из творческих специалистов первыми предстояло нанять писателей: именно они зададут направление художникам, композиторам и дизайнерам. Корпорация-9592 пригласила профессора Дональда Кэмерона, кембриджского дона и автора очень популярной фэнтези, набросать основные ориентиры. Но дон Дональд (или Дэ-Квадрат, как его очень скоро стали называть между собой) как раз в то время по договору с издательством дописывал тома с одиннадцатого по тринадцатый трилогии «Сказание о древних королях», а Ричард не мог ждать.

Тогда-то, в условиях цейтнота (до запуска оставалось меньше года), он придумал программу штатных писателей Корпорации-9592.

Много лет спустя Ричард сам дивился своей наивности. Как оказалось, писателям больше нравится быть штатными, чем заштатными. Заняв тепленькое местечко, они не торопятся его освобождать.

Девин Скредлин был третьим писателем, к которому они обратились. Переговоры с первыми двумя разбились о хитрые подпункты касательно смежных прав, оказавшиеся их юристам не по мозгам. Ричард к тому времени дошел до ручки, Девин, как потом выяснилось, – тоже. Как автор фэнтези он котировался довольно низко («нельзя назвать его писателем-сред-

нячком, не опустив критическую планку ниже плинтуса», «настолько вторичен, что читатель уже не может уследить, у кого что сплагичено», «сказать, что его язык суконный, значит возвести поклеп на ни в чем не повинную шерстяную ткань»), зато был так плодovit, что публиковался в трех разных издательствах под тремя разными псевдонимами. А плодovitость Ричарду на этом этапе и требовалась. В начале карьеры Девин обосновался в трейлерном парке «Тропа опоссума» в Миссури, потому что как-то узнал (дело было еще до Интернета), что это самое дешевое место жительства в Штатах к северу от линии Мейсона-Диксона. Он отказывался вести дела через юристов (что Ричарда более чем устраивало) и куда-либо выезжать, поэтому Ричард отправился к нему лично с твердым намерением не выходить из трейлера без подписанного контракта.

Описания того, до какой степени был захламлен трейлер и сколько именно весил тогда Девин, значительно преувеличены ненавистниками Девина из фэнского сообщества Т'Эрры. Верно, что его нелюбовь к путешествиям была отчасти связана с шириной самолетных кресел, но люди, которым они узки, не такая уж редкость. А вот утверждение, будто он не выходил из трейлера, потому что не пролезал в дверь, – чистой воды выдумка. Во всяком случае, Ричард его таким не видел. Позже, когда деньги хлынули рекой, Девин перебрался в «Эйрстрим», чтобы ездить по стране на буксире, не отрываясь от писательского труда, а вовсе не потому, что физически не мог выйти на улицу. Ричард видел этот «Эйрстрим». Дверь и санузел там были не больше, чем в других автоприцепах такого типа, а Девин пользовался и тем и другим... ну если не регулярно, то по крайней мере в случае нужды.

Теперь все это было несущественно. Ричард научил Девина работать (или по крайней мере играть), переступая по беговой дорожке, и Девин быстро обогнал учителя. Ожирение давно перестало быть для него проблемой. Прозвище Скелетор появилось как минимум четыре года назад. На специальной странице в Интернете можно в реальном времени посмотреть скорость его пульса и число пройденных за день миль. Девин благородно рассказывал направо и налево, что Ричард спас ему жизнь, а Ричард неблагородно думал, что, может, его и не следовало спасать.

* * *

Фадд повелевал двенадцатью вассалами, каждый из его вассалов – еще двенадцатью. На хлеб с маслом хватало. Сеньором Фадда был другой персонаж Ричарда, которым тот играл редко. Не имея особых обязанностей, Фадд слонялся по крепости, обозначенной как здание капитула, – то есть персонажи типа Фадда могли без опаски практиковать здесь свои боторики много часов, дней или даже недель, пока их игрок в офлайне. На игровом жаргоне такие места назывались Д-зоной, или просто ДЗ, от «домиков» в салках. Для рудокопа Д-зоной был рудник с прилегающим салуном и спальными бараками, для крестьянина – ферма и так далее. Магам-воителям Д-зонами служили более дорогостоящие здания капитулов, как общие для персонажей их класса, так и отдельные для разных орденов вроде тамплиеров или мальтийских рыцарей земного прошлого. Для ДЗ существовала целая система правил, необходимых для правдоподобия игры. Персонаж не должен просто исчезать, когда у его хозяина отрубился Инет или мама потребовала сию минуту садиться за уроки, поэтому пользователи старались перед выходом из игры по возможности отвести персонажей в ДЗ. В случае стихийных бедствий (экскаваторы или матери, захлопывающие ноутбук перед носом игрока) персонажи переходят в режим искусственного интеллекта (AI) и пытаются на автопилоте переместиться в ДЗ. Бредущие как зомби, они становятся легкой добычей врагов и разбойников. Нолан сохранял эту систему, чтобы игроки не отключались посреди проигрышной схватки.

Так или иначе, теперь, когда Ричард управлял Фаддом, его можно было спокойно вывести из здания капитула. Ричард застучал по клавишам. Седобородый маг-воитель поднялся из

позы лотоса и направился к выходу из ДЗ. По пути он миновал таверну, где питался в отсутствие Ричарда. Трактирщик передал ему почту – поступления от вассалов, которые Фадд переложил в кошелек. Дальше он прошел в кордегардию – промежуточную комнату между ДЗ и внешним миром. Здесь Фадд отклонил предложение трех персонажей отправиться с ними в рейд. Для многих геймеров рейды и квесты в компании друзей или, на худой конец, случайных незнакомцев были главным смыслом игры. Ричард предпочитал странствовать в одиночку. Чтобы не тратить время на объяснения, он просто применил заклинание невидимости. Грубо, но действительно. Пока он выходил в дверь, в чате выскочили сердитые «WTF?»⁸.

Впрочем, Фадд и не собирался выполнять квест: Ричарду было не до таких развлечений. Он просто хотел чуток побродить по миру, глянуть, что происходит. Последнее время он уделял этому занятию много времени. Что-то менялось: в игровом сообществе происходил некий фазовый переход. Про фазовые переходы Ричард знал только, что это когда тает лед, однако работа в Корпорации-9592 свела его с учеными нердами, для которых словосочетание «фазовый переход» звучало очень веско: его употребляли, когда хотели всерьез привлечь внимание других нердов. Внезапно что-то происходит, а ты не понимаешь отчего. Или – еще более зловещая мысль – оно уже произошло, а ты все прохлопал. Вот на такие случаи и существовал Фадд. У Ричарда были в «Т’Эрре» другие персонажи, управлявшие целыми армиями вассалов и обладавшие божественными способностями, но по этой самой причине они не участвовали в мелких квестах и зарабатывании денег, на которые тратила большую часть времени основная доля игроков. Фадд был достаточно силен, чтобы его не убивали каждые десять минут, но все же не настолько, чтобы ему все доставалось без труда.

Невидимый Фадд побродил по двору крепости, где разместились многочисленные торговцы со своими лотками: портной, кузнец, провиантмейстер, меняла. Рядом с последним Фадд немножко постоял, слушая разговоры, и убедился, что с обменными курсами не происходит ничего страшного. С ними никогда ничего не происходило. «Трубы» Ричарда функционировали исправно. Департамент Девина мог чего-то напороть, но Корпорация-9592 по-прежнему гребла бабки.

Персонажи за лотками и покупатели, осматривающие товар, делились на три расовые группы: антроны, то есть, в сущности, люди, к’Шетрии – ребрендинг эльфов и гнурры (до Апострофокалипсиса, навеки изменившего орфографию Т’Эрры, г’нурры) – ребрендинг гномов. В мире имелись еще три расы, но здесь они отсутствовали, поскольку сражались на стороне Зла, а крепость обороняла рубежи Добра. К’Шетрии и гнурры по большей части хорошие. Антроны могут принадлежать к тому и другому лагерю, но по эту сторону границы встречаются только добрые (если, конечно, они не лазутчики Зла).

Ничего нового здесь видно не было. Ричард применил заклинание полета. Фадд взмыл над площадью и завис, разглядывая два десятка персонажей во дворе крепости.

Что-то по дуге вылетело из-за стены и упало на плиты, никого не задев. Ричард снизился и навел курсор на предмет. Что-то синее, несуразной формы. Увеличив изображение, Ричард увидел стрелу с карикатурным наконечником и непропорционально толстым древком. Стрелы приходилось делать именно такими – иначе бы их никто не увидел. Мониторы, даже современные, с высоким разрешением, не могут показать летящую стрелу на расстоянии в сотню футов так, чтобы человеческий глаз ее различил, поэтому все метательное оружие, а равно другие мелкие предметы: ложки-вилки, золотые слитки, кольца, ножи, – рисовались в духе пенопластовых мечей, какими махаются ролевики на боевках.

Стрела, впрочем, выглядела толще и несуразней, чем обычно. Увеличив ее еще, Ричард понял почему: древко было обмотано желтым свитком и завязано алой лентой. Надпись над ней гласила: «ТАТАНСКАЯ СТРЕЛА-ВЕСТНИЦА».

⁸ Что за черт? (сленг в Интернете)

Он набрал высоту и глянул на север: под стеной крепости гарцевали татанские конные лучники, они провоцировали гарнизон на вылазку и пускали через стену стрелы-вестницы. Вероятно, китайские подростки, управляющие дюжиной персонажей зараз: боторика конных лучников позволяла легко маневрировать целыми эскадронами. Глаз Ричарда оскорбляла их цветовая гамма. Даже не спрашивая Диану – владычицу красок в Корпорации-9592 и последнюю из Муз-Мстительниц, – он знал, что перед ним типичный случай смещения палитры.

Арбалетчики со стен крепости целились в лучников; на земле уже лежало несколько трупов. Уцелевшие татаны, выпустив по последней стреле, развернули коней и умчались прочь. Ричард перенес внимание во двор – глянуть, не пострадал ли кто-нибудь из персонажей. Все были целы, но один шел к лежащей стреле. Пока Ричард смотрел, персонаж ее поднял. Ричард навел на него курсор. Барфуин, воин-к'Шетрий с довольно скромными достижениями. Двойным щелчком Ричард вывел табличку со статистикой, которую сопровождал портрет. В глаза сразу бросилось сходство между Барфуином и паршивой крупнопиксельной иконкой на экране GPS-навигатора, выскочившей сегодня утром, когда он просматривал интересные места округа Нодауэй. И там, и тут были синие волосы. Опять смещение палитры. Ричард закрыл ноутбук, поскольку к столику подходила официантка с его яичницей.

* * *

Раз мир предстояло заселить к'Шетриями и гнуррами, а Скелетору и дону Дональду – завалить книготорговлю романами об их подвигах, значит, расы должны были отличаться тем, что археолог назвал бы материальной культурой: одеждой, жилищами, изделиями прикладного искусства и всем прочим. Соответственно Корпорация-9592 наняла художников, архитекторов, музыкантов и модельеров, и те создали материальные культуры, согласующиеся с «библией» Т'Эрры, написанной Скелетором и доном Дональдом. Все работало отлично, в том смысле, что каждый новый персонаж появлялся с предустановленной материальной культурой: его одежда, оружие и ДЗ брались из дизайнерских разработок. Однако игрокам нужна определенная свобода в выборе облика персонажа – они любят проявлять индивидуальность. Для этого существовало отдельное меню. Если ты к'Шетрий, твой плащ может быть из ткани одного цвета, с каймой другого и на подкладке третьего. Однако все эти цвета приходилось выбирать из палитры, а палитры определяла Диана. Таким образом, в первые годы расы и классы персонажей легко отличались издали по цветам одежды.

Потом кто-то догадался взломать палитры и выложил в Интернет аддон, позволяющий игроку менять официальную Дианину палитру на собственную. Пока Корпорация-9592 пручухалась, «раскраски» успели приобрести огромную популярность. К тому времени как в компании собрали по этому поводу первую конференцию, четверть миллиона игроков уже кастомизировала персонажей с использованием новых палитр, и перекрасить их обратно значило бы плюнуть в душу подписчикам. Поэтому Ричард решил, что на самодеятельность можно закрыть глаза.

А закрыть их и впрямь хотелось: так безобразны были многие любительские палитры. До такой степени, что через некоторое время начался откат: игроки возвращались к Дианиным разработкам. Однако тут возник новый, еще более любопытный феномен: игроки использовали Дианины палитры с мелкими изменениями. Почти, но не совсем, Дианины палитры выкладывали на фэнских сайтах, игроки их скачивали, вносили свои мелкие поправки и выкладывали обратно. Поскольку для компьютера цвет всего лишь последовательность из трех чисел, или точка с тремя координатами, если вам так удобнее, то можно нарисовать графики, иллюстрирующие миграцию палитр в пространстве цветов. Летом Диана поручила стажеру создать средства визуализации для этого феномена. Последние месяца два она постоянно играла с новой программой и отправляла Ричарду тонны электронных писем с пометкой «Важное»,

где излагала результаты своих наблюдений. Другой руководитель настроил бы спам-фильтр для отправки этих сообщений в межпланетное пространство, но Ричарда они не раздражали, поскольку именно такими заумными штучками он объяснял акционерам свое присутствие в компании – если заходили подобные разговоры, – однако он решительно не врубался, из-за чего столько шума. Диана была убеждена, что палитры не просто мечутся хаотически, а стягиваются друг к другу в пространстве цветов, группируясь в областях, которые она называла аттракторами (используя термин из теории хаоса).

Разрезая яичницу и глядя, как неоновый-яркий желток растекается по тарелке, Ричард думал о Дианиных словах. Он поднял голову и оглядел «Хай-Ви». Вот уж где невольно вспоминаешь, что палитры повсюду, что люди вроде Дианы успешно работают в самых разных областях, выбирая цветовые гаммы, притягательные для целевой аудитории. Переведя взгляд с полок, на которых стояли крупы (здоровые теплые цвета для лиц старшего поколения, озабоченных работой кишечника), на стойки у касс (пестрые «сахарные бомбы» на такой высоте, что малыши в креслицах магазинных тележек могут до них дотянуться), Ричард видел смещение палитр в действии. С такого расстояния надписей на упаковках было не прочесть, и все же он без труда угадывал, на каких покупателей они рассчитаны.

Гастроколический рефлекс на время заставил его прерваться. На пути из туалета Ричард заглянул через плечо посетителя лет пятидесяти – шестидесяти (судя по одежде – фермера), который сидел в одиночестве и, не обращая внимания на стынувший кофе, играл в «Т’Эрру». Ричард притормозил и разглядел, что персонаж фермера – гнурр-воин и сейчас бьется где-то в горах с т’Кешами – существами наподобие йети. В смысле палитры персонаж почти не отклонялся от правил: часть его экипировки была немножко аляповата, но в целом гамма соответствовала Дианиной.

Ричард вернулся за столик и позвонил Корваллису Кавасаки, одному из сиэтлских программистов. В соответствии с первоначальным разделением труда между Ричардом и Ноланом программировали «Т’Эрру» в основном в Китае, но в Сиэтле располагался отдел, который руководил компанией, обеспечивал комфорт творческой группе, занимался тем, что официально проходило по разряду «Заумных исследований», и окучивал нердов, которые эту заумь выдавали. Из них главным был, конечно, Плутон, однако в Сиэтле разрабатывали еще несколько хитрых проектов, и Корваллис в нескольких из них участвовал.

Набирая номер, Ричард проверил айпишник Wi-Fi-роутера «Хай-Ви».

– Ричард. – Так Корваллис отвечал на телефонные звонки.

– Си-плюс. Сколько сейчас игроков с ай-пи 50.70.186.234?

Стук клавиш.

– Четыре. Один из них, похоже, ты.

– Хм, я думал, меньше. – Ричард обвел взглядом кафетерий и нашел третьего игрока: парнишку лет двадцати. Четвертый куда-то запрятался.

– У одного из вас теряется много пакетов. Глянь наружу, – предложил Корваллис.

Ричард глянул в окно и увидел припаркованный на месте для инвалидов джип. Лицо человека на водительском сиденье освещал экран ноутбука с безобразно смещенной палитрой.

– Один из них гнурр, сражающийся с т’Кешами.

– Вообще-то его только что убили.

Ричард поднял глаза и убедился, что фермер с досадой отвел взгляд от экрана, потянулся за кофе и, поняв, насколько тот остыл, посмотрел на часы.

– Он-то мне и нужен! – сказал Ричард.

– Что именно тебя интересует?

– Общие сведения.

– Капитал и доходы неожиданно высокие, учитывая, что вы в забегаловке под Ред-Оуком в штате Айова.

– Он фермер. Владеет землей и техникой, которые стоят довольно прилично. Получает большие федеральные субсидии. Отсюда и суммы.

– У него диплом бакалавра.

– Держу пари, что по агротехнике.

– За календарный год приобрел семнадцать книг.

Ричард понимал, что речь идет о т'эрровских книжках из онлайн-магазина.

– И все от Дэ-Квадрата?

– Как ты угадал?

– Вызови его персонажа.

Стук.

– Ага, – сказал Корваллис. – На мой взгляд, довольно стандартный гнурр.

– Вот и я о том.

– То есть?

Ричард развернул салфетку, вытащил из кармана цанговый карандаш, провел вертикальную черту и поставил грифель в вершину правой колонки.

– Ричард? Ты здесь?

– Я думаю.

Вообще-то он употребил не вполне точный глагол: процесс в его голове был куда менее упорядоченным, чем то, что подразумевает слово «думать».

Что-то пробивалось сквозь сор повседневных забот стрелой-вестницей, и одна из них только что угодила ему точнехонько в лоб: он вспомнил сцену из фэнтезийного мира, не толкиновского, но производного от толкиновского, – такого мира, какой мог бы сочинить Девин Скрелин. Сцена была намалевана на борту фургона, подобравшего Ричарда, когда тот свалил в Канаду, чтобы не остаться без ног, как Джон. Тогда – трудно поверить – существовала связь между толканутыми и анашистами. За следующие тридцать лет все изменилось: толкинисты и наркоманы – давно уже непересекающиеся множества. Но тогда это была примерно одна компания, и ребята, разрисовывавшие фургоны, использовали примерно ту же палитру, что нынешние чуваки – как злые, так и добрые, – которые пытаются установить между собой связь кобальтово-синими стрелами-вестницами с ядовито-желтыми свитками.

– Новый исследовательский проект, – услышал Ричард свой голос.

– Ох-хо.

– Ты видел Дианину хрень про аттракторы в пространстве палитр?

– Видел, – отвечал Корваллис, принимая оборонительную стойку, – но...

– Это сейчас главное. – Рука Ричарда задвигалась, выводя буквы в заголовке левой колонки. Он с тупым изумлением следил, как там возникают слова: «ПЕСТРЫЙ АЛЬЯНС». Затем карандаш перескочил в правую колонку. На второй заголовок ушли считанные секунды: «ОХРИСТАЯ КОАЛИЦИЯ». – Забудь все, что должен знать про Т'Эрру: расы, классы персонажей, историю. А главное – забудь про Добро и Зло. Смотри только на поведение и союзы. Аттракторы в пространстве цветов – острое клина. Вбивай его, пока не расколешь всю эту фигну.

Ричард подумал было прочесть названия с салфетки, потом решил, что если он не совсем бредит, то Корваллис дойдет до того же своим умом.

– А что стряслось?

– Сегодня утром в бастионе Гратлог конные лучники пускали через стену стрелы-вестницы.

– А чего они не написали по «мылу», как нормальные люди?

– Вот именно. Ответ: они не знакомы. Они нащупывают контакт.

– Чисто случайным образом?

– Нет. Думаю, есть механизм отбора, основанный на... – Ричард чуть было не произнес «на цвете», однако снова решил не давать Корваллису подсказок, – на вкусах.

– ОК. – Корваллис тянул время, соображая на ходу. – Значит, дипломированный фермер под шестьдесят, читающий много книг дона Дональда... по одну сторону рубежа.

– Да. А по другую?

– Догадаться нетрудно.

– Ну, раз догадался, представь мне факты.

– К какому сроку?

– Мой GPS-навигатор говорит, что я в двух часах от Нодауэя.

– О вкусах не спорят.

День 0

Шлосс Хундшюттлер

Элфинстон, Британская Колумбия

Четыре месяца спустя

– Дядя Ричард, расскажи мне про... – Зула споткнулась, потом отвела глаза, выпятила подбородок и отважно продолжила: – ...про Апострофо...

– Апострофокалипсис, – закончил Ричард, проглотив пару слогов, потому что такое слово и трезвым не очень-то выговоришь, а они сидели в таверне шлосса Хундшюттлер уже полдня. По счастью, в таком гвалте никто толком не расслышал. Стояла худшая неделя горнолыжного сезона. Все места в шлоссе были забронированы и оплачены больше года назад. Зула и Питер смогли попасть сюда только потому, что Ричард пустил их на раскладной диван в собственном номере. Люди, наполнявшие таверну, в общем и целом были очень довольны собой и общались в соответствующей тональности.

Шлосс Хундшюттлер был кэтскиинговым курортом. Это значит, что здесь отсутствовали канатки. Спортсменов завозили в гору дизельными тракторами на гусеничном ходу. Совсем другой кайф, чем на традиционных горнолыжных курортах с их футуристической техноинфраструктурой подъемников.

Кэт, хоть и не такой модный и дорогостоящий, как хели, больше привлекает настоящих фанатов горнолыжного спорта. Хели надо планировать заранее, а вертолет не в любую погоду взлетит. С кэтом проще импровизировать, если готов дышать соляжкой в суровых, почти советских условиях. Вертолет обычно выбирают горнолыжники-профи и богатые придурки вроде тех, чьими телами завалены подступы к Эвересту.

Все это была давняя-предавняя история для Ричарда и Чета, которым пятнадцать лет назад пришлось разобраться во всех межплеменных различиях на бешено растущем горнолыжном рынке, чтобы написать для шлосса вменяемый бизнес-план. Но именно этим объяснялось многое в стиле пансионата: его можно было сделать куда шикарнее, если бы они ориентировались на более распальцованную публику. Ричард и Чет сознательно подражали маленьким горнолыжным приютам Британской Колумбии, где местные спортсмены-любители сами соорудили подъемники и тому подобное. Все здесь было нарочито кондвоее, чем по южную сторону границы, что отпугивало большую часть отдыхающих, зато привлекало меньшую часть, которая, приезжая сюда, чувствовала себя настоящей элитой.

В одном углу расположилась компания до безобразия опытных спортсменов – агентов по продаже горнолыжного снаряжения, – пьяных в стельку, поскольку сегодня они весь день развеивали на суперкрутых склонах прах товарища, перебравшего той же дряни, что и Майкл Джексон. За другим столиком сидели русские: мужчины за пятьдесят в лыжных штанах, с девичками, которые не катались вовсе. Молодой киноактер, не из самых знаменитых, но явно модный, расслаблялся в кругу чуть менее гламурных приятелей. У барной стойки несколько человек местных – проводники и водители снегоходов, – повернувшись спиной к публике, смотрели хоккей с выключенным звуком.

– Для нынешних событий в «Т’Эрре» Апострофокалипсис играет ту же роль, что Версальский мир для начала Второй мировой войны. – Ричард нарочно говорил тоном авторов Википедии в надежде, что слушатели почувствуют иронию.

Зула по крайней мере демонстрировала вежливое внимание, а вот Питер пропустил не только второй смысл, но и первый, поскольку был целиком занят мобильником – все пятнадцать минут, с тех пор как ввалился в таверну, обветренный, загорелый и чрезвычайно довольный сегодняшним катанием на сноуборде. Зула, как и Ричард, лыжами не увлекалась, поэтому

устроила себе рабочие выходные: по несколько часов в день она сидела, подключившись к серверам Корпорации-9592 по выделенному оптоволоконному каналу, который Ричард за бешеные деньги протянул через долину к шлоссу, – зато Питер, как оказалось, был буквально подвинут на сноубординге. Зула рассказала, что почти все время после семейной встречи он искал какой-то супер-пупер-сноуборд, который в конечном итоге выписал из Ванкувера. Питер носился с ним как со скрипкой Страдивари, только что под кровать ночью не прятал, и Зула чуточку ревновала.

Питер и Зула выехали из Сиэтла в пятницу, как только Зула освободилась на работе, и проползли в потоке машин через перевал Сноколми, где большинство свернуло на курорты с традиционными подъемниками. Чувствуя себя с каждой минутой все более крутыми, докатили до Спокана и взяли курс на Металайн-Фоллз – крохотный погранпункт на горном перевале, по случайности лежащем точно на сорок девятой параллели. Границу они пересекли в одиннадцать ночи, доехали до Элфинстона и по плохо размеченному ухабистому серпантину начали взбираться к шлоссу. Сами они не видели в своем плане ничего безумного, что лишней раз напомнило Ричарду о его возрасте. Все часы, пока Зула и Питер были в пути, он не отходил от компьютера: прикидывал, по какой опасной дороге они едут в эту минуту, – как будто Зула – часть его тела, пустившаяся в автономное плавание и требовавшая постоянного пригляда. Видимо, так чувствуют себя родители. Смешно сказать, но его преследовала мысль о семейной встрече. Если Зула и Питер разобьются по пути в шлосс, то в истории, которую станут пересказывать в следующие годы, укладывая ее как кирпич в здание семейных преданий, главным фигурантом будет Ричард: как он узнал об аварии, какие действия предпринял, как хладнокровно сообразил, что делать, как обрадовалась Зула, когда он разыскал их в больнице. Мораль известна заранее: семья заботится о своих даже – нет, особенно – в критических ситуациях и состоит из хороших, умных, толковых людей. Возможно, ему придется ехать по скользкой дороге в сплошном тумане. Он уже готов был натянуть поверх пижамы лыжный комбинезон и отправиться на поиски, но тут – точно в обещанное время – Питер подкатил к шлоссу в отвратительно модной коробочке на колесах. С этого момента они перестали быть для Ричарда чокнутыми подростками и превратились в сверхлюдей, вооруженных GPS-навигаторами и гуглокартами.

Теперь они собирались повторить свой подвиг. Не желая терять и часа сноубординга, Питер весь понедельник провел на склоне, а ехать планировал ночью. Когда он плюхнулся рядом с Зулой и тут же уткнулся в телефон, Ричард решил не обижаться: ну надо человеку глянуть прогноз погоды и ситуацию на дороге. И тут Питер начал набирать эсэмэски.

Он висел на Зуле как клещ. Ричард всячески уговаривал себя, что Зула – умная девочка и наверняка у Питера есть какие-то хорошие качества, просто из-за его некоммуникабельности их не видно.

Зула смотрела на Ричарда через большие очки, ожидая услышать что-нибудь поинформативнее шутки про Версальский мир. Ричард с улыбкой вытянулся в массивном кожаном кресле. Таверна располагала к рассказыванию историй, особенно историй про Т’Эрру. Ричарду так понравился пиршественный чертог гнурров, спроектированный одним из ретроархитекторов Т’Эрры, что он пригласил того создать реальную копию в шлоссе. Архитектор был совсем еще мальчик и нигде, кроме как в виртуальном мире, не строил. Он закончил учебу как раз к обвалу рынка недвижимости, не сумел найти работу в реальной Вселенной и устроился в творческий отдел Корпорации-9592, где вынужден был забыть все, что знал про Колхаса и Гэри, и углубиться в тонкости средневековой фахверковой архитектуры, какой она могла сложиться у вымышленного гномоподобного народа. Парень страшно обрадовался возможности построить что-нибудь настоящее, но необходимость иметь дело с реальными подрядчиками, сметами и разрешениями убедила его, что строить в придуманных местах куда лучше.

– Я видела кое-какие пережитки, когда разбирала старые программы Плутона, – сказала Зула. – Г’нурры. – Она произнесла слово по буквам.

– Итак, хронологически первым пригласили дона Дональда, но у него не было особого времени на проект.

– Насколько я поняла, дело ограничилось обсуждениями на высшем уровне, – вставила Зула.

– Да. И к этим обсуждениям мне приходилось готовиться как к экзаменам: штудировать Джозефа Кемпбелла и Юнга.

– Почему Юнга?

– Архетипы. У нас было большое обсуждение касательно рас в «Г’Эрре». По ряду причин мы не могли взять просто эльфов и гномов, как у всех остальных.

– По творческим соображениям? Или из-за авторских прав?

– Больше из-за прав, но из творческих соображений тоже было заманчиво начать с чистого листа: создать совершенно новую, оригинальную палитру рас без всякой связи с Толкином и европейской мифологией.

– Программисты-китайцы... – начала Зула.

– Сейчас я тебя удивлю. Политкорректные университетские леваки. Как по-твоему, что они заявили?

– Эльфы и гномы – фи! Как можно быть такими европоцентристами? – сказала Зула.

– Да. Хотя на самом деле для китайца куда оскорбительней допущение, будто ему слабо разобраться в эльфах и гномах.

– Ясно.

– Но дон Дональд объяснил, что эльфы и гномы не просто произвольные расы, которые легко можно заменить выдуманными, а настоящие архетипы, насчитывающие...

– Сколько?

– По его мнению, деление эльфы – гномы восходит к тем временам, когда в Европе кро-маньонцы соседствовали с неандертальцами.

– Интересно! То есть это произошло десятки тысяч лет назад.

– Да. Возможно, еще до возникновения языка.

– Любопытно, что отыщется в африканском фольклоре, – заметила Зула.

Ричард на мгновение умолк, переваривая ее слова.

– Потому что там могло быть еще большее разнообразие... э...

– Гоминидов, – подсказала она. – И даже из более древних времен.

– Не исключено. Впрочем, в первоначальных разговорах с Дэ-Квадратом мы так глубоко не закапывались. А потом все передали...

– Скелетору.

– Да. Только мы тогда его так не звали, потому что он был еще жирный.

Ричард на мгновение пожалел о своих словах: вдруг Питер постит их разговор в «Твиттер» или, не дай Бог, в живой видеоблог, – однако внимание Питера было занято совершенно другим: он наблюдал за входом в таверну, вскидывая глаза на каждого, кто появлялся в дверях.

Ричард перевел взгляд на Зулу – не без удовольствия (чисто родственного, ничего дурного) – и продолжил:

– Девин просто слетел с катушек. Официально его срок начинался за две недели до первой встречи, но он явился сюда с *вот такой* пачкой сюжетов для исторической саги, основанной на самых общих набросках дона Дональда. Обсуждать его идеи на самом деле никто не хотел. Мы встретились чисто для проформы. Я велел ему продолжать и посадил стажера вставлять перекрестные ссылки в то, что он наваяет...

– Канон, – уточнила Зула.

– Да, верно, с этого начался канон. Нам пришлось нанять Джеральдину. Но главное отличие было в том, что тогда еще оставалась возможность вносить изменения – мы не выложили в открытый доступ ни строчки. Ближе к концу года нам сделалось не по себе, словно Девин заграбастал наш мир. Тогда мы объявили – стыдно сказать, задним числом, – что штатный писатель приглашается на год. По завершении года Девин может писать про Т’Эрру и дальше, но уже совместно с новым штатным писателем.

– Которым оказался Дэ-Квадрат.

– Не случайно. Девин забрал себе такую власть над Т’Эррой, что любой другой писатель утонул бы в его писанине. Поэтому нам требовался автор, который: а) был бы популярен не меньше Девина, б) имел бы приоритет.

– Успел бы застолбить территорию, – сказала Зула.

– На самом деле он только обежал ее и задрал лапу у каждого дерева, но хотя бы так.

– Хм. Этого человека я знаю, – объявил Питер, кивая на дверь. Мужчина в пальто только что вошел с парковки и теперь оглядывал таверну, выбирая, где сесть.

– Приятель? – спросил Ричард.

– Просто знакомый, – уточнил Питер. – Все равно надо пойти поздороваться.

– Кто это? – Зула обернулась через плечо, но Питер уже направлялся к столику у камина, где усаживался новоприбывший. Ричард наблюдал, как тот взглянул на Питера. На лице не было удивления. И уж тем более радости. Они условились встретиться здесь. Заранее обменялись эсэмэсками. Питер соврал.

Ричард волевым усилием возобновил разговор. Вся эта история с Питером ему не нравилась, а в таких случаях первой реакцией Ричарда было отгородиться и ждать, и уж если неприятность начнет угрожать структурной целостности ограды, тогда братья за кувалду.

– Мы пригласили их обоих сюда, – сказал он.

– В шлосс?

– Ага. Тогда он еще выглядел по-другому. Пиршественный чертог гнурров отстроили позже. Дело происходило летом, когда тут вообще все иначе. Мы привезли из Ванкувера ресторанных поваров и устроили съезд руководства для формальной передачи власти от Скелетора к Дэ-Квадрату. Тогда-то и случился Апострофокалипсис.

* * *

– Можно только удивляться, что мероприятие, проводимое с целью достичь новых высот, принято именовать съездом, – объявил дон Дональд, когда они еще толклись на террасе, потягивая пиво и привыкая к виду Селькирских гор. – Не уместнее ли в таком случае было бы название «подъем»?

Ричард ничего не понял с самого начала фразы, поэтому даже не стал вникать, а просто смотрел Дэ-Квадрату в лицо. Дональд Кэмерон, тогда пятидесяти двух лет, выглядел старше своего возраста. Его старили зачесанная назад седая грива и массивный шнобель, распухший от алкогольной кембриджской диеты древнего колледжа, где он проводил половину жизни. Зато кожа была розовой, движения – энергичными, видимо, благодаря пешим прогулкам вокруг замка на острове Мэн, где он проводил вторую половину жизни. Дональд заселился в номер несколькими часами ранее, немного отдохнул, вышел на пешую прогулку и всего тридцать секунд назад появился на террасе. Тут его немедленно обступили четверо или пятеро нердов – все сплошь сотрудники довольно высокого ранга, иначе они не посмели бы к нему приблизиться. Ричард знал, что многие из них привезли с собой книги Дональда Кэмерона в надежде получить автограф и теперь подлизываются к нему, прежде чем обратиться с такой просьбой.

– Может быть, вам придется придумать для подобных мероприятий новое слово, – сказал Ричард, пока поклонники не рассмеялись или (что было бы еще хуже) не попытались сострить в ответ.

– Хех. Вы подметили мою страсть к словотворчеству.

– Мы на нее рассчитываем.

Дэ-Квадрат заломил бровь.

– Что ж, мы уже начали набирать высоту! Я-то думал, что это чисто светское мероприятие, мистер Фортраст.

Однако дон Дональд просто шутил. Чтобы не оставлять сомнений, он подмигнул и кивнул в направлении...

Ричард повернулся и, выйдя из быстро растущего кружка фэнов, увидел входящего Девина Скрелина. У него закралось подозрение, что тот выжидал в номере у окна, пока дон Дональд выйдет на террасу, чтобы прибыть последним. Как всегда, с ним были два помощника, слишком пожилые и солидные для такой должности, мужчина и женщина. Ричарду удалось выяснить, что женщина – юрист по авторским правам, а мужчина – редактор, потерявший работу из-за кризиса в книжной отрасли и продавшийся в рабство Девину.

– Спасибо, – сказал Ричард. – Если позволите, мы продолжим этот разговор чуть позже.

– Жду с нетерпением!

Ричард попытался перехватить Девина, но его опередил Нолан Сюй – пожалуй, самый пылкий фанат Девина Скрелина в мире. До недавних пор трудности с визой и высокий обменный курс не давали ему выезжать из Китая, однако в последнее время он зачастил на Запад. Другой на его месте отправился бы напрямик в Вегас. Нолан, по трудноразделимым деловым и личным причинам, посещал конвенты писателей-фантастов.

Ричард остановился и стал за ними наблюдать. Девин сбросил двести одиннадцать фунтов (по крайней мере так сообщалось на его сайте шесть часов назад) и выглядел теперь полным, но не пугающе жирным. Он отвечал на вопросы Нолана, однако не проходило и пяти секунд, чтобы его взгляд не устремился в сторону донна Дональда. Будь Ричард посторонним зрителем, он решил бы, что один из писателей убийца, а другой – намеченная жертва. Хотя кто именно из них киллер, определить было нелегко.

Профессор Кэмерон чрезвычайно мило общался с фэнами, пока не соблаговолил заметить Девина. В ту же секунду он повернулся на каблуках сшитых на заказ кожаных туфель и ураганом (другого слова не подберешь) пронесся по террасе, чтобы протянуть сопернику руку.

– Как будто он здесь хозяин, – пробормотал Ричард.

– В шлоссе? – спросил Чет, выглянувший проверить, все ли в порядке. Про фэнтези Чет знал только то, что его сюжетами хорошо расписывать фургоны.

– Нет, – ответил Ричард. – В «Т’Эрре».

* * *

Позже они обедали в банкетном зале шлосса, оформленном под среднестатистическую баварскую крепость. Столы составили вместе, чтобы получился один длинный. «Точно как в «Шейкис-пицце»!» – заметил Девин входя. «Точно как в трапезной Тринити-колледжа», – сказал Дэ-Квадрат. Ричард, единственный из участников обедавший и там и там, видел оправданность обоих сравнений. Стараясь быть радушным хозяином, он дважды согласно кивнул, пряча растущую тревогу при мысли о том, что будет, когда эти двое окажутся друг против друга за столом пиццерии-Тринити. Потому что именно такие места им предстояло занять. Ричард сидел во главе стола. Девин и профессор Кэмерон – рядом с ним, визави. Нолану отвели место рядом с профессором, чтобы он мог пожирать своего кумира влюбленным взглядом, а Плутону – рядом с Девиним, исходя из гипотезы, что дону Дональду будет приятно иметь в поле

зрения жутко умного и слегка некоммуникабельного гика. Плутон сидел лицом к террасе и мог, если уж слишком заскучает, разглядывать очертания горных пиков на противоположной стороне долины.

Это о ближайших соседях Ричарда. Остальных рассадили в соответствии с чьими-то представлениями об иерархии и старшинстве. Меню было средневропейско-охотничье в интерпретации приглашенных Ричардом и Четом поваров. В частности, дичь закупили в специальных питомниках, чтобы исключить наличие прионов, а значит, и вероятность, что через несколько десятилетий все руководство Корпорации-9592 заболит коровьим бешенством. Карта вин отвешивала дипломатический поклон-другой в сторону нарождающегося виноделия Британской Колумбии и тут же решительно перешагивала через границу на юг. Дэ-Квадрат сказал что-то очень умное и красивое про сухой рислинг из Хорс-Хевен-Хиллз. Девин попросил диетическую колу. Оба много расспрашивали о шлоссе и о том, как Ричард и Чет его построили. Ричард объяснил, что первоначально замок собрали из деталей трех разных зданий, купленных в Австрийских Альпах неким австро-венгерским горнорудным бароном (буквально бароном). Детали провезли по Дунаю до Черного моря, а дальше через половину земного шара в устье реки Колумбия. Остаток пути они проделали по узкоколейке, по которой в те времена возили руду. (Теперь на ее месте – велосипедная дорога и лыжная трасса.) Затем Ричард перешел к тому, как они с Четом купили и отремонтировали шлосс, опустив все связанное с наркотиками и байкерами. Эти вопросы пространно освещала Википедия, и он не сомневался, что все за столом читали (а то и редактировали) соответствующую статью.

К концу восьмидесятых торговля анашой заметно криминализировалась, а может, Ричард только после тридцати начал замечать нехорошие стороны там, где они были изначально. Он забрал свою долю, переехал в Айову и пошел на курсы ресторанного и гостиничного дела при Айовском университете. Здесь история выходила из тени настолько, что ее можно было рассказывать в приличной компании. После нескольких месяцев в Айове он сообразил, что людей с такими знаниями проще нанять, вернулся в Британскую Колумбию, и они с Четом начали ремонтировать шлосс.

Пока они попивали аперитивы с микроскопическими тартинками и ели суп, шла приятная застольная беседа, но когда дело дошло до блюд, больше похожих на горячее, и красного, Ричард понял, что ему мучительно хочется скovyрнуть болячку. Официально они собрались, чтобы отпраздновать год работы Девина в качестве штатного писателя и передать факел дону Дональду, который наконец завершил свою три(переросшую к тетрадека)логию и теперь готов был уделить время дальнейшему совершенствованию предыстории и «библии» Т'Эрры.

В последние три месяца Девин сделался пугающе писуч. Во внутренней переписке Корпорации-9592 была целая ветвь с темой «Девин Скредлин – персонаж Эдгара Аллана По» и ссылками на сайты о психической болезни, известной как графомания. Появилось даже сочетание «запаздывание канона»: сотрудники, ответственные за включение написанного в канон, не поспевали за Девинком. Наиболее последовательные параноики считали, что Девин нарочно пишет так быстро. Во всяком случае, из присутствующих за столом лишь он один держал в голове весь мир целиком, поскольку последнюю тысячу страниц отправил по электронной почте из Северной башни шлосса – сегодня в час ночи, так что еще никто не успел их прочитать. Это давало ему определенное преимущество.

От шлосса разговор естественно перешел к замку донна Дональда на острове Мэн, где в последнее время тоже велась серьезная реконструкция. Ричард вроде нащупал зацепку и сделал ход.

– Там вы и предполагаете в основном работать над «Т'Эррой»? – спросил он.

Молчание. Видимо, произнесся слово «работать», Ричард преступил некую границу. Он решил, что продолжить натиск лучше, чем извиняться.

– У вас есть там кабинет? Место, где вы можете писать?

– О да! – воскликнул профессор и принялся описывать некую комнату в башне «с видом в хорошую погоду до Донахади на западе и до Каирнгана на севере».

Оба слова были произнесены с таким аутентичным ирландским и шотландским акцентом соответственно, что вдоль стола прокатилась видимая волна удовольствия.

Профессор объяснил, что отремонтированный кабинет сочетает «удобство с исторической достоверностью, которые не так-то легко примирить между собой» и ждет его возвращения.

– Девин подготовил большой объем материалов, – сказала Джеральдина Леви, хозяйка канона, сидящая рядом с Плутоном. – Очень интересно узнать, что в истории Т’Эрры будет для вас заглавным на первом этапе.

– Главным, – поправил Кэмерон после неловкой паузы, во время которой он пытался понять, что она имела в виду. – Вопрос вполне резонный. Начну издали. Как вы знаете, мой метод работы таков: первый вариант книги я пишу на языке, на котором в действительности говорят герои, и только завершив его, приступаю к переводу на английский. – Словно танк, разворачивающий башню, он навел прицел на Девина. – Мой *коллега*, естественно, предпочитает более короткий путь.

– Меня восхищает то, что вы делаете с языками и всем таким, – сказал Девин. – Я просто... сочиняю по ходу.

– Итак, в вашем мире, – Дэ-Квадрат закончил маневр и целился теперь в Ричарда, – языков сейчас нет. Вы больше увлечены геологией, – кивок в сторону Плутона, – и считаете ее фундаментальной. Я бы скорее начал со слов и языка и на этом основании строил все остальное.

– Это ваша епархия, профессор Кэмерон, и вы вольны распоряжаться в ней как пожелаете, – заметил Ричард.

– Почти волен. Поскольку уже есть определенное количество... – Кэмерон вновь перевел взгляд на Девина, – неологизмов. Я видел в трудах мистера Скрелина слова, которых нет в английских толковых словарях. Само слово «Т’Эрра», разумеется. Названия рас: к’Шетрии, г’нурры. С ними я работать могу – могу включить их в вымышленные языки, грамматику и тезаурусы которых с большим удовольствием составлю и передам... мисс... Леви.

Заминка перед «мисс» объяснялась тем, что он глянул на безымянный палец ее левой руки.

Мисс Леви была «мисс» только потому, что в штате Вашингтон не регистрируют лесбийских браков, но она не стала его поправлять.

– Замечательно, – сказала она. – Пока данная область канона совершенно не разработана.

– Рад быть полезным. Впрочем, у меня есть несколько вопросов.

– Да.

– К’Шетрии. Название эльфийской расы. Станным образом похоже на кшатриев, вы не находите?

На Ричардовом конце стола все, за исключением Нолана, только захлопали глазами, а вот ближе к середине наострил уши Премджит Лал, руководитель одного из проектов в отделе заумных исследований.

– Да! – воскликнул Нолан, кивая и улыбаясь. – Теперь, когда вы сказали, – очень похоже!

– Можешь объяснить? – спросил Ричард.

– Премджит! – крикнул Нолан. – Ты кшатрий?

Премджит кивнул. Чтобы ответить словами, ему пришлось бы повысить голос, поэтому он просто двумя руками взял себя за уши и потянул кончики вверх, делая их эльфийскими и заостренными.

– Индуистская каста, – объяснил Нолан. – Воины.

– Поневоле думается, что человек, придумавший это название, слышал когда-то слово «кшатрии» в другом контексте, а затем, в поисках экзотического звукового ряда, выудил его из памяти и счел собственным оригинальным изобретением.

Ричард изо всех сил старался не смотреть на Девина, но голова поворачивалась сама, словно в ухо ему вставили ломик и надавили. Через несколько секунд на Девина глядели все. Тот, медленно багровея, отпил диетической колы, утер губы салфеткой, затем обвел взглядом собравшихся и начал:

– Есть конечное число фонем и конечное число способов, которыми их можно составить. Всякое придуманное слово окажется похоже на название касты, или бога, или ирригационного района в той или иной части мира. Может, надо с этим просто смириться?

Премджит, хоть и сидел далеко, его слова разобрал.

– Примерно сто миллионов кшатриев озадачит эта сторона канона, – сказал он. В голосе не было обиды, только... озадаченность.

Ричард мысленно поставил галочку: пригласить Премджита в японский ресторан и выяснить, о каких еще серьезных ляпах в «Т’Эрре» тот знает и помалкивает.

– Сто миллионов... – повторил Девин негромко, чтобы Премджит не услышал. – Могу поспорить, что через пять лет к’Шетриев на Земле будет больше, чем кшатриев.

– Если мне не изменяет память, это слово пишется с апострофом между строчной «к» и прописной «ш». Я прав? – спросил дон Дональд.

– Верно, – сказал Девин и глянул на Джеральдину. Та кивнула.

– Апостроф обозначает элизию.

– Выпадение звука, – перевел Плутон. – Например, гласной в фамилии «Д’Артаньян». – Он фыркнул. – Я имею в виду, первой гласной!

– Да, именно так, – продолжал дон. – Отсюда следует вопрос: почему «ш» в к’Шетриях прописная? Означает ли это, что «Шетрий» – отдельное слово, причем имя собственное? И если да, то что означает «к» с апострофом? Может ли это быть, к примеру, артикль?

– Конечно, почему бы и нет?

Дэ-Квадрат, забросив крючок, удовлетворенно молчал.

Плутон взорвался:

– Почему бы и нет? Почему бы и нет?

Ричард мог только наблюдать, как если бы на склоне противоположной горы лыжника настигала лавина.

– Если это артикль, – сказал дон Дональд, – то что означает «т» с апострофом в Т’Эрре? «Г»-апостроф в г’нурре? Сколько артиклей в этом языке?

Молчание.

– Или, может быть, «к», «т» и «г» не артикли, а некие другие единицы языка?

Молчание.

– Или, может быть, апостроф обозначает не элизию?

Молчание.

– Что в таком случае он означает?

Больше Ричард терпеть не мог.

– Ничего. Просто красиво смотрится, – сказал он.

Дон Дональд обратил на него сияющий взгляд. Все остальные за столом съежились; в атмосфере нарастало напряжение.

– Простите, Ричард?

– Дональд, послушайте. Вы единственный в этом секторе экономики дока по древним языкам. Остальные просто выдумывают слова. Если человеку нужно экзотическое словцо, он лепит пару апострофов. Ну или ставит рядом буквы, которые обычно не сочетаются, например «Q» и «Z». Это и есть наш случай.

Молчание с несколько иным оттенком.

– Я понимаю, что это не вполне согласуется с вашим М.О.

– М.О.?

– Модус операнди.

– Мм, – сказал дон.

– Если вы хотите сочинить пару-тройку языков, – вставил Девин, – флаг вам в руки.

– Мм, – повторил дон.

Ричард глянул на Джеральдину. Та думала настолько напряженно, что из скромной прически валит дым.

– Мистер Ольшевски, – сказал наконец дон, – могу я разместить здесь вулкан?

– Здесь?!

– Да, на этом участке земли?

– Какого типа вулкан?

– Ну, пусть будет Этна. Мне он всегда нравился.

– Не получится, – ответил Плутон. – Этна – молодой действующий стратовулкан. Селькирские горы – старые. Породы, которыми они сложены...

– Он сюда просто не впишется, – подытожил дон, обрывая то, что обещало стать длинным и чудовищно детальным экскурсом в вулканологию.

– Вот именно!

– Боюсь, что в случае апострофов ситуация аналогичная. Да, мой коллега не стал выдумывать слова. Однако требовались названия для рас Т'Эрры, да и для всего мира. И в одних случаях, например в слове «к'Шетрий», за апострофом следует прописная буква, в других, как в слове «г'нурр», – строчная. И тут без связного объяснения не обойтись. По крайней мере если предполагается, что я буду работать над этим проектом так, как привык.

В последней фразе прозвучала не слишком завуалированная угроза.

* * *

– Спасибо, что приехали из самого Ванкувера, – сказал Питер. Они не представились и не обменялись рукопожатиями, только смерили друг друга взглядом и кивнули.

– Ну и местечко! – сказал Уоллес. Он не походил на человека, который часто изумляется – или по крайней мере часто в этом признается. Почти полминуты все его внимание было поглощено балками, якобы держащими потолок. – Где я это раньше видел? – Наконец он перевел взгляд на Питера, смотревшего на него с некоторой опаской, и вновь принялся изучать таверну: массивную деревянную мебель, окна со свинцовыми переплетами, пол из сучковатых досок. Последнюю нужную подсказку дали столовые приборы. Уоллес взял вилку и вытаращился на ручку, украшенную геометрическим рисунком в стиле скандинавских рун.

– Твою мать! – воскликнул он. – Гнурры!

– Простите? – выговорил Питер, наповал убитый таким началом.

Уоллес хохотнул – что тоже, судя по виду, с ним происходило не часто – и глянул на сумку с ноутбуком, которую положил на свободный стул рядом с собой.

– Хотите, покажу? Я могу попасть в это место прямо сейчас, в «Т'Эрре».

– Вы играете в «Т'Эрру»? – спросил Питер, надеясь перевести разговор в нормальное русло.

– У всех свои слабости. Каждая чревата своими неприятностями. Пристрастие к «Т'Эрре» безобидней многих других. Кстати, как тут раздобывают содовую? – Уоллес говорил с шотландским акцентом, и Питеру каждый раз требовалась лишняя секунда, чтобы его понять. Расшифровав слово «содовая», он повернулся на стуле, привстал и сделал знак официанту.

Питеру не нравилось, как началась встреча. Уоллес совершенно выбил его из колеи: сперва заговорил про «Т'Эрру», теперь велел добывать ему содовую. Впрочем, дальше Уоллес взял чуть другой тон: он соблаговолил объясниться. Любезно просветить Питера.

– Это пиршественный чертог Огло, короля северных рыжих гнурров. Я там бывал раз десять, может, пятнадцать.

– То есть там бывал ваш персонаж.

– Да, именно это я и хотел сказать. – Слово «придунок» не прозвучало, но явственно подразумевалось.

Уоллес пришел в пальто. Такую одежду Питер видел только в кинофильмах. Возможно, это было единственное пальто в радиусе двухсот километров. Множество других мелких деталей также указывало, что перед Питером солидный джентльмен. Рыжие с проседью волосы зачесаны назад с веснушчатого лба, над левым виском проплешина – след вылеченного рака кожи. На шее – золотая цепочка с очками. Дорогая рубашка (верхняя пуговица расстегнута). Такая ткань хорошо смотрится под пиджаком, но не согреет, если придется в дороге ставить запаску. На правой руке – большой золотой перстень с печаткой.

– Сам я в «Т'Эрру» не играю, – сказал Питер, хотя это и так было уже вполне очевидно.

– В какие же игры вы играете?

– Я люблю сноуборд. Стрельбу. Иногда...

– Я спрашивал о другом. Я спрашивал, каковы ваши слабости и чем они чреватые.

Уоллес постучал перстнем по столу.

Несколько мгновений Питер молчал.

– Только не говорите мне, что их у вас нет, поскольку мы оба знаем, почему вы здесь.

Тук-тук-тук.

– Да, – сказал Питер. – Хотя это не обязательно из-за слабости.

Уоллес рассмеялся, но совсем не так благодушно, как в первый раз, когда сообразил, что сидит в пиршественном чертоге короля Огло.

– Вы связались со мной через неких людей на Украине, отнюдь не самых добропорядочных граждан. Я вас проверил. Прочитал все, что вы писали в хакерских чатах начиная с двенадцати лет на вашем ублюдочном безграмотном языке. Три года назад вы под собственным именем оставили запись, в которой назвали себя серым хакером, то есть фактически признались, что раньше были черным. А год назад устроились работать в агентство по компьютерной безопасности, в котором половина учредителей отсидели в тюрьме.

– Что вы хотите от меня услышать? Мы здесь. Мы встретились. Мы оба знаем зачем. Очевидно, что я вам не врал.

– Совершенно верно. Я пытаюсь выяснить, что именно вы наврали всем остальным, включая, насколько я могу судить, вашу шоколадную подружку. И мне полезно будет узнать, какие слабости или неприятности заставили вас врать.

– Зачем? У меня есть то, за чем вы приехали.

– Вот это-то я и пытаюсь проверить.

Питер сунул руку во внутренний карман и вытащил коробку для DVD с единственным неподписанным диском, белым с одной стороны, фиолетово-блестящим – с другой.

– Вот.

Уоллес скривился.

– И как вы намерены передать мне данные?

– А в чем проблема?

– Я привез ноутбук. Без DVD-слота. Рассчитывал, что у вас будет флешка.

Питер задумался.

– Думаю, это решаемо. Подождите секундочку.

* * *

– Этот тип только что припахал твоего бойфренда, – заметил Ричард, вскоре после того как Питер сел у камина рядом с незнакомцем.

– Припахал?

– Поручил ему работу. «Подзови официанта. Закажи мне выпить». Что-то в таком роде.

– Не понимаю.

– Это тактика, – сказал Ричард. – Ты пытаешься прощупать человека. Даешь ему задание и смотришь, что будет. Если он соглашается, в другой раз можно припахать его сильнее.

– В смысле, твоя тактика?

– Нет, способ манипулировать людьми. Человек либо работает на меня, либо нет. Если работает, я могу давать ему задания. Если нет, я не вправе им командовать.

– Ты хочешь сказать, что приятель Питера им манипулирует.

– Знакомый.

– У них какая-то деловая встреча! – догадалась Зула.

– Тогда почему он прямо этого не сказал?

– Хороший вопрос, – согласилась Зула. – Наверное, думал, я обижусь, что он совместил наш общий отдых с деловой встречей.

«И поэтому тебе наврал?» Этого Ричард вслух говорить не стал. Если сильно давить, результат иногда бывает прямо противоположным желаемому.

К тому же Питер сейчас направлялся в их сторону.

– Никто из вас не может одолжить мне флешку?

Вопрос повис в воздухе, как незримое облако кишечных газов.

– Я хочу перенести несколько картинок с компьютера на компьютер, – объяснил Питер.

И он, и Зула, и Питер регулярно проверяли почту и смотрели фотографии, так что сумка с ноутбуком стояла у Ричарда под стулом. Он поставил ее на колени, сунул руку во внешний карман.

– Держи.

– Я сейчас верну, – сказал Питер.

– Не надо, – ответил Ричард, возмущенный, как последняя училка, что Питер забыл волшебное слово. – Она слишком маленькая. Я собирался завтра купить новую. Просто сотри, что на ней сейчас, хорошо?

Питер вернулся к столику, достал ноутбук, вставил флешку. Его компьютер, работающий под «Линуксом», определил, что на ней виндовская файловая система, что как раз и требовалось, поскольку на компьютере Уоллеса тоже стояла «Виндоуз». На флешке было несколько файлов; Питер их стер, потом вытащил из коробки диск и вставил в дисковод.

– А почему не скопировать со своего компьютера? – спросил Уоллес.

– Отличная проверка на вшивость! – сказал Питер. – Все как я вам говорил. Копия одна. На диске. Я вас не надуваю.

На рабочем столе появился значок DVD. Питер щелкнул. В директории был один-единственный файл. Питер перетащил его на значок флешки и подождал несколько секунд, пока файл скопируется.

– Теперь копий две. – Он щелкнул по значку безопасного извлечения устройства, вытащил флешку и протянул Уоллесу. – Вот товар. Как договаривались.

– Я еще не проверил, что там.

– Ну так проверяйте!

– Я видел ваш образец. Реальные номера кредитных карт, как вы и говорили. Фамилии, сроки действия и все остальное.

– Так что вам еще надо?

– Происхождение.

– Чье? Мое?

– Поскольку вы самоучка, Питер, а я питаю слабость к самоучкам, я прошу вам вашу непонятливость. Меня интересует, откуда данные.

– Какая разница, если данные надежны?

Уоллес вздохнул, отпил глоток содовой и оглядел пиршественный чертог, будто собираясь с силами для продолжения этого дурацкого разговора.

– Молодой человек, вы неверно меня поняли. Я пытаюсь вам помочь.

– Не знал, что мне нужна помощь.

– Превентивная. Понимаете? Помощь, о которой вы думаете, – бросить спасательный круг пьяному, упавшему в воду. Превентивная помощь – схватить его за ремень и оттащить от края, пока не упал.

– Какое вам вообще до меня дело?

– Такое, малыш, что если у вас будут неприятности в связи с происхождением этих данных, то они будут и у меня.

Некоторое время Питер обдумывал услышанное.

– Вы работаете не на себя.

Уоллес кивнул, исхитрившись принять разом ободряющее и кислое выражение.

– Вы просто исполняете чье-то поручение – действуете как агент настоящих покупателей.

Уоллес вскинул руки, словно дирижирует оркестром, и едва не опрокинул содовую.

– Если что-то пойдет не так, эти люди здорово рассердятся, и вы боитесь последствий, – продолжал Питер.

Молчание и неподвижность Уоллеса, видимо, означали, что Питер наконец пришел к верному умозаключению.

– Кто они?

– Вы же не думаете, что я назову настоящие имена?

– Не думаю.

– Так зачем спрашиваете?

– Вы первый о них заговорили.

– Они русские.

– В смысле... русская мафия? – Питер даже не испугался – так это было завораживающе.

– «Русская мафия» – идиотский термин. Оксюморон. Газетные выдумки. Все гораздо сложнее.

– Да, но, очевидно...

– Очевидно, – согласился Уоллес, – те, кто покупает у хакеров краденые номера кредитных карт, по определению занимаются организованной преступной деятельностью.

С минуту оба молчали. Питер думал.

– Как именно они занимаются организованной преступной деятельностью – тема крайне интересная и сложная. Разговор с этими людьми очень бы вас впечатлил, будь у них хоть малейшее желание с вами общаться. Уверяю вас, они ничуть не похожи на сицилийскую мафию.

– Но вы только что мне угрожали. По вашим словам...

– Жестокость и рисковость русских сильно преувеличены, – заметил Уоллес, – однако некое зерно истины в этих рассказах есть. Вы, Питер, решили торговать нелегальным товаром. Таким образом вы покинули границы обычной коммерции с ее службой поддержки клиентов, арбитражем и черными списками в Интернете. Если сделка не прошла, у ваших клиентов нет возможности прибегнуть к обычным средствам. Вот что я пытаюсь объяснить. Так что даже если вы полный придурок и не думаете ни о собственной жизни, ни о жизни вашей девушки,

я все равно прошу вас ответить, откуда данные, поскольку пока у меня есть выбор, идти ли дальше, а я не веду дел с придурками.

– Отлично, – сказал Питер. – Я работаю в Агентстве по информационной безопасности. Это вы уже знаете. У нас был заказ от сети вещевых магазинов: пробить их корпоративку.

– Неужели организовать им банкет в ресторане?

– Провести тест на проникновение в корпоративную сеть. Мы выяснили, что некая часть их сайта уязвима для SQL-атаки. Воспользовавшись этой дырой, мы установили руткит на одном из серверов, а затем, используя его как плацдарм, проникли... не буду утомлять подробностями: короче, проникли на внутренние серверы, где хранятся клиентские данные, и таким образом доказали, что номера кредитных карт не защищены.

– Сложно.

– Все заняло пятнадцать минут.

– Значит, данные, которые вы пытаетесь мне продать, уже скомпрометированы! – сказал Уоллес.

– Нет.

– Вы только что сказали, что сообщили клиенту об уязвимости!

– *Тому* клиенту сообщили. *Те* данные скомпрометированы. *Те* данные – не эти данные.

– Так что же это за данные?

– Сайт, о котором я говорю, делала фирма, которой уже нет.

– Неудивительно!

– Ну да. Я прошерстил заархивированные веб-страницы и нашел, кому еще эта фирма делала сайты в тот же период времени.

Уоллес задумался, потом кивнул.

– Рассчитывая, что все они сделаны под копирку.

– Да. Все эти сайты практически клоны, а поскольку фирма накрылась, то патчи для них не выпускали.

– Потому-то, вероятно, и пригласили ваше агентство.

– Все верно. Так вот, я нашел кучу сайтов-близнецов с теми же уязвимостями, включая главную дыру. В том числе крупную сеть универмагов.

– И повторили ту же атаку?

– Да.

– И теперь можно отследить, что атака проводилась через компьютеры вашего агентства.

– Нет, нет, нет, – сказал Питер. – Я работал со знакомыми ребятами из Восточной Европы. Все шло с совершенно других хостов, через анонимайзеры. Меня абсолютно не за что зацепить.

– Ваши знакомые работали бесплатно?

– Конечно, нет. Они получают часть денег.

– И вы полностью им доверяете?

– Полностью.

– Поэтому и со мной связывались через людей на Украине?

– Да.

– Хорошо, что загадки разрешились, – важно произнес Уоллес. – Хотя главная по-прежнему остается.

– Да?

– Зачем вы это делаете?

Питер как в рот воды набрал.

– Просто скажите, что вы кокаинщик или что вас шантажирует партнерша по БДСМ. Стесняться нечего.

– Мне нечем платить по ипотеке, – произнес Питер.

– За хакерский бомжатник, где вы живете?

– Это коммерческое здание в Сиэтле... в промышленном районе под названием Джорджтаун...

Уоллес кивнул и назвал адрес по памяти.

– Ясно, вы меня проверяли. Отлично. Я купил дом до кризиса. В части помещений я живу и работаю, остальные сдаю. Когда экономика накрылась медным тазом, количество свободных площадей зашкалило. Упали разом и балансовая стоимость дома, и арендная плата. Но я еще могу не довести дело до изъятия. Подремонтировать дом, продать его, а на вырученные деньги...

– Купить нормальный дом, где захочет поселиться девушка? – спросил Уоллес, поскольку Питер, как ни старался удержаться, невольно глянул на Зулу.

– Вы должны понять... – начал Питер.

– Ах, Питер, я *не хочу* понимать.

– В Сиэтле полно людей, ничуть не умнее меня... и вкалывают они не больше...

– Но купаются в деньгах, потому что им повезло, – закончил Уоллес. – Питер. Я уже сказал, на кого работаю. И как, по-вашему, я себя чувствую?

Питер надолго замолчал, так что Уоллес успел добавить:

– Кажется, я вполне внятно объяснил, что мне насрать?

– Вам было не насрать, откуда данные.

– Ах да. Спасибо, что напомнили о главном. – Уоллес взглянул на часы. – Я приехал минут тридцать назад. Если бы вы следили за стоянкой, то увидели бы две подъехавшие машины. Одна из них моя. Изящный кабриолет, не слишком приспособленный для здешних дорог, но я кое-как добрался. Второй – черный внедорожник с двумя русскими. Мы припарковались по обе стороны вашего оранжевого «Кайена хВ» 2008 года. Один из русских, компьютерщик не сильно глупее вас, достал ноутбук и вышел в Интернет через Wi-Fi пансионата. Теперь он ждет меня. Если мы совершим сделку, через тридцать секунд я буду сидеть на заднем сиденье внедорожника. Компьютерщик возьмет у меня флешку и вставит в свой ноутбук. У него есть то, что вы называете скриптами, чтобы проверить вашу базу. Если что-нибудь окажется не так, возмездие, о котором я говорил, достигнет вас быстрее, чем ваша печень успеет переработать тот глоток «Маунтин дью», что вы сейчас отпили.

Питер отпил еще глоток «Маунтин дью».

– У меня есть те же самые скрипты, – сказал он, – и я прогнал их несколько часов назад. Мои друзья в Восточной Европе тоже следят за этим делом; если бы что-нибудь случилось, они бы мне свистнули. Я боюсь людей, на которых вы работаете, мистер Уоллес, и жалею, что с вами связался, но вот что меня не тревожит – так это надежность моей базы.

– Отлично.

Питер положил флешку на стол и толкнул к Уоллесу.

Тот вытащил из сумки ноутбук, поставил на стол и, открыв, вставил флешку. На экране появился значок. Уоллес дважды по нему щелкнул и увидел единственный экселевский файл с названием «Данные». Он перетащил значок файла в «Мои документы» и несколько секунд ждал, пока анимированное окошко сообщит, что копирование завершено. Пока оно шло, Уоллес заметил:

– Разумеется, есть еще один неприятный вариант, о котором уже упоминалось в нашем разговоре.

– А именно?

– Возможно, это не единственная копия данных? Возможно, вы собираетесь продать их еще раз-другой?

Питер пожал плечами.

– Я никак не могу доказать вам, что другой копии нет.

– Понятно. А ваши украинские коллеги?

– Они этих данных не видели. Когда мы проводили взлом, файлы скачивались сразу на мой компьютер.

– И вы сохранили копию, просто на всякий случай?

– Нет. – Питер смутился. – Кроме вот этого. – Он вынул из ноутбука DVD. – Хотите забрать?

– Я хотел бы видеть, как вы его уничтожите.

– Легко.

Питер согнул диск и сдавил, пытаясь переломить. Это оказалось на удивление непросто. Наконец диск с треском развалился на две половины, но несколько осколков отлетели на пол и на стол.

– Черт! – Питер бросил зазубренные половинки на стол и показал правую руку: из сантиметрового пореза в основании большого пальца шла кровь.

– А вы не могли бы действовать чуть менее демонстративно? – Уоллес открыл экселевский файл и убедился, что там строка за строкой идут фамилии, адреса, номера и сроки кредитных карт. Десятки тысяч строк.

Уоллес вытащил флешку и бросил в камин. Питер, сосавший порез, невольно глянул в сторону Ричарда и Зулы.

Уоллес ногой придвинул Питеру небольшую спортивную сумку.

– Хватит на пару пластырей и еще останется дяде Дику на флешку. Но как вы будете платить за ипотеку сто долларовыми бумажками – не знаю.

– Зато, похоже, знает дядя Дик. – Питер убрал руку ото рта и теперь прижимал кровоточащую рану к холодному стакану с «Маунтин дью».

– Это вы у него выяснили или почерпнули из Википедии? – спросил Уоллес.

– Как вы понимаете, Ричарду сильно не нравится его страница в Википедии.

– Мне бы тоже не нравилась, – сказал Уоллес, – будь она моя. Отвечайте на вопрос.

– Ричард никогда не говорит про старое. По крайней мере со мной.

– Он не считает вас достойным своей племянницы? – притворно изумился Уоллес. – Ричард Фортраст давно живет честной жизнью. Он не поможет вам со сто долларовыми бумажками.

– Он сумел – сумею и я.

– Питер, прежде чем мы расстанемся – надеюсь, навсегда, – мне бы хотелось сказать вам одну вещь.

– Выкладывайте.

– Я вижу, что вы говорили искренне. Теперь я хочу отплатить вам той же монетой. Так вот: все, что я говорил про русских, – выдумка. Элементарная тактика запугивания.

– Я догадался.

– Как?

– Минуту назад вы сказали, что передадите флешку русскому хакеру во внедорожнике, а потом бросили ее в огонь.

– Сообразительный мальчик. Значит, не обязательно говорить, что никакого внедорожника на стоянке нет. Можете проверить сами.

Питер не стал проверять. У него как будто камень с души упал.

– Я работаю на себя и не имею возможности содержать службу безопасности, – сказал Уоллес, – поэтому вынужден иногда пускаться на такие психологические ухищрения. В данном случае метод сработал. Я вижу, что вы меня не обманывали. Иначе я прочел бы это в ваших глазах.

– Отлично, – сказал Питер. – Было такое дебильное телешоу «Запуган – значит, уберезен». Думаю, вы вполне достаточно меня сейчас запугали.

– Замечательно! – протянул Уоллес. – Вы перевернули страницу! Это была ваша последняя крупная сделка! Теперь вы вступаете в правильную и честную жизнь, как Ричард Форттраст.
– Он сумел... – начал Питер.
– Сумеете и вы, – закончил Уоллес. – Все это полная туфта. А теперь позвольте откланяться и пожелать вам успехов.

* * *

– Питер – наркоман? – спросил Ричард.
– Нет, он за здоровый образ жизни. – Зула руками изобразила кавычки. – А что?
– На мой взгляд, это сильно смахивало на передачу наркотиков.
Зула быстро глянула через плечо.
– Правда? Чем?
– Общей психологической атмосферой.
Она внимательно поглядела на дядю через очки.
– Что не объясняет фокусов с флешкой и попытку убить себя с помощью DVD, – признал он.
Зула отвела взгляд и пожала плечами.
– Ладно, пустяки, – сказал он.
– Так, значит, Дэ-Квадрат размазал Скелетора по полу...
– Да. Отлично спланированная атака, я бы сказал. И в частности, после нее г'нурры превратились в гнурров.
– Надо же! А почитать, что пишут в Интернете...
– Можно подумать, произошло неведь что. Нет. По крайней мере тогда мы ничего серьезного не увидели. Но вот так теперь делается история. Люди ждут, когда она понадобится, и затем приспособливают ее к своим целям. Год назад только самые отъявленные фанаты «Г'Эрры» знали про Апострофокалипсис, и для них это был незначительный эпизод. Может, даже забавный.
– Но после того как Пестрый альянс вероломно напал на Охристую коалицию...
– Его задним числом раздули до небес, – сказал Ричард. – А тогда? Просто за обедом всем было страшно неловко. Г'нурры превратились в гнурров. Якобы из лингвистических соображений. На самом деле дон Дональд застолбил за собой право менять то, что придумал Девин.
– И злоупотребил им?
– Согласно Пестрому альянсу – да, – сказал Ричард. – Хотя в действительности Дональд вел себя очень тихо и скромно, поправки вносил только там, где Девин и впрямь напортачил. Там, где Девин сам бы их внес, если бы перечел свою нетленку и чуточку задумался. Практически ничего всерьез не тронул.
– На твой взгляд. А на взгляд Девина?
Ричард задумался.
– Тогда он себя вел, как будто ему без разницы.
– Хотя, возможно, на самом деле обиделся, – сказала Зула, – и с тех самых пор вынашивал месть. Прятал в каноне намеки. Настолько мелкие, что Джеральдина и ее сотрудники не сумели сложить их в единую картину. А вот для его фанатов это было как собачий свисток.
Ричард пожал плечами и кивнул. Тут он понял, что Зула на него смотрит, ожидая продолжения.
– Тебе все равно! – воскликнула она. Потом улыбнулась.
– Поначалу я злился, – признал Ричард. – У меня ганкнули одного из персонажей. Убили без предупреждения члены собственного отряда. Когда он за них сражался. Ну и вообще: такой накал страстей заразителен. Но... я руковожу бизнесом.

- А война пестрых с охристыми выгодна?
- Только успевай грести бабки.
- Кто тут гребет бабки? – спросил Питер, усаживаясь и ставя себе на колени черную спортивную сумку. Он прижимал к ране комок бумажных салфеток.
- Ты задаешь интересные вопросы, – сказал Ричард, глядя ему в глаза.
- Просто пошутил. – Питер быстро отвел взгляд.
- Зула глянула на телефон, проверяя время.
- Сфоткаешь нас с дядей, пока мы не уехали?

* * *

Как хорошо видно на гуглокартах, из этой части Британской Колумбии невозможно напрямик проехать в Сиэтл, да и вообще никуда: все горные хребты перпендикулярны векторам движения.

Дорога от шлосса вывела их к дамбе. Дальше начиналось двухрядное шоссе. Оно шло по левому берегу реки до южного края озера Кутеней – узкой полоски воды, зажатой между хребтами Селькирка и Перселла, – и соединялось с шоссе побольше в центре Элфинстона, прелестного курортного города с десятью тысячами жителей, из которых примерно девять тысяч, похоже, работают в сфере общественного питания. Заезд на бензоколонку обернулся пятнадцатиминутным перерывом на тайскую еду. Питер почти не разговаривал. Зула привыкла, что он подолгу молчит. В принципе ее это не угнетало, потому что с телефоном, читалкой и ноутбуком она никогда не чувствовала себя одинокой, даже в долгих поездках по горам. Однако, как правило, Питер молчал, если думал над какой-нибудь гиковской задачей, и при этом настроение у него было отличное. По дороге из шлосса Хундшюттлер он молчал угрюмо.

Из Элфинстона им предстояло ехать на запад через перевал Кутеней и дальше выбирать меньшее из двух зол. Можно было свернуть на юг, пересечь границу в Металайн-Фоллз и таким образом втиснуться в северо-восточный угол штата Вашингтон. Отсюда они бы часа за два добрались до Спокана и с ветерком пролетели через весь штат по шоссе Ай-90. Этой дорогой они ехали в пятницу. Либо...

– Я вот тут подумал, – сказал Питер (до этого он минут пятнадцать наматывал на вилку тайскую лапшу и пытался взглядом прожечь дыру в столике), – что нам надо ехать через Канаду.

Он говорил об альтернативной дороге: через Оканаган, дальше до Ванкувера, а там уже пересечь границу и оказаться на северном конце Ай-90.

– Почему? – спросила Зула.

Питер поднял на нее глаза, впервые с тех пор как они сели за столик. Казалось, вопрос его обидел. Он ошетинился и собрался что-то сказать, потом только пожал плечами и отвел взгляд.

Позже, когда Питер вел машину на запад, Зула отложила бесполезную электронику (роминг в Канаде очень дорогой, а с ридера в темноте не считаешь) и стала смотреть через лобовое стекло, вспоминая недавний разговор. Все упиралось в слово «надо». Если бы Питер сказал: «Давай поедem через Канаду – прикольно будет махнуть другим путем», – она бы не спросила «почему?», поскольку сама думала примерно в таких выражениях. Но он сказал: «Нам надо ехать через Канаду», – а это совершенно другое дело. И то, как Питер ей не ответил, напомнило историю с незнакомцем в таверне. Вопрос дяди Ричарда про наркотики ее сперва разозлил. Питер выглядел, одевался и вел себя так, что люди постарше делали неверные выводы, но она-то отлично знала, что он славный, положительный и не берет в рот ничего крепче «Маунтин дью».

Надо. Какая разница, как ехать? Погранпункт в Металайн-Фоллз отстойный, это да, но как раз потому, что той дорогой почти не ездят и там не надо ждать: пограничники практически

выбегают к тебе с объятиями. Ванкуверский пункт – один из самых больших и загруженных на всей границе.

Питер чего-то избегает.

За ним это вообще водилось. Если Питеру что-нибудь не нравилось, он начинал юлить, возможно, сам не понимая, что юлит. Просто так он привык взаимодействовать с миром. Не искусный ловчила, а скорее безыскусный ловчила, наивный и не отдающий себе отчета. В детстве Зула навидалась такого в Эритрее, где не всегда разумно действовать в лоб. Их старейшина умел найти подход даже к эфиопам, у которых была одна цель: дойти босиком через пустыню до Судана, пробыть в лагере ровно столько, чтобы получить статус беженца, перебраться в Америку, начать новую жизнь, разбогатеть (по крайней мере по стандартам Африканского Рога) и начать переводить деньги в Эритрею на продолжение войны.

Фортрасты держались других правил: в любой трудной ситуации надо действовать логично и хладнокровно. «Посоветуйся с пастором». «Посоветуйся со скаутским вожатым». «Посоветуйся со школьным психологом».

Питер мандражировал всю дорогу до Элфинстона и заметно приободрился, когда они решили ехать на запад.

Чтобы не взбираться на головокружительный оканаганский серпантин – отнюдь не лучшая затея в это время года, да еще ночью, – они взяли к северу и поехали по более широкой прямой трассе через Келоуну. Там снова заправились, и Питер пошел на беспрецедентный шаг – взял себе кофе. Зула робко вызвалась сесть за руль, Питер предложил ей альтернативную роль: «Говори со мной, чтобы я не уснул». Она могла только рассмеяться – поскольку он всю дорогу упорно молчал. Однако после Келоуны Зула и впрямь пыталась с ним говорить. В итоге перешли на всякие нердовские штучки: это была единственная тема, на которую Питер мог болтать часами. Он вечно выпрашивал про систему защиты «Т’Эрры» и нет ли в ней потенциальных уязвимостей: тогда он ее улучшил бы, срубил денег и показал себя ценным работником. Зула не могла ничего толком ответить, потому что подписала жутко длинное и устрашающе подробное соглашение о неразглашении – такую штуку, по которой ни один пастор, скаутский вожатый или школьный психолог не дал бы дельного совета. Ей оставалось рассказывать лишь то, что было известно официально: что ее начальник – Плутон – является Хранителем ключа; он единственный в мире знает шифровальный ключ, который меняется раз в месяц и служит для цифровой подписи под всеми геолого-фэнтезийными выходными событиями, создаваемыми его алгоритмами. Нечто вроде подписи казначея Соединенных Штатов, напечатанной на каждой долларовой купюре и удостоверяющей ее подлинность. Потому что программы Плутона определяли, помимо прочего, содержание золота в каждой тачке руды, добытой гнуррами-рудокорами. Зула сама с драгоценными металлами не работала – моделировала динамику магмы, – но с мерами безопасности сталкивалась каждый день, и Питер вечно задавал гипотетические вопросы о том, как их могут взломать – не он, а некий гипотетический черный хакер, которого Питер мог бы перехитрить и заработать на этом деньги.

За разговором, незаснувшие и живые, они добрались до Эбботсфорда. До Ванкувера оставался еще примерно час, однако граница была уже близко и логичнее всего казалось пересечь ее здесь. Они остановились, но не потому, что кончился бензин, а потому, что Питеру понадобилось в туалет. Стоянка затянулась: Питер вытащил наладонник и стал смотреть время ожидания на разных погранпунктах. Зула тем временем пошла купить гамбургеров. На обратном пути она увидела, что Питер роется в багажнике. Слышно было, как он открывает молнии и шуршит полиэтиленом.

– Хочешь сесть за руль? – спросил Питер.

– Я шесть часов тебе твержу, что охотно поведу машину, – напомнила она кротко.

– Ну, не знаю, может, ты передумала. Хочу дать отдых глазам. Может, даже подремлю.

Зула не поверила – уж слишком Питер выглядел возбужденным. Он снова увिलивает – и это как-то связано с приближением к границе. Первый раз такое случилось на развилке в Элфинстоне, теперь снова. Она согласилась сесть за руль.

– Арка Мира, – сказал Питер. – Нам нужен тот пункт, где Арка Мира.

– Тут ближе есть, милях в двух.

– У Арки Мира очередь меньше.

– Как скажешь.

Значит, еще несколько десятков километров на запад до Арки Мира, уже практически на океанском берегу – самая дальняя точка, до которой они могли оттянуть пересечение границы. Питер через несколько минут опустил спинку заднего сиденья, закрыл глаза и перестал двигаться, хотя Зула спала с ним далеко не один раз и знала, что засыпает он по-другому.

Электронное табло на трассе сообщало, что на Грузовом Пункте – за несколько миль до Арки Мира – машин меньше, и Зула свернула туда. На полосе досмотра перед ними было всего два автомобиля, а значит, ждать предстояло меньше минуты.

– Питер?

– Что?

– Паспорт близко?

– Да, в кармане. Погоди. Где мы?

– На границе.

– Это Грузовой Пункт.

– Да. Здесь ждать меньше.

– Я думал проехать через Арку Мира.

– Какая разница? – Впереди осталась только одна машина. – Ты чего паспорт не достанешь?

– Вот. Отдашь пограничнику. – Питер протянул Зуле паспорт и снова откинулся на заднем сиденье. – Скажешь, что я сплю.

– Ты не спишь.

– Просто думаю, нас будут меньше трясти, если решат, что я сплю.

– О чем ты говоришь? Кого когда-нибудь трясли на этой границе? Все равно что переехать из Южной Дакоты в Северную.

– Ну будь другом.

– Тогда закрой глаза и не шевелись, – сказала она, – и он сам увидит, что ты спишь или притворяешься спящим. Если я отмечу очевидное – «он спит», – возникнут подозрения. А в чем дело-то?

Питер притворился, будто спит, и не ответил.

Машина впереди пересекла границу США. Зажегся зеленый сигнал, Зула подъехала и остановилась.

– Сколько человек в машине? – спросил пограничник. – Гражданство? – Он посветил на Питера фонариком. – Вашего друга придется разбудить.

– Нас двое. США.

– Сколько вы пробыли в Канаде?

– Три дня.

– Везете что-нибудь оттуда?

– Нет, – ответила Зула.

– Пакетик кофе. Два гамбургера, – сказал Питер.

– Добро пожаловать, – произнес пограничник и включил зеленый.

Зула нажала на газ. Питер вернул спинку сиденья в обычное положение и потер лицо.

– Отдать тебе паспорт?

– Да, спасибо.

– До Сиэтла часа два, – сказала Зула. – Успеешь объяснить, почему весь день парил мне мозги.

Питер вроде бы искренне удивился, что она его раскусила, но уверять, будто он не парил ей мозги, не стал.

Через несколько минут, когда они влились в поток машин на Ай-5, он сказал:

– Я сделал мегаглупость. Возможно, такую, что ты теперь меня бросишь.

– Кто был тот мужик в таверне? Он с этим как-то связан, да?

– Уоллес. Живет в Ванкувере. Насколько я смог узнать из Интернета, бухгалтер. Учился в Шотландии. Последние двадцать пять лет живет в Канаде.

– Ты для него что-то делал? Какую-то проверку безопасности?

Питер довольно долго молчал.

– Слушай, – сказала Зула. – Я просто хочу знать, что у тебя в машине такого, из-за чего ты боялся пересекать границу.

– Деньги, – ответил Питер. – Наличность в сумме превышает десять тысяч долларов. Я должен был их задекларировать. – Он откинулся назад и вздохнул. – Теперь нам ничто не грозит. Мы пересекли границу. Мы...

– Кто в данном случае «мы»? Я, выходит, твоя поделница?

– По закону – нет, потому что ты ничего не знала. Но...

– Так, значит, мне угрожала опасность? Что значит, «нам ничто не грозит»? – Зула злилась редко, но уж когда это случалось, ее злость росла медленно и неумолимо.

– Уоллес – противноватый тип, – ответил Питер. – Кое-что из его слов... Послушай. Я понял, что свалил дурака, уже пока с ним говорил. Ругал себя последними словами. А когда все кончилось и он отдал мне деньги, я сообразил насчет границы.

– И хотел найти пункт, где очередь больше.

– Да. Меньше шансов, что машину обыщут.

– И когда ты в Эбботсфорде смотрел время ожидания...

– Я искал пункт, где дольше стоят.

– Обалдеть можно.

Некоторое время Зула молча вела машину, вспоминая прошедший день.

– Почему ты сделал это в шлоссе?

– Уоллес предложил. Мы пытались согласовать графики. Я упомянул, что буду в шлоссе. Он сразу сказал, что это место его устраивает. Не в лом ему было ехать из самого Ванкувера по зимней дороге. Теперь я понимаю, что он не хотел пересекать границу с наличными деньгами. Решил перевесить эту проблему на меня.

– С каких пор бухгалтеры платят за услуги по информационной безопасности наличными?

Питер не ответил.

Зула продолжала думать. Стодолларовые купюры. Сто банкнот – десять тысяч баксов. Это какой примерно толщины пачка? Не очень большая. В машине можно спрятать без труда.

У Питера с собой больше. Куда больше. Она вспомнила, как в Эбботсфорде он что-то перекладывал в багажнике.

– Секундочку, – сказала Зула. – Ты берешь двести баксов за час. Десять тысяч долларов – пятьдесят часов твоей работы. А мне думается, что у тебя с собой куда больше десяти тысяч. Значит, куда больше пятидесяти часов твоего времени. Ты в последнее время просто не сидел столько за компьютером. Ты ремонтировал дом. Да с одним гипсокартоном больше недели возился!.. Когда ты успел наработать столько часов?

И тут вся история выплыла окончательно.

* * *

Зула оказалась права: им впрямь нашлось о чем проговорить до самого Сиэтла.

Питер тоже не ошибся, когда сказал, что теперь Зула его бросит. Не из-за того, что он сделал в прошлом – хотя это, конечно, была полная дурость, – а из-за сегодняшнего нелепого спектакля с пересечением границы.

Впрочем, окончательно он себя сгубил, когда попытался сослаться на дядю Ричарда.

Они были уже где-то в районе Эверетта, на въезде в северные пригороды Сиэтла. У Питера оставалось десять – пятнадцать минут на то, чтобы оправдаться. И он напомнил про темные делишки, которые Ричард Фортраст проворачивал – или якобы проворачивал – в прошлом. Зула отлично ладит с дядей Ричардом, так что не устраивает ее в Питере?

Тут она оборвала его на полуслове и сказала, что между ними все кончено. Сказала с такой определенностью в голосе и в лице, что Питер прибалдел. Это и завораживало, и пугало. Потому что мужчины, по крайней мере его сверстники, не настолько уверены в себе, чтобы принимать решения нутром. Им нужно выстроить систему логических обоснований. Зула – другое дело. Ей не надо было ничего решать. Она просто сообщила новость.

День 1

Три дня назад, в пятницу, перед поездкой в шлосс Зула сбежала с работы пораньше, отправилась напрямик к Питеру в этажи (именно так он называл свое жилище), чтобы бросить вещи, а машину припарковала в складской части здания, куда со стороны переуллка вели гаражные ворота. Поэтому теперь, несмотря на разрыв, ей пришлось возвращаться и за машиной, и за пожитками. С трассы Зула съехала на Мичиган-авеню и, миновав аэродром Боинг-Филд, свернула обратно к Джорджтауну.

Сто лет назад это был самостоятельный городок, живший за счет производства и потребления спиртного. Границами Джорджтауну служили каналы и железнодорожные ветки. В начале двадцатого века его поглотил Сиэтл, который больше не мог терпеть у себя под носом богатый, но не обложенный налогами район.

Едва самолеты стали обычным делом, в южной части городка немедленно построили аэропорт. Во времена Перл-Харбора его национализировали, и всю войну «Боинг» запускал отсюда «Б-17» и «Б-27». Хибары клепальщиков заполонили тихие узкие улочки Джорджтауна, однако тот сохранял индивидуальность до конца века, пока не покорился нашествию с севера: дот-комы в поисках дешевых офисных помещений вторглись в одноэтажные промышленные районы к югу от центра и оккупировали механические и литейные цеха, не устоявшие перед китайской конкуренцией. Станки выкорчевали, выбросили или пустили с молотка, потолки отмыли и укрыли кабельными лестницами, которые вскоре прогнулись под милями синих сетевых проводов. На местных разбитых дорогах, к неудовольствию водителей грузовиков, развелись велосипедисты в дурацких шлемах и спандексе. Именно в ту эпоху Питер, не желая упустить шанс, прикупил здание – больше из веры в то, что вместе с друзьями откроет хайтектовую компанию, – однако не вышло: сменился финансовый климат. В итоге пришлось и жить, и работать прямо тут, а часть помещений сдавать людям разного рода искусств. Те же, как выяснилось, готовы платить за аренду куда меньшие деньги, чем высокотехнологичный бизнес. Но вредившее Питеру шло на пользу Джорджтауну – по крайней мере в том смысле, что район зарабатывал на жизнь реальными товарами, а не цифровыми фокусами с битами и байтами.

Потолок на нижнем уровне подпирали еловые бревна – отличный получился бы ресторан или паб с пивоварней, вот только стояло это старое кирпичное здание вдалеке от оживленных мест, да и без него подобных заведений в Джорджтауне хватало. А так пришлось делить нижний этаж надвое: одну часть Питер сдал сварщику редких металлов (тот изготавливал детали для аэрокосмической отрасли), а во второй устроил себе мастерскую. В ней-то все выходные и простояла машина Зулы. Верхний, отделанный этаж, выходивший старыми уютными окнами на Боинг-Филд, тоже делился пополам: сам Питер обитал и работал в лофте без перегородок, а вторую часть доводил до ума, рассчитывая сдать продвинутой молодежи, которая, по его словам, не прочь пожить «среди арок».

Зула не понимала, о чем он говорит, пока не попривыкла к району и не заметила, что окна и двери в старых зданиях – самые настоящие обложенные камнем и кирпичом арки, каких не встретишь в новых домах. А Питер не просто заметил – он осознал их привлекательность для некоторых людей, то есть человеческого в нем обнаружилось больше, чем в обычном нерде.

Из поездки вернулись около двух ночи. Зула пошла наверх собирать вещи, скопившиеся за два месяца, прожитых с Питером, условно говоря, вместе, увидела нарочно не заделанные при ремонте оконные арки, и тут на нее накатило – она не могла ни двигаться, ни ясно мыслить. Так и стояла в темноте. Огни аэродрома били в низкий свод выдохшихся облаков, их зеленовато-серебристое мерцание будто слоем краски заливало стекла оконных проемов.

Зула испытывала странное умиротворение и (вполне естественно в таких обстоятельствах) спрашивала себя: «Что я вообще в нем нашла?» Внешность – понятно, но дело не только в ней. Может, непредсказуемые озарения вроде того, с арками? И вот еще: Питер постоянно вкалывал и многое умел, чем напоминал Зуле родное айовское семейство. К тому же он был умен, имел массу разных увлечений, о которых свидетельствовали стопки и развалы книг, и мог увлекательно о них рассказывать, если вдруг случалось настроение поговорить. Тут, в одиночестве, пока Питер распаковывал снаряжение, Зула шаг за шагом, будто следователь на месте преступления, начала вспоминать, как влюблялась, и убеждаться, что вовсе не вела себя по-идиотски. Она не заметила признаков грядущего разрыва, таких очевидных в последние двенадцать часов, – это еще можно себе простить. Бывшие подруги наверняка не спрашивали у нее за спиной, что она нашла в этом парне.

А отсюда – в последний раз, пока она стоит одна в темноте и еще может передумать, – вопрос: бросать ли Питера окончательно. Впрочем, Зула не сомневалась: проснувшись утром, ни о чем не пожалеет. С двоими так уже было. В ее университете смуглолицые ботанки, изучавшие жидкостную динамику, не пользовались у мальчиков таким успехом, как, например, голубоглазые блондинки с факультета гостинично-ресторанного бизнеса. Но она, обитатель съемного жилья и хозяйка садика в горшочках на крыше, возделывала и берегла немногочисленные отношения, а вырастив редкий томат, наслаждалась им, наверное, больше, чем те, кто покупает овощи корзинами в супермаркете. Поэтому кое-какой опыт у нее имелся. В своей правоте, как и в предыдущие два раза, она не сомневалась.

Зула включила свет – от него заболели утомленные глаза – и стала собирать то, что наверняка принадлежало ей: из ванной – немного самой необходимой косметики, арсенал для ухода за волосами; из любимого угла – записи и книги по работе, пару романов. Мелочи, но Зуле хотелось, чтобы Питер каждое утро натыкался на ее вещи. Она свалила собранное у самой лестницы и устроила еще один обход жилой зоны, подбирая совсем уж ерунду: бейсболку, кружку, заколку, гигиеническую помаду. Зула двигалась все медленней, тянула время – как только она закончит, придется нести все вниз, где Питер возится со снаряжением, и будет неловко; она так вымоталась, что аккуратно обойти эту неловкость не хватит сил, а оставаться в его памяти злобной стервой нет никакого желания.

Подойдя к кучке своего скарба в предпоследний, как она решила, раз, Зула услышала внизу голоса – Питера и еще одного человека. Слов было не разобрать, но второй говорил крайне возбужденно. Тянуло холодом – уличный воздух врывался через открытые ворота и доносил резкий запах несгоревшего бензина, какой издают лишь очень старые машины эры до каталитического конвертера.

В окошко, выходящее в переулок, Зула увидела спортивный кабриолет: фары горят, дверь нараспашку, мотор не заглушен; сам водитель внутри здания спорит с Питером – видимо, тот, разгружаясь, перегородил проезд своим «кайеном». Автомобили стояли нос к носу. Мужчина злился, потому что, как решила Зула, не мог проехать, очень спешил и был пьян. Либо, судя по зашкаливавшей злобе, на метамфетамине. Разобрать, о чем они говорят, Зула не могла. Питер оторопел, но все же пытался вести себя благоразумно и успокаивать незнакомца. Тот раздражался воплями, и Зула его не понимала – человек говорил с акцентом (теперь это стало ясно), и хотя она владела английским почти безупречно, кое-какие слабые места у нее имелись. Одно из них – как раз акценты.

Зула уже собиралась набрать 911, но услышала, как незнакомец сказал «голосовая почта».

– ...выключил... – объяснял Питер по-прежнему спокойно и рассудительно.

– ...от самого Ванкувера мочило этим паршивым дождем, – ныл незнакомец.

Зула снова подошла к окну и рассмотрела номер машины. Британская Колумбия.

Тот самый мужик. Уоллес.

У него возникла проблема с передачей данных. Стало быть, это просто клиент, которому понадобился совет. Нет, скорее техподдержка, поскольку Уоллес жаловался на «поганный вирус или типа того».

Напряжение пошло на спад. Адреналиновый запал, на котором гость мчал от самого Ванкувера, иссяк. Мужчины договорились обсудить все спокойно. Уоллес заглушил мотор, выключил фары кабриолета и зашел внутрь здания.

– А это еще чья машина? – спросил он. Теперь, когда Питер опустил ворота, слова зазвучали разборчиво, и ухо Зулы начало настраиваться на шотландский акцент.

– Зулы.

– Той девчонки? Она тут?

– Нет, я подбросил ее до дома.

Против своей воли Зула приняла это вранье с благодарностью и восхищением.

– Она часто оставляет у меня машину, когда ею не пользуется.

– Дико хочется отлить.

– Писсуар вон там.

– Недурно.

Этим техническим новшеством, одиноко стоявшим в центре мастерской, Питер гордился особо. Зула услышала, как Уоллес расстегивает молнию, как струя бьет в писсуар, и подумала: «Забавно было бы появиться именно теперь». Однако ее машину загораживал кабриолет.

– Я полагал, что вы меня надули, – сообщил Уоллес, не отрываясь от процесса. – Но теперь допускаю, что все обстоит иначе.

– Это хорошо. Поскольку ничего дурного я не замышлял.

– Не считая кражи личных данных кучи людей.

– Да.

– Меня-то убедить несложно: это вам уже удалось, – но тех, с кем я работаю... тут совсем другая история. – Уоллес закончил, застегнул штаны, повернулся, и его голос зазвучал иначе.

– Вы же вроде говорили, что работаете на себя.

– Я соврал.

– Вон оно что, – проговорил Питер, немного помолчав.

– Мне пришло уже три неприятных письма от человека в Торонто. Он хочет знать, где чертовы номера кредиток. Отправлю-ка я ему последние новости прямо сейчас... если наглое вранье можно назвать новостями.

Некоторое время они молчали – видимо, Уоллес набирал сообщение.

– Мне не совсем ясно, почему вы просто не отправили ему данные, – сказал Питер. – Может, расскажете все по порядку? Вы примчались, устроили скандал – я ничего не понял.

– Сейчас, подождите, – буркнул Уоллес.

– Вот пароль на мой Wi-Fi.

Зула услышала, как по столу прошелестел листок.

– Уже не надо. Я вышел через какого-то Варщика.

– Зря. Моя точка доступа гораздо надежней.

– Варщик... Повар, что ли?

– Сварщик, это мой арендатор. Никак не созреет поставить пароль на свой Wi-Fi.

– Не такой замороченный на безопасности, как мы с вами, а?

Питер не ответил – он, как и Зула, почуял в его словах западню.

Поначалу Зула хотела звонить в полицию, но поняла, что это все-таки Уоллес, а не какой-нибудь буйный придурок с улицы. Теперь она снова подумала, не набрать ли 911, однако Уоллес уже успокоился, а если кто и нарушил закон, так это Питер. Разрыва вполне достаточно. Сажать парня за решетку – это чересчур.

– Значит, по порядку? Ладно, слушайте. – Уоллес немного помолчал, потом спросил: – В холодильнике есть пиво?

– Вы пьете? – удивился Питер и, не получив ответа, прибавил: – Угощайтесь.

Уоллес хлопнул дверцей и, открывая пиво, продолжил:

– Вы сами видели, как я перекинул файлы в свой ноутбук – тогда, в таверне. Я проверил содержимое, закрыл компьютер, пошел к машине. Потом поехал в Ванкувер – по дороге останавливался только раз, на заправке, из машины не выходил, ноутбук из вида не выпускал. Припарковался в гараже своего многоквартирника, поднялся к себе, компьютер нес в руках. Поставил его на стол, подключил провода, открыл, проверил, все ли на месте.

– Провода. Не могли бы вы перечислить, какие именно провода? – Питер переключился в режим предельной вежливости и дотошности а-ля индийская техподдержка.

– Питание, сеть, внешний монитор, кабель фаерваер.

– Значит, сеть. Разве у вас не Wi-Fi?

– Издеваетесь?

– Просто уточняю. У вас есть брандмауэр или какие-то другие средства против внешних атак?

– Конечно. Защита, как в крупных компаниях. Каждый месяц отваливаю бешеные деньги и плачу парнишке, который ее поддерживает. Абсолютно непроницаемая. Не подводила ни разу.

– А что вы подключали по фаерваеру?

– Диск для резервного копирования.

– То есть вы делаете копии не по Сети?

– Да что ж вы никак не поймете – я ведь говорил, на кого работаю, разве нет?

– Говорили.

Питер не рассказывал Зуле, что у Уоллеса есть заказчик, поэтому она ничего не поняла, однако тон заставил ее насторожиться.

– Есть две вещи, объяснять которые *ему* было бы крайне нежелательно: во-первых, что я потерял важные данные, поскольку забыл сделать копию, во-вторых, что до его файлов добрался человек со стороны, так как я скопировал их на удаленный сервер, физически не находящийся под моим контролем. Поэтому вариантов не много.

– Физический контроль – единственный надежный способ, – успокаивающе заметил Питер. – А на каком носителе хранятся данные?

– На довольно дорогом массиве «RAID 3». Он стоит у меня в квартире в сейфе, прикрученном к бетонной стене и к полу. Когда прихожу домой, я открываю сейф, достаю оттуда кабель, подключаю к ноутбуку, делаю резервную копию и прячу все обратно.

Питер, обдумав, вынес вердикт:

– Необычно, но весьма разумно. Чтобы украсть массив, пришлось бы сильно повредить сейф, то есть скорее всего испортить диски.

– На то и рассчитано.

– Итак, придя домой, вы первым делом хотели открыть сейф и создать дубликат файла. То есть, если бы у компьютера полетел винт, у вас была бы копия.

– Вы сами сказали, что у меня теперь единственный экземпляр. – Уоллес почти оправдывался.

– В мире, где правят законы Мерфи, немедленно сделать копию – правильное решение, – согласился Питер.

– Он ждал, что я отправлю файл на один сервер в Бухаресте к... по нашему времени это... к двум ночи. А тогда было двенадцать.

– Масса времени.

– Вот и я так подумал. Поставил копирование, вышел из комнаты, отлил, прослушал автоответчик, достал кое-что из дорожных сумок, сделал себе коктейль, просмотрел почту – на это ушло минут пятнадцать. Потом я вернулся в кабинет, сел за ноут, запустил окно терминала. Для пересылки файлов предпочитаю копирование по безопасному протоколу SSH из командной строки.

– Так и надо.

– Первым делом проверил содержание папки «Документы» – хотел освежить в памяти имя и размер файла, который вы мне продали. Я проверил и увидел... сами посмотрите.

Видимо, ноутбук Уоллеса уже стоял раскрытым на столе.

– Хмм... – протянул Питер после небольшой паузы.

– При этом вчера в «Документах» лежало с десятков папок и вдвое больше файлов.

– В том числе и мой.

– Да.

– А теперь тут два файла и больше ничего. Первый – troll.gpg, второй...

– «README», – закончил за него Уоллес. – Прочти, мол. Ну я и прочел, чтоб его.

Питер хмыкнул.

– Да, по идее он должен был называться: «README». Но тут опечатка: две буквы переставлены, видите?

– «REAMDE», – произнес Уоллес.

Питер дважды щелкнул по файлу, и Зула представила, как наступившей тишине он просматривает содержимое документа.

Название «REAMDE» о чем-то смутно ей напомнило. Зула осторожно протянула руку к сумке, стоявшей совсем рядом, возле стены, выудила из верхнего отделения свой ноутбук, поставила на пол, села, открыла и первым делом отключила звук. Через несколько секунд компьютер подключился к Wi-Fi Питера. Зула, щелкнув по иконке, вошла в закрытую сеть Корпорации-9592.

– Как мы уже выяснили, в «Т’Эрру» вы не играете, – сказал Уоллес.

– Никогда ее не понимал.

– Так вот, на картинке изображен тролль. Тролль определенного вида, живущий в определенном месте Т’Эрры, причем, боюсь, довольно труднодоступном. Это я поясню смысл названия.

– «Ха-ха, салага, тебя нагрел тролль. Я зашифровал все твои файлы. Оставь 1000 з.м. в указанном месте и получишь ключ». Так, понятно.

– Я рад до посинения, что вам понятно, друг мой, поскольку...

– А теперь, – оборвал его Питер, – посмотрим на содержимое второго файла и увидим...

– несколько щелчков, – во-первых, что он огромный; во-вторых, что это корректный gpg-файл.

– По-вашему, это корректный вид?

– Ну да. Стандартный заголовок, затем несколько гигов вроде бы случайного двоичного кода.

– Несколько гигов?

– Да, он очень большой. В нем, наверное, все, что хранилось в папке «Документы». Если верить написанному в «REAMDE», эти данные были зашифрованы. Ваши файлы взяты в заложники.

Зула, которая уже зашла на Вики-сайт Корпорации-9592, отправилась в раздел «Вредоносное ПО» с названиями троянов и вирусов. Найти «REAMDE» не составило труда – крупное красное слово стояло на самом верху. Проверив историю, Зула обнаружила, что девяносто процентов записей о «REAMDE» сделаны за последние трое суток – ребята из службы безопасности возились с ним все выходные.

– Как такое вообще возможно? – спрашивал Уоллес, а тем временем наверху Зула читала как.

– Очень даже легко, если в вашу систему внедрился троян, – объяснял Питер. – Старая история. Такие программы делают уже не первый год. У них даже есть название: «программы-вымогатели».

– Первый раз слышу.

– Ими трудно заработать. Требуется перевод денег, а его можно отследить.

– Понимаю. Если живешь с вирусов, есть способы проще.

– Да. Например, ботнеты. Теперь, очевидно, нашли уловку – требовать выкуп виртуальным золотом Т’Эрры.

– То есть возможность существовала давно, но мало кто работал по-крупному, – соображал Уоллес. – А эти ублюдки догадались использовать Т’Эрру для отмыwania денег.

– Да. Судя по тому, что вы ехали сюда без остановок и оставили мне, как я теперь вижу, восемь голосовых сообщений, жесткий диск в сейфе тоже заражен.

– Эта программа загадила все, до чего дотянулась. Наверное, попала в систему с той вашей поганой флешки, а потом...

– Не надо на меня сваливать. На моем компьютере «Линукс». Другая операционка – другие вредоносные программы.

– Тогда как этот чертов вирус влез в мой ноутбук?

– Не знаю.

А Зула, которая просматривала данные анализа «REAMDE», знала. Например, он распространялся через флешки и другие съемные устройства. Питер брал флешку у Ричарда, чтобы перебросить какие-то файлы Уоллесу. Значит, заражен компьютер Ричарда, только тот не в курсе, поскольку защищен корпоративным антивирусом.

– Да это и не важно, – продолжил Питер. – Главное...

– Важно, если придется выяснять, кто виноват. А клиент наверняка захочет узнать.

– Я лишь говорю, что проблему надо решать.

– Гениальная мысль, малыш. Сейчас без четверти три. Я уже опоздал на сорок пять минут, хотя и выторговал себе немного времени – отправил письмо с какой-то ересью про поломку машины в Оканагане. Но часики тикают. Надо расшифровать файл.

– Нет, надо заплатить выкуп.

– Черта с два.

– Его невозможно расшифровать. Если бы на нас работало Агентство нацбезопасности, тогда, может, справились бы. А так вы влипли, пока не отдадите деньги.

– Мы оба влипли, – поправил Уоллес. – Все слишком сложно, и объяснить *ему* я ничего не смогу. Он не понимает в компьютерах, не слышал ни о «Т’Эрре», ни вообще о многопользовательских онлайн-играх. Может быть, имеет какое-то смутное представление о вирусах. Но он четко понимает одно: деньги заплатил – товара нет.

– Значит, сделаем, как я сказал, – отдадим выкуп.

Долгое молчание.

– Я рассчитывал, что у вас есть копия.

– Я же говорил...

– Да помню я, что вы там говорили! Думал – врете.

– Опять хитрите и хотите выяснить, лгу я или нет?

– Вам, к несчастью, как раз хватает ума, чтобы тупить сильнее, чем настоящий тупица. Мне не до шуток. Я жажду услышать, что вы тогда соврали и копия есть. – Тут Уоллес понизил голос и минуты две неразборчиво рокотал.

Когда он закончил, Питер долго, на разные лады, как актер, подбирающий интонацию, повторял одну и ту же фразу про мать, потом, чуть не плача, произнес:

– Да какая разница!.. Я не врал. Нет у меня копии!

Теперь тирадой о матери разразился Уоллес.

– Значит, надо платить выкуп, – сказал Питер. – Тысяча золотых монет?

– Так там написано.

– Это сколько на наши деньги?

– Семьдесят три доллара.

Через секунду Питер захохотал – как показалось Зуле, неестественно, почти истерично.

– Семьдесят три? Все можно решить за семьдесят три бакса?

– Найти-то деньги не проблема... – ответил Уоллес.

По смеху Питера Зула поняла, что пора звонить в полицию. Лучше всего с домашнего – так диспетчер будет знать адрес. Она встала и на цыпочках подкралась к закутку, где Питер хранил кухонную утварь. Беспроводная трубка висела на стене. Зула взяла ее, включила и поднесла к уху послушать, есть ли сигнал.

Вместо него раздалось пиканье кнопок – с параллельного аппарата кто-то набирал номер.

– Добро пожаловать в службу поддержки компании «Квест», – сказал записанный голос.

– Доброе утро, Зула, – произнес Уоллес. – Я знаю, что вы в здании, – ваш компьютер проявился у Питера в Сети. А еще я присматривал за телефоном. У него есть замечательная лампочка – включается, когда кто-то берет параллельную трубку.

На линии настала мертвая тишина. Зула услышала внизу яростный треск – Уоллес обрывал провод.

– Вы чего творите? – Питер скорее опешил, чем возмутился.

– Ставлю нас в равные условия, – ответил Уоллес и затопал по лестнице.

* * *

Велорюкзак, заменявший Зуле сумку, лежал у самых ступеней. Уоллес пошарил внутри, выудил телефон, ключи от машины, потом закрыл и подхватил ноутбук.

– Созреете поговорить – милости прошу вниз, – объявил он и удалился.

Зула услышала, как пикнули и отщелкнулись замки ее «приуса», и вышла из оцепенения. Она пожалела, что не послушала айовскую родню, которая считала Сиэтл немногим спокойнее Могадичу и постоянно зудела: получи разрешение, купи пистолет. Зула вынула из рюкзака складной нож, сунула в задний карман джинсов, спустилась вниз и увидела, как Уоллес, хлопнув пассажирской дверью «приуса», запирает замки с брелока и прячет его себе в карман.

– Ваши с Питером аппараты в машине – в целостности и сохранности, – объявил он. Зула поняла, о каких аппаратах речь, лишь когда подошла поближе и увидела на торпедо два мобильника.

– Вот такой я злодей, – прокомментировал Уоллес, сверкнув глазом. – Нам надо найти выход. Поэтому мы должны убедиться, что можем друг другу доверять, а потом вместе пошевелить мозгами. Вы же, молодежь, предпочитаете обсуждать, а не размышлять. Так что давайте-ка подумаем.

Зула чувствовала на себе взгляд Питера и понимала, что, если обернется, тот захочет установить контакт – словом, жестом, мимикой. Возможно, попробует извиниться. Ему эти извинения были нужны гораздо больше, поэтому она не обернулась и по совету Уоллеса сосредоточенно принялась за дело, желая поскорее закончить и уехать отсюда.

– Нам надо доставить тысячу слитков к западным предгорьям Торгаев? – спросила она.

– А потом молиться, чтобы автор вируса оказался благородным преступником и со всех ног прибежал к нам с ключом.

– С такой суммой мы замучаемся отбиваться от воров, – заметила Зула.

– Всего-то семьдесят три доллара, – сказал Питер.

– Для подростка из китайского интернет-кафе – бешеные деньги. Чем самому добыть столько, проще ограбить странника.

– И увлекательней, – прибавил Уоллес.

– Да и как воры вообще узнают, что у вас при себе золото? – спросил Питер.

– Есть идея, – радостно объявил Уоллес и указал пальцем на Питера. – Вы – заткнулись. Хотите сделать что-нибудь полезное, например приготовить кофе, будьте любезны. некогда врубить вас в тонкости «Т'Эрры». – Потом он обернулся к Зуле: – Не устроиться ли нам наверху?

* * *

– Какой персонаж у вас самый сильный? – спросила Зула, подключая ноутбук к розетке в той части этажа, которая считалась гостиной. Питер варил кофе на условной кухне.

– У меня только один – злой т'Кеш-метаморф, – ответил Уоллес, залогиниваясь в «Т'Эрру» с рабочего компьютера Питера.

– Можно посмотреть? – Зула запустила программу «Т'Эрры», ввела пароль, подъехала к Уоллесу в кресле, насколько позволял провод, и взглянула на метаморфа.

– А у вас кто? – спросил Уоллес, вытягивая шею. – Целый зверинец, наверное?

– У сотрудников нет преимуществ. Создаем своих с нуля, как клиенты.

– Мудрая корпоративная политика, – немного расстроено заметил Уоллес.

– У меня двое, оба добрые. Хотя теперь это без разницы.

– Вон тот, слева. – Уоллес выгнулся еще сильнее, заглядывая в ноутбук. – С ним сейчас будет гораздо удобнее.

Он имел в виду, разумеется, палитру.

Еще за неделю до Рождества их персонажи каши вместе не сварили бы: ее – добрые, его – злой. Зула не провела бы своих далеко на территорию злых сил и наоборот. Они могли встретиться разве только в диких краях или на поле боя, а это в нынешней миссии бесполезно, поскольку западные предгорья Торгаев находились в исконных землях Зла и для добрых самый простой путь к ним лежал с запада.

Но когда миллионы студентов разъехались на каникулы, решив потратить все свободное время на «Т'Эрру», началась Война за цветопередел. Готовили ее долго и тщательно, несколько месяцев. Кто – неизвестно. Некая безымянная группа, состоявшая как из добрых, так и злых персонажей, устроила хорошо спланированный блицкриг против другой, тоже смешанной группы, которая узнала, что она группа, не раньше чем на ее голову пал молот войны. Агрессоров, с подачи Ричарда Фортраста, окрестили Пестрым альянсом, их жертв – Охристой коалицией. Эти названия из сугубо внутренней переписки Корпорации-9592 просочились в сообщество игроков, и теперь их даже печатали на футболках.

Персонаж Уоллеса с тысячи ярдов безошибочно определялся как участник Охристой коалиции. К ней же принадлежал и первый герой Зулы – тот, что слева. Второй был заметно ярче. Она создала его в сочельник, когда сделалось ясно, что охристому стали недоступны обширные части «Т'Эрры», поскольку превосходящие числом легионы Пестрого альянса стремительно продвигаются по всем фронтам. Соответственно цветной персонаж, как более молодой, был слабее. Насколько слабее – вопрос относительный. В «Т'Эрре», радикально изменившей традицию ролевых игр, уровень персонажа не обозначался цифрами – для этого служила «аура»: трехчисленный показатель, который высчитывался по куче разной статистики – по рангу в вассальной сети, по ее размеру и мощи, по заработанному опыту, количеству навыков и качеству экипировки. С увеличением «ауры» персонаж получал определенные, но не всегда предсказуемые, умения.

Мир, созданный программой Плутона, размерами почти совпадал с Землей. Путешествия транспортом, адекватным эпохе (то есть средневековым), оказались бы непомерно долгими. Теоретически можно было бы схитрить с самим понятием времени и перескакивать, например, сразу к концу трехмесячного морского вояжа, однако в многопользовательской игре такое не сработало бы. Время «Т'Эрры» пришлось жестко привязать ко времени реального мира.

Плутон решил эту проблему, сгенерировав силовые линии, которые опутали мир с плотностью не меньшей, чем у нью-йоркского метро. Они служили основой системы телепортов, перебрасывавших персонажей на перекрестки. Трасс и их пересечений было невообразимое количество, и все страшно усложнялось тем, что не любой класс персонажей мог перемещаться по любой линии. Путешествовать удавалось лишь с помощью программы, которая следила за системой и подсказывала, как добраться из пункта А в пункт Б.

Зула и Уоллес быстро переправили своих героев в город на равнине у Торгайского предгорья. Т'Кеш Уоллеса зашел к меняле и получил тысячу золотых, за которые с кредитки позже спишут семьдесят три доллара. Из города они телепортировались на ближайшее к координатам из «REAMDE» пересечение силовых линий. Оставалось сесть на имевшихся у обоих верховых животных и за четверть часа доскакать до нужного места.

На экранах возник перекресток, отмеченный лишь пирамидой из камней. Зула стала поворачивать своего мага-к'Шетрия, пока не заметила т'Кеша Уоллеса. Тот стоял футах в ста от нее – телепортация подразумевала небольшую погрешность.

Первым делом в глаза бросалась земля, усыпанная... нет, вымощенная трупами на разной стадии разложения.

Валун размером с гимнастический мяч рухнул совсем рядом с Зулой. На Т'Эрру метеориты падали не чаще, чем на Землю, поэтому она заподозрила, что упасть ему кто-то помог. И действительно: метрах в двухстах на небольшом холме стояла батарея из трех требушетов. Первый перезаряжали, остальные как раз выпускали снаряды. Эти неуклюжие конструкции с болтающимися противовесами и хлыстами пращей, на первый взгляд неспособные стрелять, ловко метнули в Зулу пару глыб, и ей пришлось уворачиваться. Она отбежала за торчавший из земли крупный камень, тут же попала под стрелы конных лучников, которые прятались неподалеку в высокой траве, затем наложила пару защитных заклинаний, но удача одной из стрел пересилила колдовство, и персонажа убили. Маг-к'Шетрий исчез с экрана и отправился в лимб.

У Уоллеса дела шли не лучше – его героя, придавленного камнем, взяли в кольцо лучники и принялись обстреливать. Здоровье быстро падало.

– Не дайте взять себя в плен, – посоветовала Зула.

– Знаю. – Уоллес нажал на иконку, помеченную «БРОСИТЬСЯ НА МЕЧ».

Всплыло окошко «ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ХОТИТЕ БРОСИТЬСЯ НА МЕЧ?»

«ДА».

Спустя несколько секунд его персонаж тоже был в лимбе.

– Ничего удивительного, – сказал Уоллес, когда успокоился. – Этот «REAMDE» – сколько он заразил компьютеров?

– Приблизительно двести тысяч, – ответил Питер, который сидел в углу и как раз выяснял подробности. Но видел он лишь то, о чем судачили в общедоступной части Интернета. А по корпоративным данным Зулы, заражено было раз в пять больше.

– И всем жертвам велели нести в это поганое место по тысяче слитков. Еще бы воры не устроили засаду у ближайшего перекрестка!

– Прибыльное дельце, – добавила Зула.

– Значит, деньги у вас украли? – спросил Питер, нарушив уговор не задавать дурацких вопросов о Т'Эрре.

– Нет. Я упал на меч и умер, то есть прихватил в лимб все свое барахло. Если бы я совсем ослаб, меня бы пленили и отобрали не только золото. Но мне повезло. Доходное же у них занятие.

– Что дальше? – спросила Зула.

– Надо выбраться из лимба, – сказал Уоллес. Это было не сложно – существовало десятка полтора способов оживлять героев, каждый со своими плюсами и минусами. – Потом найдем перекресток подальше и станем пробиваться оттуда.

– Можно собрать отряд...

– В три ночи? У нас мало времени. А у вас точно нет более... могущественного персонажа?

– Предлагаете разбудить моего дядю? Уверены, что его стоит втягивать?

* * *

Они попробовали снова: телепортировались на менее удобный перекресток примерно в часе пути от условленного места, немедленно попали в засаду и почти одолели врагов, – как им опять не повезло. Перед третьей попыткой Уоллес, выйдя из лимба, запасся золотом и закупил по грабительским ценам разных зелий и заклинаний, продлевающих жизнь. Они перенеслись на прежнее место, разгромили засаду, прошли пару тысяч ярдов, но, не успев залечить свежие раны, были атакованы еще одной шайкой и, как ни бились, снова попали в лимб.

В последний момент Зула успела заметить нечто странное: их враги стали падать на землю, сраженные с тыла стрелами и копьями. Грабители сами стали жертвами грабителей, только других, не успевших на драку.

– Давайте вернемся, – предложила Зула, – там есть подмога.

– Видел я эту подмогу: такие же воры, – сказал Уоллес.

– Вот и хорошо – перебьют друг друга.

И они вернулись на тот перекресток, но не прошли даже первую группу бандитов. Хотя их засада снова попала в засаду.

Еще одна лихорадочная скупка зелий – и еще один заход в ту же локацию. Теперь, зная численность и тактику грабителей, они легко расправились с первой бандой и сразу отошли в сторонку передохнуть перед второй атакой. В этот раз наученная опытом Зула ясно видела, что к ним приближаются две отдельные группы: воры и их истребители. Когда последние сосредоточили все силы на бандитах, а один даже наложил целебное заклинание на совсем ослабевшего героя Зулы, у нее возникла теория. Правда, едва бой закончился, истребители, не сказав ни слова, скрылись в лесу.

– Я все понял, – объявил Уоллес. – Они работают на Тролля.

– Любопытная мысль.

– Помогают донести выкуп до места.

– Ну так понесем, – сказала Зула, усаживая своего мага в седло.

И они отправились в путь, который планировали проделать за час.

На деле прошло пять часов изматывающей игры, пока перед ними не возникли Торгайские предгорья. Этот район, один из самых безлюдных всего две недели назад, теперь кишел добрыми и злыми, пестрыми и охристыми. Каждый клочок земли усеивали скелеты погибших персонажей, всюду шли стычки между грабителями и наспех сколоченными отрядами тех, кто нес выкуп. Зула и Уоллес вступили в группу, чей груз составлял восемь тысяч слитков; после очередной засады их команда потеряла три четверти сил, создала альянс еще с десятью путешественниками, но и тот распался, когда очень некстати выяснилось, что им не по пути, – видимо, в разных «REAMDE»-файлах указывались разные координаты. Каждый шаг давался с трудом и требовал уловок и разведок боем.

Зула не была геймером и геймеров избегала (вот еще почему ей нравился Питер) и в Корпорацию-9592 устроилась совсем не из жадности работать в этой индустрии, а из-за семейных связей и по случайному совпадению ее навыков с требованиями Плутона. Лишь заведя собственного персонажа, Зула лично познакомилась с миром Т'Эрры, а пообвыкнув, поняла, почему на игру подсаживаются. Однако сама не подсела. Она никогда прежде не проводила здесь столько времени – шесть часов кряду, – да и в этот раз не стала бы, если бы не желание вытащить себя с Питером из нелепой истории. Она рассчитывала решить проблему за пятнадцать минут, а потом сбежать отсюда и никогда больше не видеть ни Питера, ни Уоллеса.

За окнами рассвело. Зула не спала уже сутки. Единственная причина, по которой она высиживала в этом дурдоме, вместо того чтобы выскочить на улицу, остановить первую попавшуюся машину и попросить кого-нибудь вызвать полицию, была заразительность Т'Эрры и ее, Зулы, неспособность оторваться от вымышленного мира. Она всегда презирала тех, кто маниакально уходил с головой в игры, когда следовало бы заниматься делом, а теперь сама сидела за компьютером, хотя стоило звать на помощь. Однако эти мысли не приходили ей на ум, пока телефон Уоллеса не начал издавать истошные звуки. Она вдруг осознала, что наступил день, Питер спит, а ее мочевого пузыря вот-вот лопнет.

Мобильник звонил не в первый раз. Уоллес установил разные сигналы для разных людей. До сих пор слышалось только стандартное электронное чириканье, которое он просто отключал, но сейчас выла сирена авианосца. Уоллес мгновенно подхватил телефон и сказал:

– Алло.

Не «алло?» с вопросительной интонацией, которая означала бы «кто это?», а «алло» с точкой, то есть «ну наконец-то».

От громкого звука Питер проснулся, сел и с ужасом понял, что прошлая ночь ему не пригрезилась.

Зула встала и поспешила в туалет, думая, стоит ли смотреться в зеркало, услышала, как Питер выругался, и решила, что не хочет на себя глядеть, – все равно косметика в рюкзаке.

Вернувшись, она увидела, что Уоллес – бледный, окаменевший – сидит в кресле и по большей части слушает с таким видом, будто телефон ему запихнули в задницу, Питер лихорадочно стучит по клавиатуре, а вместо Т'Эрры на обоих мониторах висит сообщение «Интернет-соединение прервано».

В воздухе пахло сигаретным дымом.

Никто не курил.

– У сварщика тоже глухо, – сообщил Питер. – Остальные точки Wi-Fi запаролены.

– Кто курит? – спросила Зула.

– Да, сэр, – наконец произнес Уоллес. – Я как раз этим занимаюсь. Как раз занимаюсь. Нет. Нет, сэр. Нас только трое. – Он встал, побрел в сторону Питера и Зулы, едва не наткнулся на них, неловко замер, отнял от уха телефон, чтобы они услышали вопли, потом торопливо сказал: – Да-да, сэр. Как раз переключаю на спикерфон.

– Доброе утро! – раздался голос. – Это Иванов.

Протяжный шум в трубке вдруг сменил высоту. Говоривший звонил из реактивного самолета.

– О! Я вас вижу!

– Вы... видите, сэр? – переспросил Уоллес.

– Ваше зданье. Вижу зданье Питера из окна. Прямо как на карте Гугл.

Молчание.

– Да я в самолёте, – прокричал Иванов, скорее удивленный, чем раздосадованный их несообразительностью.

Низко над зданием пролетел самолет. Они тут часто летали – заходили на посадку на Боинг-Филд.

– Скоро буду у вас, и мы обсудим проблему, – добавил Иванов. – А до тех пор оставайтесь на связи. Мои помощники уже снаружи. – Он сказал это так, будто сделал одолжение, предоставив услуги своих людей. Питер подкрался к окну, выглянул и остолбенел.

Тем временем в трубке раздался второй голос. Этот говорил по-русски.

– Черт! – ругнулся Уоллес и отпрянул, словно его ударило током.

– Что такое? – спросила Зула.

– Поправка, – объявил Иванов. – Мои помощники внутри здания, не только снаружи. Инициативные ребята. Wi-Fi отрублен, телефон тоже. Спокойствие. Мы идем на приземленье. Буду у вас через пару минут.

– Да кто это вообще такой?! – не выдержал Питер.

– Мистер Иванов и, если не ошибаюсь, мистер Соколов, – ответил Уоллес.

– Да, Соколов тоже тут! – сообщил Иванов. – У вас отличный слух.

– Летят они... Откуда летят-то? – не отступал Питер.

– Из Торонто, – объяснил Уоллес.

– Как?!. Что?!.

– Насколько я понимаю, пока мы тут играли в «Т'Эрру», мистер Иванов заказал рейс прямым до Боинг-Филда.

Питер смотрел в окно на приземляющийся борт – возможно, тот самый.

– Гуглокарты?.. Он знает мое имя?

– Да, Питер! – ответил Иванов по спикерфону.

– Если помните, прошлой ночью я первым делом отправил письмо через Wi-Fi вашего сварщика.

– И ты мне соврал! – подчеркнул Иванов.

– Да, я соврал мистеру Иванову, – согласился Уоллес. – Сказал, что моя машина сломалась посреди Британской Колумбии и что вышлю номера карт через пару часов.

– Чонгора не проведешь! – заметил Иванов.

– Шонгор? Это еще что за фигня? – спросил Питер.

– Кто, а не что. Наш хакер. Мое письмо мистеру Иванову прошло через его сервер, и он заметил, что ай-пи не канадский.

– Чонгор вычислил мой дом по IP-адресу, – промямлил Питер.

В трубке что-то хлопнуло.

– Мы в машине, – сообщил Иванов, словно хотел успокоить этим собеседников.

– Как он может быть уже в своей драной машине?! – возмутился Питер.

– А вот так, если у тебя частный самолет.

– Разве не надо проходить таможеню?

– Мог пройти еще в Торонто.

Питер задумался, затем подошел к противоположной стене, откинул кусок драпировки, за которой оказался оружейный сейф, и начал набирать код.

– Ё-мое... – охнула Зула.

Уоллес отключил микрофон и спросил:

– Что он делает?

– Достает свою новую игрушку.

– Сноуборд?

– Штурмовую винтовку.

– Я не слышу Уоллеса! – объявил Иванов. – Уоллес? Уоллес!!!

– Питер! Питер!!! – завопил Уоллес.

– Кто у вас там? Я слышал женский глас, который сказать «ё-мое». – Тут Иванов перешел на русский.

Питер открыл сейф с единственной вещью, которую выбирал дольше сноуборда. Винтовка была оснащена всеми крутыми прибабасами, какие только можно достать за деньги: лазерным прицелом, складной двуногой и другими примочками, названия которых Зула даже не знала.

– Винтовка, говорите... – произнес Уоллес. – В иных обстоятельствах – не исключено. Те ребята снаружи... Может, вы и справились бы с ними. Это местные. Так, шушера. Однако... – он помахал телефоном, – с ним Соколов. – Будто эта фамилия все объясняла.

– Да что это вообще за отморозок такой?!

– Очень опасный в перестрелке человек. А теперь аккуратно закройте сейф.

Питер колебался. В спикерфоне все громче орал по-русски Иванов.

– Я труп, – сказал Уоллес. – Понимаете? Труп. Вы с Зулой, может, и переживете. Если запрете сейф.

Питер окаменел. Подошла Зула, собираясь закрыть дверцу, но замерла, не в силах отвести взгляд от штурмовой винтовки.

С оружием она управлялась лучше Питера.

По громкой связи заговорил Соколов – тоже по-русски. В отличие от Иванова его эмоциональный диапазон был как у авиадиспетчера.

– Зула?.. – тихо окликнул Уоллес.

Внизу из чьего-то телефона раздался голос Соколова. По ступеням затопали.

– Магазины, – сказал Питер. – У меня нет заряженных. Только патроны россыпью. Помнишь?

«Питер, это не для самообороны, – объясняла Зула, когда он купил винтовку себе в подарок на Рождество. – Пальнешь из такого в грабителя, пристрелишь еще кого-нибудь в соседнем квартале».

– Ну тогда... – Она захлопнула дверцу.

В лестничном проеме возникла картофелеобразная макушка бритой головы. Человек заметил Питера с Зулой, перевел взгляд на Уоллеса и повернул голову обратно, осознав, что видел оружейный сейф. В других обстоятельствах выражение его лица выглядело бы комичным. Зула, а следом и Питер тут же показали пустые руки и посторонились. Громила быстро подошел к сейфу, подергал дверцу, что-то пробубнил, и через мгновение его голос отозвался в спикерфоне.

Уоллес включил микрофон и сказал:

– Простите, мистер Иванов. Мы тут спорили.

– Я отчень сильно волновался.

– Волноваться не о чем, сэр.

– Тут дело не только в кредитках, – сообразил Питер. – Кто станет брать самолет из-за какого-то вранья по поводу до сих пор не высланных номеров.

– Вы правы, – подтвердил Уоллес. – Дело не только в номерах кредиток.

– Тогда в чем?

– Вчерашние события привели к заметно бóльшим проблемам.

– Например?

– Вы совсем идиот – задавать такие вопросы?

– Сейчас вы все понимать, – сообщил Иванов. – Мы уже здесь.

Зула встала ближе к окну и увидела, как подкатил черный лимузин.

Двое из тех, что болтались снаружи, подбежали, открыли задние двери. Из одной возник тучный мужчина в смокинге, с водительской стороны вышел стройный человек в кожаной куртке поверх пижамы. Оба синхронно отняли от ушей телефоны, сложили и сунули в карманы.

Один из помощников проводил прибывших к передней двери – коридор за ней вел в открытое помещение, где стояли машины. Второй – одетый не по погоде в футболку и джинсы – подошел к стоявшему перед домом потрепанному фургончику, распахнул задние двери, потянулся внутрь, закинул на плечо какой-то длинный предмет, отступил и пинком захлопнул створки. Предмет оказался коробкой (четыре фута в длину и примерно по футу по другим сторонам) со знаком соседнего строительного магазина и надписью «Промышленный полиэтилен. 0,006 дюйма». Помощник занес его в дом и опустил за собой ворота.

* * *

Первым по лестнице поднялся человек в пижаме, обошел комнату, разглядывая все и всех, затем сказал Уоллесу:

– Воллес.

– Соколов, – ответил тот.

Со слов Уоллеса Зула представляла Соколова восьмифутовым великаном с бензопилой, но теперь почти не сомневалась, что тот пришел вообще без оружия. Этот худой жилистый человек больше напоминал баскетболиста-красноармейца, возраст его определялся с трудом – примерно за сорок. У него были рыжеватые с проседью волосы, которые, казалось, как сбрили полгода назад, так с тех пор и не трогали. Он пару дней не брился, но щетина у него росла лишь на подбородке. У Соколова были большие нос и кадык, а неопределенный цвет глаз зависел от того, на что они обращались. На Зулу будто сквозь зеркальное стекло безразлично посмотрели глаза голубого оттенка, на Питера – тоже. Соколов убедился, что в туалете никого нет. Потом проверил в шкафах. Потом под диванами и под кроватями. Потом обнаружил дверь в соседнее помещение, где Питер делал ремонт, исчез там ненадолго, а когда вышел, что-то сказал по-русски.

Видимо, слово означало «чисто» – из лестничного проема возник человек в смокинге, а за ним второй – в футболке и с рулоном полиэтилена. Первый бегло оглядел помещение, особо внимательно – пустой зал, отдал приказ, и помощник ушел обратно вниз.

У Иванова были светлые глаза. Темные волосы, казавшиеся еще темнее от помады, которой он зализывал их назад, открывали мощный круглый лоб. Бледное лицо румянилось от холода. Поверх смокинга на плечах висело черное пальто, отлично подогнанное по фигуре, мягко говоря, коренастой. Однако двигался Иванов проворно; Зула представила, как тот раскидывает соперников на хоккейной площадке, – вероятно, в юности он проделывал такое не раз, чем наверняка до сих пор гордился. В отличие от Соколова на Зулу с Питером Иванов обратил куда больше внимания, а Уоллеса почти не заметил, будто полагая, что тот теперь годен лишь в качестве подставки для спикерфона. Он взглянул на Питера, покачал головой, а подойдя к Зуле, засуетился. Зачем он здесь, какого рода дела явился улаживать – все это не имело никакого значения. К женщинам следовало относиться совершенно иначе. Присутствие одной лишь девушки меняло все. Иванов поцеловал ей ручку, принес извинения за неудобства, несколько раз спросил, не зябко ли «прекрасной африканке» и не желает ли она горячего кофе. Все это проделывалось под многозначительные взгляды в сторону Питера, чьи манеры не шли с его ни в какое сравнение.

Снизу вернулся первый помощник все с той же коробкой полиэтилена, а за ним второй – со строительным степлером. Они встали в лестничном проеме, посмотрели на Иванова – тот мотнул головой в сторону пустого зала – и отправились куда велено, закрыв за собой дверь. Соколов с интересом наблюдал.

Наконец все устроились: Уоллес, Питер и Зула – на диване, напротив них в самом большом кресле – Иванов, за ним, сложив руки за спину, то стоял, то бесшумно расхаживал и поглядывал в окна Соколов.

– Я не понимаю, – начал Иванов. – Вы пишете, у вас посреди Британской Колумбии сломалась машина. При этом с ней все в порядке, а вы, оказывается, в Сиэтле у Питера – у человека, с которым я, к сожалению, не знаком.

Уоллес раскрыл рот, откашлялся и только со второй попытки сумел произнести:

– Сэр, я солгал, так как знал, что не смогу предоставить номера кредитных карт в обещанные сроки. Я предполагал задержку на пару часов и надеялся, что вы не станете возражать.

Иванов поддернул рукав, явив самые громадные часы из всех, какие когда-либо видела Зула.

– Пара – это сколько? Мой английский иногда меня подводит.

– Задержка вышла дольше, чем я ожидал.

– И какова ее причина? Может, нас развел Питер?

Питер вздрогнул. Иванов извинился перед Зулой.

Уже какое-то время из соседнего помещения доносились редкие невнятные звуки, но теперь все слышали «вжж» раскатываемого рулона, а затем отчетливое клацанье строительного степлера. Иванов заметил, что Питер и Зула отвлеклись, но понял их мысли неверно.

– Там делают литл дырочки. Совсем литл. Замазать их очень легко. Понадобится лишь...

– Тут он произнес слово по-русски, взглянул на Соколова, но тот пропустил вопрос, поскольку его тоже увлекли, а возможно, и удивили звуки из-за стены. Тогда Иванов посмотрел на картофелеголового великана возле оружейного сейфа. Дитина заизвинялся, так как ничем не мог помочь, крикнул что-то в лестничный проем курильщику, стоявшему на посту в гараже. Снизу донеслось:

– Шпаклевка!

– Шпаклевка, – закончил Иванов и развел руками, будто просил прощения.

– Питер здесь ни при чем. Наоборот, он очень старался мне помочь, – сказал Уоллес.

– То есть развел нас не Питер.

– Точно так, сэр.

– Тогда кто? Может, вы, Уоллес?

– Нет. Тут проблема иного рода.

– Правда? Это какого же?

– Технического.

– А! Значит, вы поехали сюда, в этот склад, к мистеру Гению за техподдержкой?

– Да.

– Ну и как – он помог?

– Да. И Зула тоже.

– Ах простите меня, я несправедлив, – покраснел Иванов.

Тишина. Только клацанье степлера за стеной.

– Итак, – поднял бровь Иванов. – Проблема решена?

– Боюсь, нет.

– Что-то не так с файлом? – Тяжелый взгляд на Питера.

– С файлом все было в порядке.

– Было?

– Теперь он недоступен.

– Вы не сделали копию?

– Разумеется, сделал, сэр, только она тоже недоступна.

– Что значит «недоступна»? Вы потеряли компьютер?

– Нет. И компьютер, и резервный диск у меня, но данные зашифрованы.

– Вы забыли ключ?

– У меня его и не было.

Тут Иванов рассмеялся.

– Я, конечно, не спец по компьютерам... но как так – у вас нет ключа от файла, который вы зашифровали?

– Я его не зашифровал.

– А кто? Питер?

– Нет! – воскликнул тот.

– Зула?

– Нет, – хором ответили Питер и Уоллес.

– Разве она не может сказать за себя?

– Мистер Иванов, я его не зашифровывала, – сказала Зула, чем заслужила одобрительный кивок, как гимнаст, ловко приземлившийся на ноги.

– Тогда ху? Кто-то, кого здесь нет?

– В некотором смысле.

Лицо Иванова расплылось в улыбке.

– Вот это уже разговор! Выяснили, откуда ноги растут. Теперь я чувствую себя нужным.

Открылась дверь соседнего помещения. Оттуда вышли двое с заметно похудевшим рулоном и молча спустились вниз. Зула увидела, что вся комната закатана в полиэтилен: один кусок укрывал пол, краями взбираясь на стены, остальные висели по всему периметру и даже на потолке.

– В некотором смысле! – Иванов хлопнул себя по коленям. – Замечательное выражение. – Тут он перестал улыбаться и воззрился на Уоллеса. – Уоллес!

– Да, сэр?

– Сколько человек сегодня прикасались к вашему компьютеру?

– Только один, сэр. Я сам.

– А сколько к тому прекрасному дорогому сейфу?

– Один.

– Тогда ху *в некотором смысле* зашифровал файл?

– Мы не знаем. Но можем получить ключ. – Уоллес начал заговаривать Иванова: – Вот с их помощью мы добудем ключ...

Иванов обхватил голову руками и уставился перед собой в пол.

Один из помощников вернулся с беспроводной дрелью, паяльной лампой, промышленным скотчем и мотком толстой проволоки, зашел в пластиковую комнату и прикрыл за собой дверь.

– Во-первых, я хочу понять: нас что – поимели?

– Да, нас определенно поимели, сэр, – подтвердил Уоллес.

– Извинитесь перед Зулой за свои выражения!

– Прошу прощения.

– И крепко поимели?

– Крепко.

– На вашем ноутбуке и на запасном диске много важных документов.

– Да.

– Их состояние?

– То же.

– Все зашифрованы?

– Да, сэр.

– И оригиналы, и копии?

Напряжение стало таким, что Зула чувствовала: либо она сейчас потеряет сознание, либо ее стошнит.

Иванов рассмеялся.

– Теперь понято, как быть. Нас серьезно имеют. Знакомая ситуация – и мне, и Соколову. Питер!

– Да, мистер Иванов?

– Сталинградскую битву знаете?

– Нет, сэр.

– Одна из самых крупных битв в истории, – подсказала Зула.

Потерявший было дар речи Иванов просиял и торжественно указал на Зулу.

– Потрясающая, великая победа Родины-матери, правда?

– Я бы так не сказала.

– Это почему?! – задиристо спросил Иванов, явно втягивая Зулу в свою игру.

– Потому что немцы глубоко вторглись на территорию России и страна понесла чудовищные потери.

Это был верный ответ.

– Чудовищные! Тэррибл! – Иванов обернулся к Уоллесу – мол, смотри, какая умная. – Чудовищные! Слышите, что говорит Зула? Она понимает. Откуда вы родом? Уж наверное не из этой идиотской страны.

– Из Эритреи.

– Из Эритреи!

– Да.

Иванов снова показал на Зулу рукой.

– Чудовищные потери! Эта девушка понимает, что такое чудовищные потери. Где ваши родители?

– Умерли.

– Умерли! В самом деле чудовищная потеря. Но войну-то эритрейцы выиграли!

– Да.

– И сами вы теперь в этой славной стране. Тоже своего рода победа, верно?

– Да.

– После Сталинграда русские дошли до Берлина. Уоллес! Ясно, к чему я клоню?!

– Да, сэр.

– Вы сказали, что эти двое – Питер с Зулой – помогут решить техническую проблему и победить в нашей маленькой битве, несмотря на чудовищные потери. Так?

– Да, мы как раз занимались...

– Уоллес, сделайте одолжение, зайдите туда. – Иванов жестом прервал его и показал на закатанную в пластик комнату. Уоллес не шевельнулся. – Просто зайдите за дверь.

– А можно, чтобы все было быстро и просто?

– Нет, пока вы сидите тут на диване. А уж насколько выйдет быстро и просто, зависит от того, как быстро двигаетесь вы, и от того, что мне расскажут Питер и Зула. А теперь идите и ждите.

Уоллес встал и под удивленный взгляд Соколова побрел куда велено. Один из помощников, осторожно ступая по скользкому пластику, пропустил его и закрыл дверь. Раздался треск липкой ленты, отдираемой от рулона.

– Мистер Иванов, Уоллес не виноват, – сказала Зула.

– Вы прекрасная девушка. Умная, понимаете в компьютерах. Так убедите меня. Чтобы я поверил.

* * *

Зула говорила целый час.

Она рассказывала о сути и происхождении компьютерных вирусов, о той их разновидности, которая зашифровывает файлы ради выкупа, о том, как непросто заработать этим способом, об оригинальной идее безымянных создателей «REAMDE». Иванов никогда не слышал о многопользовательских ролевых онлайн-играх – пришлось объяснять их технологию, социологию, историю и то, как они стали серьезной частью индустрии развлечений.

Иванов слушал внимательно, но иногда прерывал – в половине случаев делал Зуле комплименты, поскольку не сомневался, что любая женщина, которая не услышит от него лестное слово минимум раз в пять минут, непременно убьет его во сне ножом для колки льда. Еще он задавал вопросы: одни были на удивление толковыми, другие показывали, что Иванов пугающе плохо понимает технические тонкости.

Когда разобрались с вводной частью, стали выяснять, насколько виноват Уоллес: по его ли недосмотру произошло заражение – другими словами, откуда взялся вирус.

Зула рассказала все, что выяснила сама. «REAMDE» попадал в компьютеры через «дыру» в почтовой программе – в той, которая, помимо прочего, ведала адресной книгой и календарем. В «Г'Эрре», если вам хочется свершений, следует владеть большим числом вассалов. Координация действий стала ключевым моментом игры; для заключения сделок, организации набега на врага, похода в подземелье и тому подобного требовалось, чтобы несколько игроков из вашей феодальной иерархии одновременно были в онлайн. Эти планы попадали в расписание наряду с тренировками, походами к стоматологу, экзаменационной зубрежкой и прочим. То есть отдельные приложения почти негодились, поэтому возникла сторонняя программа, прорывшая туннель между «Г'Эррой» и почтой. На нее перешли большинство подписчиков. С помощью программы рассылались, например, приглашения участвовать в рейде. В основном это были простые текстовые сообщения, но с возможностью прикрепить картинку или какой-нибудь другой файл. Тут-то и обнаружилась «дыра». «REAMDE» пользовался переполнением буфера почты, прописывал вредоносный код в систему, получал администраторские права и мог делать с компьютером все, что угодно, включая шифрование данных на любом доступном носителе. Впрочем, первым делом он рассылал себя по всему списку из адресной книги жертвы.

Кое о чем Зула умолчала. Во-первых, на корпоративном вики-сайте говорилось, что о «дыре» в почтовой программе уже некоторое время было известно и большинство антивирусников успешно ее прикрывали. Однако самые заядлые геймеры – те, кто играл в полноэкранном режиме, – подвергались опасности, поскольку не замечали все более истеричных предупреждений, которыми сыпали защитные программы.

И еще: вероятнее всего, Уоллес подцепил вирус с компьютера Ричарда – через флешку.

– Значит, Уоллес использовал то самое приложение и заразился, – уточнил Иванов.

– Да. Безо всякого дурного умысла, – подтвердила Зула. Первую половину лекции она провела на всплеске энергии, но в последние десять минут навалилась усталость, и Зула начала говорить медленнее, жевать слова, обрывать фразы на середине. Хуже того, она стала понимать, что вывод, к которому придет Иванов, такой: Уоллес напортачил и его надо наказать. Эта мысль окончательно лишила ее сил.

И тут, к собственному удивлению, а затем и стыду, она склонилась вперед, спрятала лицо в ладони и заплакала.

– Я идиот! Самый глупый человек на свете! – воскликнул Иванов и встал. Опасаясь, что он вздумает ее успокаивать, Зула взяла себя в руки, но головы не подняла, наблюдая сквозь слезы, как лакированные туфли русского, немного покружив на месте, удалились в сторону выхода. Она несколько раз всхлинула, злясь теперь еще и на собственную дурость. По-настоящему она не плакала с похорон матери.

Не прошло и пятнадцати секунд, как Иванов вернулся. Его шаги раздались за спиной, и Зула вздрогнула – что-то мягкое и тяжелое легло ей на плечи.

– Эх вы. – Иванов обращался к Питеру. Он взял его руку, приобнял ей Зулу да еще прихлопнул сверху, будто укладывал сырой раствор. Зула пришла в себя – не из-за объятий, а из-за иронии, пусть и мрачной: какой-то там Иванов (уж не важно, кто он и что он) прилетел на частном самолете из Торонто и учит Питера, как надо обходиться с девушкой, а перепуганный Питер не в состоянии объяснить, что они с Зулой больше не пара.

Иванов взялся распоряжаться. Его люди зашевелились, достали телефоны. Зула села прямо, противясь руке Питера, а тот, боясь перечить Иванову, руку не убирал – она так и лежала мертвым зверьком.

– Уверен я только в одном: меня поимели, – объявил Иванов и уже привычно извинился перед Зулой. – Вы понимаете по-русски? *Кто кого*, как говорил Ленин. То есть «кто кого». В этот раз «кого» – это я. Поимели *меня*. Я труп. Такой же, как он. – Иванов кивнул в сторону соседней комнаты. У Зулы перехватило дыхание. – Это даже не вопрос. Вопрос в том, *как* я стану трупом. У меня еще есть тайм. Недели две. И я хочу провести их хорошо. Погибать с честью уже поздно, однако есть шанс сдохнуть лучше, чем он. – Еще один кивок. – Я умру как «кто», а не как тот, «кого». Мои братья увидят, что я боролся до конца, несмотря на чудовищные потери. Они поймут. Меня простят – пусть мертвого, но человека, а не раздавленного клопа. Теперь надо выяснить, кто этот «кто».

Питер наконец убрал руку, Зула выпрямилась и открыто посмотрела на Иванова. Тот с интересом оглядел парочку и, обращаясь в основном к Зуле, совершенно светским тоном спросил:

– Вопрос понятен?

– Вы хотите знать, кто вас обманул?

– Я бы употребил иное слово, но да, хочу.

Некоторое время они молчали. Внизу заводилась машина. Несколько человек одновременно разговаривали по телефону.

– Вы хотите установить личность Тролля – человека, который создал вирус, – уточнил Питер.

– Да! – Иванов начинал нервничать.

– А если мы выясним, то у нас с вами все ОК?

– ОК? – Иванов явно не желал торговаться, если эту беседу вообще можно было назвать торгом.

– Ну то есть расстанемся по-хорошему?

Хотя вся ситуация явно грозила разрешиться очень плохо, Иванов до сих пор ни жестом, ни намеком не угрожал ни Питеру, ни Зуле. Он поднял бровь и посмотрел на Питера совершенно по-новому – как на человека, который в некотором смысле сам себя ставит под удар; который сам признает, что чем-то обязан Иванову и станет держать ответ, если не сдержит слова.

Иванов пожал плечами, будто говоря: «Такая мысль мне на ум не приходила, но раз вы упомянули...»

– Вы необычайно великодушны.

Во время этой интерлюдии Питер понял свою ошибку, и теперь пытался выкарабкаться из ловушки.

– Вы же понимаете, что автор вируса может быть где угодно. Он наверняка очень хорошо скрыл свои следы...

– Совсем меня запутали. Вы можете найти Тролля или нет?

Питер взглянул на Зулу.

– Вы на нее не смотрите. Ведь это вы у нас компьютерный гений?

Питер не смог выдать ни слова.

* * *

Зула очень устала, мысли разбредались. Слово «воспоминание» не вполне верно описывало творившееся в ее голове, однако память подкидывала образы, которые соответствовали сигналам, захлестывавшим сенсорные органы. Происходившее куда больше напоминало ее ранние годы, чем провинциальную айовскую жизнь. Чтобы охватить ситуацию целиком, Зуле не хватало сил, ясности ума или, как говорят нерды, ширины канала. Главным было ощущение опасности. Осознавала она и практическую задачу, но ни то ни другое не объясняло накатывавшей волнами дурноты. Была еще моральная проблема, которую Зула не замечала, пока Уоллеса не отправили в соседнее помещение. Тип вроде Иванова вполне мог счесть ее смехотворно наивной. Один раз простить себя за наивность она могла. Но теперь ее просили сдать человека – совершенно чужого, далекого, – создателя «REAMDE». Зула на такое не подписывалась. А Питер предал ее не моргнув глазом.

– Мисс Зула! Прошу прощения. Вы, я вижу, очень устали, – сказал Иванов. – Но скажите, вы работаете как раз на эту компанию?

Айовские девушки, само собой, всегда отвечают «да». Особенно если спрашивает вежливый, взрослый, хорошо одетый мужчина, тем более проделавший такой долгий путь.

Зуле отчего-то вспомнился один эпизод. Ей было лет четырнадцать, Айову тогда охватила метамфетаминовая зараза. Однажды, сидя дома одна, Зула увидела на дороге странный фургончик: тот двигался очень медленно, пару раз проехал мимо, а потом свернул к мастерской. Из машины, нервно оглядываясь, вылезли двое. Чужая неладное, Зула позвонила дяде Джону (так она называла своего второго приемного отца), и тот с невероятным спокойствием начал давать указания: закрыть все двери, взять дробовик и коробку патронов, спрятаться на чердаке. Фоном его деловитым инструкциям служили (а иногда и перекрывали их) приглушенный рокот, скрежет и стук, производимые, как она поняла чуть позже, его автомобилем на скорости сто миль в час. Не успела Зула убраться за собой чердачную лестницу, как снаружи донесся рев двигателя. Она выглянула в слуховое окошко. Прямо посреди двора стояла машина, за которой вокруг всего дома тянулся длинный след, – дядя проверил, не взломаны ли двери. Сам Джон, ковыляя на протезах, спешил укрыться за автомобилем, а на дорогу в этот самый момент вылетал фургон с открытой дверью. От мастерской, из того места, где хранился баллон с жидким аммиаком, шел вроде бы дым. Через несколько минут приехала полиция, и Зула решила выйти. Джон накричал на нее, поскольку не разрешал спускаться, потом обнял, сказал, какая она молодец, спросил, где дробовик, повторил, какая у него Зула умница, велел лезть обратно на чердак и ждать. Из окошка она разглядела то, чего не должна была видеть: медики в защитных костюмах складывали в черный мешок нечто большое, бурое и сморщенное. Один из воров, которого, вероятно, спугнуло внезапное появление дяди Джона, что-то напутал и угодил под аммиачный душ, высосавший из его тела всю воду.

Именно тогда (хотя такого не случалось прежде и редко – потом) Зула ощутила присутствие некоего тайного канала вроде силовых линий в «Т’Эрре», связывавшего ее эритрейский народ с ее айовской семьей.

* * *

– Один звонок – и я смогу кое-что разузнать о Тролле, – сказала Зула.

Иванов выжидающе помолчал, потом поднял бровь.

– Ну а дальше – приступайте, – прибавила Зула.

Лицо Иванова окаменело, словно его обдало аммиаком.

– Решайте свою проблему, – сформулировала она, – или делайте что сочтете нужным.

- Звонок кому?
- В компании соблюдают конфиденциальность.
- Иванов поморщился.
- Не вешайте мне лапшу на уши.
- Такие уж правила.

В первый же ее день в Корпорации-9592 дядя Ричард объяснил: большинство сотрудников отягощены Y-хромосомой, и принципы бойскаутского лагеря тут вполне применимы. «Мальчишкам важно знать две вещи, – сказал он тогда. – Кто главный и какие правила».

И это правило волшебным образом сработало – Иванов кивнул.

– Фамилии, адреса, общие сведения о подписчиках в компании есть, – продолжила Зула, – но их не раскрывают. А настоящими именами в игре не пользуются. Я как игрок не могу вычислить ни владельца Тролля, ни любого другого персонажа.

- Но ведь кто-то в компании может. Кто-то знает.
- Да, кто-то обязательно знает.
- И, наверное, порой нарушает правила...
- Вообще-то нет... – Зула не договорила – Иванов снова изобразил «не вешайте лапшу».

* * *

Судя по всему, кого-то отправили за провизией – в русской речи вдруг стали проскальзывать слова вроде «дабл эспрессо».

– Питер. – Соколов, который до этого времени не издал почти ни звука, кивнул на веб-камеру, нацеленную вниз, на лестницу. – У тебя две камеры.

Питер не ответил.

– Или больше?

Питер подумал и решил признаться:

- Вообще-то три.
- Угу, – сказал Соколов.

Зула сначала удивилась, как он мог не заметить третью – все находились на виду (первая снимала прихожую и вход с улицы, вторая – мастерскую, третья висела над лестницей), – но быстро сообразила: Соколов проверял Питера. Он обошел весь дом, все рассмотрел и прекрасно знал, где стоят камеры.

– С датчиком движения?

– Да.

– Куда пишут?

– Вот сюда, на сервер.

Соколов, будто не расслышав, продолжал испытующе смотреть на Питера.

– Ну и... на резервный диск, – признался тот. – Под лестницей.

Соколов наконец отвел от него взгляд и кивнул.

– Файлы надо стереть.

– Хорошо, – с огромным облегчением сказал Питер, хлопнул себя по коленям, встал. – Стереть так стереть. – И под пристальным взглядом Соколова начал возиться с компьютером.

Тем временем с машинами устроили чехарду: «кайен» Питера вывели на улицу, «приус» Зулы задвинули поглубже, а рядом поставили спортивный кабриолет Уоллеса, чтобы освободить подъезд. Пока происходили эти манипуляции, Иванов достал и преподнес Зуле как драгоценность ее телефон.

* * *

- Зула.
- Привет, Си-плюс.
- Редкое удовольствие беседовать с отделом магмы.
- Я по другому делу. Работаю тут над одним проектом... в общем, Ричард поручил.
- Указом свыше, – насмешливо сказал Корваллис. Это выражение, которое Ричард пустил в оборот, мотивируя свои сумасбродства, вышло из употребления несколько лет назад, когда руководить отделами поставили профессиональных менеджеров.
- Ну да. Неофициальный проект. Исследование, как бы сказать, нетипичных денежных потоков в связи с вирусом «REAMDE».
- Любопытно. До сегодняшнего утра я ничего о нем не слышал, а теперь все только о нем и говорят.
- Эпидемия началась в выходные. Мне нужна кое-какая информация.
- Где поискать?
- В моем логе. Несколько часов назад.
- Стук по клавишам.
- Ого. Неплохо ты поумирала прошлой ночью.
- Да уж.
- Стук по клавишам.
- ...и довольно бесцеремонно вышла.
- Инет упал – в Джорджтауне отрубили электричество.
- Понятно. А ты неслабо развлеклась в Торгах.
- Да, экспедиция вышла неудачная.
- Пожалуй. Итак, что ищем?
- Там ближе к началу кто-то наложил на меня лечебное заклинание – какой-то чужак. Это было часа в три утра по местному времени, когда мой персонаж находился возле пересечения силовых...
- Тебя лечили только один раз, так что все просто.
- Нашел запись?
- В «Т'Эрре» птенец малый не выпадал из гнезда без отметки в логе.
- Угу.
- Хорошо. – Зула увидела, какой эффект произвели последние реплики на Иванова: тот позвал Соколова, который встал поближе, будто ждал, что из телефона вот-вот выскочит сам Троль и бросится наутек.
- Си-плюс, кто наложил заклинание?
- Трудно сказать.
- Что значит «трудно»? – занервничала Зула.
- В прямом. В китайском я не силен.
- Имя персонажа – на китайском?
- Иванов и Соколов посмотрели друг на друга с тем самым выражением, какое бывает только у русских, когда речь заходит о китайцах.
- Да. Он – или она – даже не соизволил придумать понятный ник.
- Это все желание Ричарда с Ноланом сделать «Т'Эрру» максимально удобной китайцам.
- В отличие от других игр писать имя латиницей здесь было не обязательно.
- Он или она? То есть о подписчике нет никаких сведений?
- Сплошная белиберда, сгенерированная ботом, – ответил Корваллис.
- Номер кредитки?..

– Это самокуп.

Еще одно новшество. В большинстве онлайн-игр к аккаунту привязывается номер кредитной карты, с которой ежемесячно снимают абонентскую плату. Китайцам это не очень удобно. А поскольку система финансовых «труб» была встроена в игру изначально, кредитки тоже стали необязательными. Если ваш персонаж приносит прибыль, например продавая золото, деньги раз в месяц автоматически берут из его сундука с сокровищами. Это и есть самокупаемый аккаунт.

– Можно узнать о хозяине персонажа хоть что-нибудь?

Зуле не понравилось выражение лица Иванова.

– Могу дать IP-адрес.

– Великолепно! – Зула рассчитывала убедить Иванова, что все именно великолепно. Она жестом попросила бумагу и ручку. Соколов тут же выхватил маркер из кружки на журнальном столике. Удивительно, но он лучше Питера знал, где что находится. Вероятно, это его работа – помнить о каждом предмете, который может сойти за оружие. Соколов снял колпачок зубами, а вместо бумаги протянул раскрытую ладонь. Зуле сделалось очень не по себе – на одном его пальце не хватало фаланги. Впрочем, ладонь была теплой, вполне человеческой.

– Готова? – спросил Корваллис.

– Жги, – ответила Зула и поморщилась – что еще за «жги»?

Тщательно артикулируя, Корваллис назвал четыре отделенных точками числа от 0 до 255 – адрес по интернет-протоколу. Зула записывала их на ладони Соколова. Иванов, который смотрел не отрываясь, удивленно поднял глаза. Он знал, *что* это. С помощью такого же фокуса Чонгор вычислил вранье Уоллеса и нашел дом Питера. Сработало один раз – сработает и в другой.

– Спасибо, – сказала Зула. – И еще вопрос...

Стук по клавишам.

– Это большой кластер адресов одного провайдера из Сямыня.

– Откуда?

Корваллис прочел по буквам, а Зула записала на ладони Соколова: «СЯМЫНЬ».

Последовала бурная, но бессловесная и оттого комичная реакция Иванова и его свиты.

– Погугли сама, – предложил Корваллис.

Зула, с которой Соколов, несмотря на суету, не сводил глаз, чуть не сказала «я не могу».

– Прежнее название – Амой, – нараспев продолжил Корваллис, давая понять, что уже погуглил сам. – Портовый город на юго-востоке Китая в устье Цзюлун, Реки Девяти Драконов, напротив Тайваня. Два с половиной миллиона жителей. Двадцать пятое место среди самых больших портов мира (раньше тридцатое)... бла, бла, бла. В общем, типичный китайский город.

– Спасибо!

– Извини, полезной информации я нашел не много.

– Уже что-то.

– Еще чем-то помочь?

«Да».

– Нет.

– Тогда бывай! – Си-плюс дал отбой.

Зула даже не успела попрощаться. Соколов забрал у нее телефон, тут же запустил браузер и вбил в поисковик «Сямынь».

Она вдруг поняла, что в доме уже какое-то время чудесно пахнет кофе и цветами.

Подошел Иванов и с улыбкой преподнес ей охапку тигровых лилий, все еще завернутых в упаковку из соседнего магазина.

– Это вам. Я заставил вас плакать – вот мое скромное извинение.

– Как мило! – Несмотря на усталость, Зула старательно изобразила восхищение.

– Латте? – предложил Иванов. Рядом с ним стоял помощник в футболке. Он принес несколько стаканчиков из штаб-квартиры «Старбакса», чья гигантская зеленая русалка нависала над Джорджтауном.

– Обожаю латте, – ответила Зула, на этот раз не соврав.

Поскольку все кругом были заняты, она сама отнесла цветы к мойке, положила на разделочную доску, собираясь обрезать стебли и поставить в воду. Дурдом. Впрочем, как и положено милой айовской девушке, подобные действия она совершала рефлекторно. Лилии не виноваты, что их купили бандиты. Да и кофе божественно хорош. Зула сняла со стаканчика крышку, чтобы отпить теплой пены. Цветочных ваз Питер не держал. Она налила воды в глиняный кувшин и принялась сдирать с цветов упаковку и резинки, державшие стебли.

Кругом засуетились. Зула подняла глаза от лилий и увидела, как из соседнего помещения выносят длинный тяжелый полиэтиленовый куль.

Она рухнула на пол, не успев понять, что у нее вдруг потемнело в глазах.

* * *

«Мир Варкрафта» – самый могущественный конкурент в той области, куда вторглась Корпорация-9592. Он был всегда. Так считали те, кто не знал, что ему от роду какая-то паратройка лет. В своем отношении к «Варкрафту» Ричард и Нолан пережили несколько фаз:

1. Смущенное признание: «О том, чтобы приблизиться к такому тяжеловесу, нечего и мечтать»;
 2. Уверенность, перерастающая в нахальство: «Да мы его одной левой»;
 3. Предельная ясность: «Это невозможно в принципе, нас ждет крах»;
 4. Осторожный оптимизм: «Возможно, мы не вечно будем плестись в хвосте»;
- и, наконец,
5. «Хватит страдать ерундой, пора действовать».

Примерно между фазами 4 и 5 Ричард забурился в шлосс и за Грязный месяц (так назывались несколько недель после лыжного сезона) оформил мысли, зревшие в нем с самых беспроблемных дней фазы 3. Корваллис определил его идеи как «точку перегиба». Для Ричарда это был очередной бессмысленный термин, но, судя по тому, как резко изменилось поведение остальной команды на собраниях, для гиков-математиков термин был очень даже осмысленным. Насколько он понял, «точкой перегиба» называли тот неявный момент, который на самом деле менял все, хотя обнаруживалось это гораздо позже.

Какое-то время заметки с идеями Ричарда проваливались в офисе, а затем не без помощи языковых изысков Корваллиса он дал им зубодробительное название: Медиевальное сражение как универсальная метафора, абсолютно применимый протокол и интерфейсная схема (МЕСУМАППИС).

Однако все и без того бредили медиевальными битвами – даже их упоминание казалось излишним – и название сократили до МАППИС, а поскольку слово «метафора» вызывало у отдела коммерции нервные тики – до АППИС, вполне симпатичного, чтобы зарегистрировать его как торговую марку. При этом без одного «п» выходило латинское «апис», «пчела», и в логотипе обыграли тему пчел и ульев. Помимо того, как терпеливо объяснял Ричарду Корваллис, вышел понятный одним компьютерщикам каламбур: АПИ – API, интерфейс создания приложений, то есть программные среды, которые одни гики прикручивали к своим разработкам, чтобы другие гики могли писать под них полезные для себя программы. В эту заумь

Ричард уже не врубался. Он говорил Корваллису: «Моя идея вот в чем: пускай все, кому хочется, впрягают нашу игру в свою повозку и заставляют решать их задачи».

Корваллис заверял, что именно для того и существует АПИ, а все остальное – маркетинг.

Ричард имел в виду задачи не игровые и даже не развлекательные. На этот счет Корпорация-9592 рассмотрела все возможности, до которых могли додуматься ее самые одаренные выдумщики, заплатила юристам, чтобы те досконально изучили эти идеи и то, во что идеи теоретически могли бы когда-нибудь вылиться. Куда бы юристы ни тыкались, они обнаруживали, что конкуренты еще пять лет назад подмяли все под себя, запатентовали патентуемое, а непатентуемое поместили в прямом и переносном смысле. Что во многом объясняло фазу 3.

Озарение, если так можно назвать бред, генерируемый Ричардом, снизошло на него в пивной аэропорта Сиэтл-Такома, где он однажды просидел битых два часа. Его рейс в Спокан отложили, после того как самолет столкнулся с багажными тележками, – на удивление распространенное происшествие, один из тех штрихов, что придают городку провинциальный шарм. Ричард поглощал пиво большими глотками и разглядывал разутых и распоясанных пассажиров, гуськом ковылявших через металлоискатели. Его изумило, как невыносимо скучно операторам досмотра: они наблюдают за просвечиваемым багажом, стараясь не терять бдительности на тот единственный в десятилетие случай, когда кто-то в самом деле решает провезти оружие.

Вроде бы ничего особенного. Позже Ричард выяснил, что продвинутые аэропорты нанимают специально обученных психологов и идут на хитрости: например, в картинку с рентгеновского аппарата искусственно вставляют силуэты оружия – то есть револьверы, самозарядные пистолеты и бомбы проходят через поле зрения досмотрщиков ежедневно, а не раз в десять лет. Согласно исследованиям, этого хватает, чтобы не дать мозгу переключить нейроны, отвечающие за распознавание образов, на дела более полезные или хотя бы менее скучные.

Насколько Ричард понял, нахватавшись по ссылкам из Гугла, мозг напоминает электрическую систему Могацишо: энергию и информацию там передают по медным проводам, однако меди не хватает, и если где-то проводами пользуются не очень активно, их снимают ополченцы и увозят в другой конец города укреплять частную электросеть какого-нибудь князька. Нейроны – та же медь в Могацишо. У тех, кто занимается фантастически скучной ерундой, в ответственных за работу зонах мозга есть темные пятна – все эти почти никогда не возбуждаемые нейроны «увожатся» в другое место и включаются в цепи, которые следят за новостями спорта и жизнью звезд.

Откровение от аэропортовой системы досмотра Ричарда и расстроило, и приободрило. С одной стороны, психологи его обскакали – они уже придумали решение. С другой – за качество этого решения ручались люди с научными степенями.

Чтобы использовать эту идею в МЕСУМАППИС, следовало: а) найти другое дико скучное занятие и поставить на нем решающий опыт; б) придумать, как применить к такому занятию принцип средневекового сражения. За годы между фанатичной увлеченностью «Варкрафтом» и созданием «Т’Эрры» Ричард освободил, наверное, половину своих нейронов и соединил их в цепи, отвечавшие за владение двуручным топором, удары щитом, стрельбу из лука и насыщение заклинаний. За одну прогулку по миру, вымышленному Дэ-Квадратом и Скелетором, Ричард задействовал больше нейронов, чем Эйнштейн, придумывая теорию относительности. И уж точно больше, чем какой-нибудь продавец или охранник за восьмичасовую смену. Интернет должен был перенаправить всю эту нейронную активность. Ее следовало объединить и пустить в дело.

В ту пору грозой аэропортов стали придурки, которые входили через двери, предназначенные для выхода, то есть минуя пропускной пункт. В таких случаях весь порт прекращал работу, самолеты, ждущие очереди на взлет, отводились обратно к гейтам, багаж выгружали, а пассажиров высаживали, причем снаружи, и им приходилось снова волочиться через досмотр. Рейсы откладывались, задержки аукались всей авиатранспортной системе и в итоге приводили

к убыткам на десятки миллионов долларов. А этого не происходило бы, если бы один-единственный охранник-дуболом, задача которого – всего лишь держать глаза открытыми и не пускать людей не в ту дверь, справлялся со своей работой.

Ричард был потрясен. Неужели один человек – пусть самый ленивый и небрежный – в состоянии так напортачить? Очевидно, дело не в лени или небрежении. Тут все как в Могадишо с медными проводами. Нейронная цепь охранника, отвечающая за вроде бы элементарную задачу (заметить пассажира, который входит не в ту дверь), давно выкорчевана и подключена к другой цепи, которая занята процессом если не более важным, то по крайней мере более регулярным.

Вот так Корпорация-9592 запустила пилотный проект АППИС. Для начала подручными средствами сняли видео, где люди просто шли по коридору. Из записи сделали демо-ролик и стали показывать его руководству мелких аэропортов – тех, что не могли позволить себе дорогие, оборудованные сигнализацией односторонние двери, а потому пользовались старым методом «охранник, зевающий на табуреточке». В паре случаев Ричард умудрился получить доступ к круглосуточному потоку с камер видеонаблюдения, которые показывали, разумеется, только выходящих людей.

Материал пропускали через распознающий софт, тот выделял отдельные фигуры, переводил их в трехмерный векторный вид, в котором они экспортировались в движок «Т’Эрры». Позы и движения реальных людей придавались игровым аватарам. Поток пассажиров и пассажировок, шагающих по коридору в пиджаках, спортивных штанах или на каблуках, превращался в поток к’Шетриев, гнурров, троллей и прочих волшебных персонажей в кольчугах, латах и мантиях, а сами персонажи двигались по каменным переходам к выходу из могущественной крепости Гарзантум.

Вскоре главнокомандующий Гарзантумской империи постановил: всякий, кто схватит гоблина, украдкой входящего в оные врата, снищет себе славу, богатство и будет экипирован дорогим оружием и доспехом. Бравшимся за эту работу вручали Рог Стража и наказывали трубить, едва они заметят нарушителя. Страж, вступивший с гоблином в бой (в то самое медиевальное сражение), зарабатывал дополнительные очки.

За год по всему миру (реальному миру) лишь один-два человека входили в аэропорты через запретную дверь – недостаточно, чтобы поддерживать внимание и бдительность даже самых заядлых геймеров. Стало куда увлекательнее, когда система АППИС начала автоматически генерировать виртуальных гоблинов и отправлять их по тоннелю против потока раз в пару минут круглосуточно и без выходных. Пришлось кое-что подкрутить, изменить размер вознаграждения с учетом частоты появления гоблинов; впрочем, пара небольших поправок, и в руки стражи стали попадать все до одного незваные гости. Таких за год набиралось до двухсот тысяч – полная ерунда, поскольку их создание ничего не стоило. Тонкость, правда, состояла в том, что некоторые из этих гоблинов все-таки были не цифровой фикцией, а отображением реальных людей, снятых в аэропорту в момент нарушения. В действительности это случалось так редко, что проверить систему в действии почти не представлялось возможным. Поэтому устраивали учебные тревоги: несколько раз в день сотрудник Управления транспортной безопасности в форме и при нашивках возникал у выхода из аэропорта перед скучающим охранником, сверкал корочками и шагал внутрь. В ста процентах случаев кто-то из подписчиков «Т’Эрры» (как правило, китайский голдфармер) подносил к виртуальным губам Рог Стража, издавал могучий звук и бросался в бой с гоблином. В результате благодаря изящному решению, связавшему серверы Корпорации-9592 с транспортной системой безопасности, в нужном аэропорту вспыхивали красные лампы, включались сирены и автоматически запирались двери.

Корваллис и остальные компьютерщики плевались от нерациональности, которая так и кричала о себе, стоило хотя бы немного вдуматься в суть процесса. Если распознающий образы софт может выделить человека из потока, перевести его движения в вектор и экспортировать в

«Т'Эрру», то он в состоянии сам, без участия человека, заметить нарушителя и включить тревогу. И не нужны тут никакие игроки. А на системе распознавания следует построить отдельный бизнес.

Ричард все это сознавал... и не придавал никакого значения.

– «Остальное – маркетинг» – твои слова? И что тебе в них непонятно?

Целью опыта было не создание продуманной и надежной системы безопасности для аэропортов, а скорее «доказательство существования» – очередной трескучий оборот из лексикона математиков. Когда метод заработал, да еще со стопроцентной эффективностью, на него стали указывать как на аргумент в пользу АППИС, то есть в пользу того, что проблемы реального мира (особенно те, с которыми трудно справиться в силу физического несовершенства нервной системы, например из-за склонности человека скучать при выполнении невыносимо монотонной работы) можно решать, если переводить их на язык средневекового сражения, а затем – тут добивали еще парочкой модных терминов – выкладывать в облако на краудсорсинг.

Система, несмотря на свою очевиднейшую нерациональность, за которую ее постоянно попрекали надменные блогеры-нерды, мгновенно стала излюбленной темой хайтековых конференций. АППИС сделали самостоятельным подразделением, разместили в офисном здании на отдельном этаже, весьма кстати освободившемся после краха очередного банка. Новые проекты и идеи создать совместное предприятие хлынули наподобие гоблинов таким потоком, что сотрудники АППИС едва успевали дуть в Рог Стража. Нерды-фрилансеры со всего света, недовольные тем, как неторопливо штатные программисты Корпорации-9592 реагируют на их потребности, стали сами писать АППИС-приложения. Наиболее популярной была программа, которая получала на входе простейшее, снятое на телефон видео с производственного заседания и преобразовывала его в совет лохматых, закованных в доспехи военачальников, сидящих за дощатым столом в средневековой крепости. Если участник совещания подносил ко рту бутылочку витаминизированной воды или чашку кофе с обезжиренным молоком, его аватар делал хороший глоток эля из ведерной кружки и рыгал; если человек отщипывал кусочек диетического крекера, аватар смачно отрывал зубами кусок окорока. Вместо презентаций в «Пауэрпойнте» над котлами магов возникали призрачные образы. В первой версии программы персонажи в рогатых шлемах говорили то же, что их прототипы, отчего возникали забавные параллели. Впрочем, это быстро приелось. Затем пользователи стали писать аддоны. Например, если какой-нибудь вредный босс душил хорошую идею подчиненного, то сцена представлялась поединком, в финале которого голова несчастного оказывалась на копье. Целые области глобальной экономики получали свои аналогии в мире Т'Эрры, то есть переводились на язык средневекового сражения. Об успехах и росте производительности каждый день трубили на сайте Корпорации-9592 (делали это в прямом смысле: средневековый герольд дул в трубу).

Ричард не совсем шутил, когда предлагал перетянуть в Т'Эрру десять процентов мировой экономики. Или хотя бы десять процентов ИТ-экономики; поскольку информационные технологии пустили корни практически всюду, разница невелика. Заводские рабочие, высматривающие на конвейере бракованную деталь, должны были иметь возможность превращать этот процесс в нечто более увлекательное для своих нейронов. Например, они могли бы лететь на крылатом коне над речной долиной и искать на дне прозрачного потока камни с прожилками волшебной руды.

Си-плюс терпеливо втолковывал: и это тоже чушь – если распознающий алгоритм способен представить дефектную деталь в виде содержащего руду валуна на дне виртуальной реки, то уж наверняка сумеет убрать с конвейера брак без помощи человека или фэнтезийных заморочек. На что Ричард не менее терпеливо уведомлял: ему плевать с высокой колокольни, поскольку речь идет исключительно о маркетинге, а сам он никогда бы не додумался до тех сумасшедших программ, которые люди пишут и выкладывают в Интернет.

Пусть беспорядочно и медленно, но система заработала. Т'Эрра оказалась вплетена в ткань реальной жизни куда прочнее, чем на то имел право средневеково-фэнтезийный мир. Так возникла необходимость в программе, которая одновременно была бы ежедневником и адресной книгой, а кроме того, в разнообразных аддонах, какие на заре Т'Эрры не могли даже присниться.

Сам Ричард не пользовался программой-ежедневником, так как странствовал по виртуальному миру в одиночку либо в компании пары старинных приятелей. Его воротило от одной только мысли о составлении детального графика. Для этого был телефон, а устанавливать на него ежедневник – такая морока, что не стоит и возиться. К тому же в расписание влезла бы какая-нибудь новая ерунда и потеснила ничем не замутненные дни, которые устраивали ему легкий всплеск эндорфина, небесной благодатью нисходя на экран телефона. Поскольку ежедневника у Ричарда не было, то и подцепить «REAMDE» ему не грозило. Поэтому наутро после отъезда Зулы с Питером Ричард, проснувшись в круглом средневековом покое шлосса, проверив служебную почту и обнаружив, что за выходные пришло море сообщений с пометкой «угроза безопасности», отнесся к ним спокойно. Появился новый вирус под названием «REAMDE» (sic) – то ли случайное, то ли специальное искажение обычного «README». Несколько недель вирус вел себя тихо, но, как водится, за пару дней стал настоящей эпидемией. На самом деле это было естественным результатом АППИС и его, Ричарда, попыток сделать Т'Эрру не очередным мирком для геймеров, а прибыльным предприятием. С точки зрения маркетинга все шло идеально: у специализированных журналов возникал очередной повод написать о том, как из нишевого продукта для гиков Т'Эрра превратилась в приложение, не менее важное, чем «Эксель» и «Пауэрпойнт». Ричард уже предвкушал, как на ближайшем квартальном собрании заговорят о скачке продаж, точно совпавшем с валом бесплатных публикаций по поводу страшного вируса.

На сегодня его календарь был чист, на завтра пророчил поездку в Сиэтл, а оттуда ранним утром третьего дня по традиционно замысловатой траектории – в Нодауэй и на остров Мэн. Ричард подумал, не воспользоваться ли историей с «REAMDE» как предлогом прибыть в Сиэтл на день раньше. Он с удовольствием так и поступил бы, но Зула вот только уехала, а пугать бедную девочку своей назойливостью не хотелось – еще подумает, что он ее преследует. Пускай сама решит, соскучилась по дядюшке или нет. Ричард оставил расписание в покое – все равно весь день уйдет на письма от друзей и родственников, чьи файлы оказались в заложенных у какого-то загадочного интернет-тролля.

* * *

Это нельзя было назвать пробуждением: полноценные, но не связанные друг с другом фрагменты складывались в общую картину постепенно. Внизу плыли укрытые снегом горы; Зуле чудилось, что она видит их в заставке Т'Эрры и одновременно бредет по ним босиком. Именно босиком она со своими соплеменниками проделала большую часть пути из Эритреи в Судан, и это путешествие часто всплывало в ее снах. Видимо, у нервных окончаний в стопах очень крепкие связи с мозгом. Ей грезилось, что снег теплый. Эту странность объясняли колдовством, которое выдумал Девин Скрелин, основываясь на одном случайном упоминании у Дона Кэмерона. Ей и Плутону поручили создать такой снег, и вот теперь она вместе с караваном эритрейских беженцев исследовала, хорошо ли вышло.

Включившаяся наконец память сообщила, что Зула уже довольно долго лежит на боку и сквозь полуприкрытые веки смотрит в окно. Внизу плывут горы. Кругом стоит гул.

Это самолет. Спинка кресла, пахнущего дорогой кожей, откинута до упора. Зула укрыта одеялами – хорошими, не самолетными.

Ее не насиловали, не били. На руке повязка. Зула вспомнила лилии, нож...

И латте. Туда подмешали снотворное.

Она пошевелилась. Конечности слушались, хотя и затекли.

Зула повернула голову и увидела, что находится в маленьком самолете, а напротив лежит Питер и смотрит на нее. Она вздрогнула.

Их кресла находились ближе к хвостовой части салона. Со стороны кабины сидел Соколов и просматривал бумаги, спустив очки на кончик носа.

В переборке за креслом Зулы была дверь – наверное, во второй салон. Скорее всего Иванов там, поскольку больше его нигде не видно.

– Давно очнулась? – спросил Питер.

– Вот только. А ты?

– Где-то с полчаса. Слушай, Зула...

– Что?

– Как думаешь, куда мы летим?

Она сбросила с себя одеяла и, пошатываясь, проковыляла мимо Соколова по направлению к носу. Дверь в кабину была заперта, но рядом обнаружилась другая – в уборную.

Что-то прошуршало и плюхнулось на пол возле Зулы. Ее рюкзак.

Зула посмотрела Соколову прямо в глаза, сказала «спасибо». Тот несколько секунд молча глядел на нее, потом вернулся к бумагам.

Зула прикрыла за собой дверь, спустила штаны, села и спрятала лицо в ладонях.

«Думай».

Как Иванов умудрился вывезти их из страны?

Дядя Ричард иногда летал частными самолетами (на остров Мэн – наносил визиты вежливости дону Дональду) и не уставал рассказывать, до чего это просто и «как с куста»: ни регистрации, ни досмотра, ни ожидания – сел и полетел.

Зула не знала, как на нее подействовал препарат – полностью вырубил, затуманил сознание или превратил в послушного зомби. В любом случае русским удалось незаметно запихнуть их с Питером в машину и, если все в самом деле так просто, как рассказывал дядя Ричард, отвезти на аэродром прямо к самолету, а там без особого труда поднять на борт.

Действительно просто. Если бы их заметили, поймали – вот тогда стоило бы ждать больших неприятностей. Но русские, похоже, не из тех, кто переживает из-за таких мелочей, – в этом смысле Зула испытывала к ним нездоровую симпатию.

Она покопалась в рюкзаке. Паспорт пропал. Нож из кармана вынули. Ни ключей от машины (хотя зачем они теперь?), ни телефона. Осталась книга и всякие мелочи из дома Питера: косметика, тампоны, расческа, лосьон для рук. Флисовая жилетка. Ручки с карандашами исчезли – что, Зула могла использовать их как оружие? Или нацарапать записку с просьбой о помощи? Кто-то порылся в ее багаже – в большой сумке, с которой она ездила в шосс, – и, хвала Всевышнему, сунул в рюкзак нижнее белье, пару футболок и шорты.

Значит, летят они в теплые края.

«Думай».

Когда ее отсутствие заметят? На работе знали, что на выходные Зула едет кататься на лыжах. Сегодня она не появилась; решат – отсыпается. Затем – когда? Через пару дней? – забеспокоятся.

И что потом?

Поедут к Питеру, увидят ее машину (если, конечно, русские не скинули «приус» в соседнюю речку), но ничего подозрительного не найдут.

Зула исчезла с лица Земли.

Ее это очень расстроило, даже в глазах защипало, но она не заревела – наплакалась у Питера, когда все стало совсем плохо. Потом, правда, наивно поверила, что проблема решена.

Будто из такой передрыги можно легко выпутаться. Теперь Зула возвращалась к тому, с чего начинала, – к слезам и к мыслям о том, что делать.

Зула привела себя в порядок, слегка освежила тушь. Никто не должен заметить, что она тратила силы на макияж, но и терять облик ей не хотелось. Надо показать, что ни гордости, ни воли она не лишилась.

Зула причесалась, стянула волосы в хвост, надела самое чистое из найденного в рюкзаке, вернулась в салон, подняла спинку своего кресла, посмотрела на бесконечные горы и спросила Питера:

– Который час?

– Не знаю. Телефон забрали.

Она немного помолчала, потом объявила:

– Нас везут в Сямынь.

– Это ж на другом берегу океана! – сдавленно прошептал Питер.

– Ну и что?

– А то, что мы все время летим над горами.

– Воздушный путь из Сиэтла идет не над Тихим океаном, а по дуге большого круга через север: остров Ванкувер – юго-восточная Аляска – Алеутские острова – Камчатка. – Зула кивком показала в иллюминатор. – И везде вот такие горы – молодые, крутые. Зона субдукции.

Соколов, не отрываясь от бумаг, произнес единственное слово:

– Владивосток.

– Вот видишь?

– Это что?

– Город на восточном краю Сибири.

– Сибирь. С ума сойти.

– Но летим мы все равно в Сямынь. Других объяснений не нахожу.

– А вдруг они просто хотят привезти нас в Россию и...

– И что – убить? Это можно было сделать в Сиэтле.

– Ну, не знаю. Есть же такая штука, как белое рабство.

– Я не белая.

– Не важно.

– Ты сам видел Иванова. Ему интересно только одно – найти Тролля. И... – Она не решалась произнести это слово. Хотя чего тут мяться. – ...убить.

– Другого объяснения нет, – наконец согласился Питер. – Видимо, они хотят чем-то загрузиться во Владивостоке и дальше лететь в Сямынь.

Для Зулы разговор оборвался на слове «убить». Ее втянули в план убийства. В памяти стали всплывать события в доме Питера. Тогда она была уверена, что звонок Корваллису – единственное верное решение, но теперь, заново прокручивая все в голове, начинала сомневаться.

Из двери в кормовой переборке стремительно вышел Иванов в банном халате и, не обращая ни на кого внимания, прошагал в уборную.

Питер с ногами залез в кресло, сжался в комок, обхватил колени руками и опустил голову.

Сначала Зулу это рассердило. Однако Питер имел преимущество – он очнулся раньше, у него было больше времени все обдумать. Проходили минуты, новизна ощущений от путешествия частным самолетом таяла, и Зула начинала понимать то же, что успел понять Питер: живыми им не выбраться.

Из уборной, уже приведя себя в порядок, возник Иванов и прошагал обратно, бросив на Зулу безразличный взгляд. Вся его прежняя учтивость исчезла – она служила цели, которой больше не существовало.

Питер наблюдал, как Зула смотрит на Иванова, и, когда тот исчез за дверью, сказал:

- Прости.
- Кто же мог знать.
- Все равно прости.
- Нет. Эта история с «REAMDE» – полная случайность. Просто не повезло. – Она помолчала пару минут, потом прибавила: – Хотя на твой взгляд, все, возможно, обстоит иначе.
- А?
- Ты думаешь: вот добьются своего... – Зула чиркнула пальцем поперек горла.
- В общем, да. Так я и думаю.
- То есть ты полагаешь, что это вроде как... нормально. Обычное дело. А вот я так не считаю.

Питер предостерегающе показал глазами на Соколова.

Самолет пошел на снижение. За окнами по-прежнему сияли белые вершины.

* * *

Они приземлились на длинной добротной полосе, которую окружал лес; между деревьями местами лежал снег. Судя по всему, это был крупный аэропорт, принимающий и международные рейсы, и грузовые лайнеры. Здание терминала в отличие от многочисленных ангаров и прочих построек с полосы не просматривалось. Самолет вырулил на площадку с мелкими судами и встал от них как можно дальше. Соколов прошелся по салону, опуская шторы на иллюминаторах. Из кабины, переговариваясь друг с другом по-русски, возникли два пилота и открыли внешнюю дверь, впуская внутрь холодный воздух. Иванов и Соколов вышли наружу. Зула и Питер остались одни.

- Значит, те, другие, в Сиэтле... – начал Питер.
- Местные бандюки, – закончила за него Зула.
- Наемники.
- Угу.

К самолету подъехала машина, из нее вышли несколько человек, Соколов побеседовал с ними, и люди уехали. Иванова больше не было слышно. В салон вместе с сигаретным дымом доносились незнакомые голоса.

- Иванов сказал, что он труп. Помнишь? – спросила Зула.
- Конечно.
- То есть обычно такими делами он, видимо, не занимается.
- Тогда чем все это объяснить?
- Тем, что он отчаялся.
- Спасибо, обнадежила.

- Но в таком случае надежда действительно есть.
- Да?

– Если бы он рассчитывал остаться в живых, то избавился бы от нас, чтобы скрыть следы. Но он уверен, что умрет, поэтому не строит долгосрочных планов.

- Тогда вдруг мы успеем спастись, прежде чем его прикончат?
- Не исключено. Мы ему нужны, пока помогаем искать Тролля.
- Он *думает*, что мы можем найти Тролля.
- Ну, это уже по твоей части.

– Да. И на мой взгляд, дело безнадежное, если только мы не получим доступ к данным провайдера и не посмотрим логи. Это даже в Сиэтле непросто, а тут мы – кучка иностранцев посреди Китая. Не смешите меня. – Питер слабо улыбнулся. – Вот почему я никогда не хотел работать в высокотехнологичных компаниях.

- Почему?

- Потому что в них техзадание постоянно ставят менеджеры, которые сами в процессе ничего не понимают, зато у них есть какие-то свои таинственные мотивы.
- Значит, напустим еще больше таинственности. Поступай как те менеджеры.
- То есть как? Это уже по твоей части.
- Задавай ожидания, делай вид, будто трудишься, отчитывайся о ходе работ.
- А как быть, когда у них лопнет терпение?
- Понятия не имею. Я не говорила, что знаю ответ.

* * *

На площадку подрулил второй самолет и заглушил двигатели. Из него вышли несколько человек. Внизу снова закурили, слышались голоса. Самолет, где сидели Зула и Питер, стал вздрагивать – в трюм грузили что-то тяжелое. Потом кто-то вступил на трап, и вся махина просела, покачиваясь от каждого шага.

В двери показался человек. Зула тут же пришла к выводу, что это очередной головорез Иванова, вроде тех, из Сиэтла. Она судила по внешнему виду: по росту, комплекции, ежику рыжеватых-русых волос, по плащу (темно-зеленому, до середины бедра, как будто военного кроя и довольно свободному – под таким можно спрятать гранатомет) и по черным поношенным ботинкам с носами, армированными сталью. Взойдя по трапу, человек скинул на пол большую сумку – довольно стильную, вроде почтальонской, с лямкой, которую перекидывают наискосок через плечо.

Первым делом незнакомец нырнул в кабину. Некоторое время были видны лишь его затылок и могучая шея. Вдоволь насмотревшись на приборы, он с интересом воззрился на дверь в туалет, потянул ее, сложил гармошкой, оглядел уборную сверху донизу. До сих пор он стоял сгорбившись, опасаясь что-нибудь сшибить, поэтому теперь запрокинул голову, выставив напоказ крепкие, но желтоватые и неплотно стоящие зубы, провел над собой ладонью и убедился, что, если выпрямится, не проткнет потолок своей щетинистой, заостренной кверху головой. Тут он заметил Зулу с Питером. У него были светло-серые, широко посаженные глаза и крупное костистое лицо – румяное и чуть загорелое. Смотрел незнакомец удивленно, с любопытством, но совершенно спокойно.

– Здравствуйте, – осторожно начал он, и Зула поняла, что английский для него не родной. Этот человек хотел наладить контакт.

– Здравствуйте.

– Я Чонгор.

– Хакер Чонгор? – уточнил Питер.

– Да. – Чонгора такое определение если не позабавило, то уж точно удивило. Проход был для него узковат, поэтому он вытянул вперед руку с сумкой и только тогда смог протиснуться между креслами.

– Я Питер. Обо мне вы, очевидно, слышали, – сообщил Питер недовольно, почти враждебно.

К церемонии знакомства Чонгор отнесся крайне серьезно: шагнул вперед, протянул руку (Питер недоверчиво ее пожал), потом обернулся к Зуле и стал ждать.

– А это Зула, – объявил Питер так, будто, услышав ее имя, полагалось падать ниц.

Чонгор склонился и поцеловал протянутую ему руку, но без всякой манерности, совершенно обыденно, затем положил сумку на кресло – бережно, будто в ней лежало что-то ценное и хрупкое вроде ноутбука, – и сел напротив новых знакомых.

Питер стал ворочать свое сиденье (сложившаяся диспозиция его нервировала), но в итоге оказался лицом к лицу с гостем, а как истинный интроверт очень этого не любил.

Настала долгая неловкая пауза.

– Кто хочет начать? – спросила Зула.

Чонгор взглянул на Питера – тот явно не хотел – и, изобразив жестом «ну, раз так...», заговорил на абсолютно грамотном английском, хотя и с сильным акцентом:

– Вчера произошла та история с письмом Уоллеса. Спустя пару часов меня попросили приехать на встречу в Москву. Я приехал. Никакой встречи не было – мне *порекомендовали* сесть в самолет... – Он кивнул в сторону иллюминатора. – Я послушался и сел, а со мной – еще толпа людей определенного сорта. И вот я здесь и ничего не знаю.

Питер и Зула не проронили ни слова, что показалось Чонгору отчасти невежливым, отчасти забавным.

– Вы спросили, кто хочет начать, а не закончить, – напомнил он, но, так и не дождавшись ответа, решил зайти с другой стороны: – С вами, видимо, было так же.

– Не совсем, – сказала Зула. – Все началось в доме Питера с убийства Уоллеса.

Чонгор удивленно уставился на Питера.

– Ты убил Уоллеса?

К своему изумлению, Зула расхохоталась. Нейронные цепи, отвечающие за смех, похоже, не считались с мнением высших отделов мозга о неуместности веселья.

– Нет-нет, – ответила она. – Убили его русские. А потом привезли нас сюда.

– Это не очень хорошо.

– Я знаю. Что бы он ни натворил, он не заслуживал...

– Я хочу сказать, это не очень хорошо для нас с вами.

– Насчет того, что для нас это крайне плохо, мы не заблуждались, – фыркнул Питер.

– А вот я заблуждался. – Чонгор был ошарашен.

Ничего удивительного – он только что понял, что его втянули в историю с убийством.

– Жаль, – заметил Питер. – А мы надеялись, ты объяснишь, какого черта тут происходит и кто эти люди. Мы вообще ничего не знаем.

В лице Чонгора произошла перемена. Он перестал просто переживать и начал думать.

– Вообще ничего? В самом деле?

Питер уже раскрыл рот, чтобы ответить, но сдержался.

– Даже о фокусах с номерами чужих кредиток? – уточнил Чонгор. – Или это по части Зулы?

– Зула ни при чем, – вздохнул Питер. – Базу номеров продал Уоллесу я.

– Ту, из-за которой бесится Иванов?

– Да.

– Ну, тогда нам есть с чего начать. Что вы знаете о ребятах вроде вот этих?

– В смысле о русской... – Питер не решался сказать то самое слово.

– ...мафии, оргпреступности – как ни назовите. – Чонгор развел руками. – Они совсем не такие, как в кино или по телевизору...

– Да неужели? Прилететь на частном самолете, убить Уоллеса в моем доме – по-моему, как с экрана писано.

– Это для них абсолютно нетипично. Откровенно говоря, я потрясен.

– Спасибо, успокоил.

– В основном они занимаются очень нудными вещами – зарабатывают деньги вопреки невероятно убогой финансовой системе. Других мотивов – куража или насилия – у них нет. Свой капитал они сколотили в России, но не торговлей оружием или наркотиками, а накрутками цен на узбекский хлопок. Потом переехали в США и Канаду и взялись за мошенничество: со страховками, с налогами на бензин, с кредитными картами – в особенности с кредитками.

– А ты здесь при чем? – поинтересовалась Зула. – Если, конечно, можно спросить.

– Спросить можно. Однако отвечать я не стану. Мне тут нечем гордиться.

– Ладно, не отвечай.

Чонгор задумался.

Поначалу Зула решила, что ему за тридцать. Теперь же, обратив внимание на свежесть лица и на открытость, передумала – вряд ли он старше двадцати пяти, а выглядит взрослее просто потому, что крупный.

– Я, пожалуй, объясню кое-что сейчас и, возможно, кое-что потом. Много ли вам известно об истории Венгрии?

– Ни шиша.

– Ни аза.

Чонгор не понял этих выражений. Зула красноречиво помотала головой. Тогда он кивнул и стал думать, с чего бы начать.

– Вы хотя бы знаете, что она входила в Варшавский договор приблизительно до девяносто девятого года? Что была под жестким контролем русских?

Зула и Питер сделали умный вид и кивнули. Чонгор приободрился.

– Сейчас все хорошо – современная страна, высокий уровень жизни. Но в девяностые, когда я был подростком, экономика находилась в кошмарном состоянии. Старый коммунистический строй рухнул, как памятник Сталину, и несколько лет, пока возникал новый, мы жили при страшной безработице, инфляции и бедности. Мой отец – с его-то образованием – работал простым учителем в школе. Впрочем, это другая история. В общем, жили мы бедно, а зарабатывать умели только головой. И моя голова была не самой светлой – не то что у старшего брата.

– А он чем занимается? – полюбопытствовала Зула.

– Бартош в Калифорнии, пишет докторскую по топологии.

– Ого. – Зула посмотрела на Питера и пояснила: – Это такая математика.

– Спасибо, – прошипел он в ответ.

– Я понимал, что до Бартоша мне далеко, – продолжил Чонгор, – и стал искать, куда бы приложить свои таланты. В училище от меня хотели только одного – чтобы я играл в местной хоккейной команде. Я начал пропускать занятия, взялся сам изучать программирование. А потом вдруг обнаружил, что зарабатываю им деньги. Дела в экономике наладились, и программисты пошли нарасхват – особенно занимавшиеся локализацией.

– Чем? – спросила Зула и по вздоху Питера поняла, что задала глупый вопрос.

– Переводом иностранного софта на венгерский язык для корректной работы программ в местных условиях, – охотно пояснил Чонгор. Чувствовалось, что его отец – школьный учитель. – К примеру, инфляция обесценила венгерские деньги, – увлеченно продолжил он и достал из кармана пачку банкнот, расписанных портретами совершенно незнакомых Зуле мужчин в безумных шапках и с живописными усами. Числа были огромные – минимум тысяча, а местами и нечто пятизначное. – Для простейшего приложения в сфере торговли вроде программы для касс иностранный софт не подойдет – ему требуются числа с десятичной запятой и сотыми долями после нее. Но у нас – ни запятой, ни долей. Только целые значения. Поэтому софт надо немного поправить, чем я и занимался по заказу коммерсантов.

– А потом и устройствами для чтения кредитных карт? – спросил Питер, начавший наконец проявлять заинтересованность.

– Именно. Во времена Варшавского договора ничего подобного не было; потом, в середине девяностых, экономика ожила, и картридеры внезапно появились у всех подряд, а когда люди узнали, что я умею их программировать, меня завалили заказами. Отца свели в могилу сигареты, мать получала не много, поэтому зарабатывал я – и на учебу Бартошу, и на остальное. Все шло хорошо. Только вот такая загвоздка: хотя последний советский солдат ушел из Венгрии в девяносто первом, были и другие русские, приехавшие во время «холодной войны», – эти уходить не спешили.

– Они. – Зула мотнула головой в сторону соседнего самолета.

– Да, мафия. Новая экономика, стадия первая: дела обстояли очень плохо. Стадия вторая: стало лучше, у всех появились кредитные карты. И третья...

– Мошенничества с кредитками, – подытожил Питер.

– Причем самые разнообразные. Одни понадежнее, другие попроще, но самый хороший вот какой. Ресторан. В кармане у официанта – маленький картридер. Клиент хочет заплатить и передает карту официанту. Тот уносит ее в укромное местечко и проводит один раз через устройство. Пока все законно.

Питер уже кивал, показывая, что знаком с такой схемой, поэтому дальше Чонгор объяснял одной Зуле:

– А потом он считывает карту потайным ридером, который лежит у него в кармане, и снимает копию данных. В устройстве хранится информация о многих картах. Данные сводят вместе и продают на черном рынке.

– И тебя втянули в эти махинации, – сказал Питер.

Чонгор, не вполне довольный такой формулировкой, замешкался.

– Я взялся написать прошивку для некоего устройства. Видимо, я был наивен и очень не скоро понял, для чего именно его используют.

Питер чуть заметно хмыкнул, но Чонгор заметил, задумался, потом пожал широченными плечами и посмотрел на Зулу, будто ее мнение в этом вопросе было решающим.

– Я лишь последний в длинной цепочке венгров, которых русские, немцы и прочие угловорами втянули в невероятно глупые авантюры. Однако в итоге я стал частью всей этой культуры... – Чонгор перевел взгляд на Питера, и Зула поняла, что он говорит о международном сообществе хакеров. – Там меня считали крутым, уважали. А для подростка это мощный наркотик.

Питер никак не отреагировал, и Чонгор продолжил, решив, что его довод принят:

– Потом все тот же клиент обратился ко мне с проблемой: накопилось слишком много данных – устройств навывпускали тысячи, раздали официантам, причем не только в Венгрии, но и по всей Европе. Встал вопрос хранения информации, ее безопасности и так далее, поэтому не мог бы я помочь? Кстати, ответ я «нет», меня бы сдали полиции или устроили еще какие неприятности. Так я стал системным программистом – писал программы, которые требовались этим людям. А потом им понадобился человек, который обеспечивал бы бесперебойную работу этих систем. Через несколько лет я превратился в своего рода системного администратора-фрилансера – поддерживал серверы, налаживал почту, сайты...

– Я знаю, кто такой сисадмин, – сказал Питер.

– Мои клиенты – маленькие компании или частники, им ни к чему штатный сотрудник.

Но моя специальность, моя ниша – случаи, где крайне важны секретность и безопасность.

– Ты работаешь на бандитов, – заметил Питер.

– Как и ты.

– Вот это мне уже совершенно неинтересно, – объявила Зула.

Чонгор взглянул на нее с любопытством и сожалением.

– Системное администрирование?

Зула помотала головой и стукнула кулаком в кулак, посмотрев по очереди на Питера и Чонгора. Ее, похоже, поняли, и она продолжила:

– В общем, на тебя вышел Уоллес и сказал: «Нужна защищенная почта и без лишних вопросов».

– Точно так. Я знал, что он работал на Иванова. С другой стороны, бухгалтер-шотландец из Ванкувера – ну какие с ним могут быть проблемы? – Негромко хохотнув, Чонгор шлепнул себя по бедрам, надеясь, что остальные оценят иронию и тоже немного посмеются.

Питера не проняло – он спросил:

– Кто такой Иванов? Какую работу для него выполнял Уоллес?

Чонгор внезапно почувствовал усталость, откинулся в кресле и потер глаза.

– Я шесть лет проработал на этих людей, прежде чем увидел Иванова. Однажды тот заявился в Будапешт, сводил меня на хоккей, потом в ресторан – вот тогда стало ясно, кто у них главный.

– Но было поздно.

– Да, я уже слишком много знал. В России есть несколько групп вроде той, в которую входит Иванов; одни – как, например, его – из этнических русских. Другие из чеченцев, узбеков – да мало ли из кого. Русские группы существуют очень давно – наверное, со времен Ивана Грозного. Если вы член такой группы, то проводите в ней всю жизнь.

– О да, это серьезно, – фыркнул Питер.

– Прошу прощения?..

– Какая у гангстеров средняя продолжительность жизни? Лет тридцать?

– Все как раз наоборот. Именно потому, что их деятельность в основном скучная и однообразная, многие умирают от старости. А это проблема.

– Проблема?

– Для Иванова – да.

– То есть как?

– У подобных групп всегда есть фонд, называемый общак, – общий резерв, который используют на самые разные цели, в том числе как страховые деньги.

– Страховые?! Хочешь сказать, русские мафиози платят из них стоматологам?!

Чонгор пожал плечами.

– Не понимаю, что в этом удивительного. Если у человека болят зубы, их надо лечить, и род занятий тут ни при чем. Стоматологам платят из общака. За его же счет живут те, кто вышел на пенсию. Ну и, само собой, из общака финансируют... – Чонгор обвел взглядом салон, – операции.

– То есть мы сейчас гости общака, – заметил Питер.

– Да, но вряд ли с общего одобрения.

– То есть?

– Мне кажется, Иванов попросту стащил деньги на аренду этого самолета. Потому что обычно эти ребята таких операций не устраивают. В основном они ужасно консервативны как инвесторы, и подобных заскоков у них не бывает.

Питер фыркнул.

– Пенсионный фонд есть пенсионный фонд, – заметила Зула.

– Именно, – подтвердил Чонгор, оборачиваясь к ней. – Общак по большей части вложен в приличные финансовые инструменты. А Уоллес, он... мне не хватает словарного запаса...

– Инвестиционный управляющий? – подсказала Зула.

– Он управляет инвестиционными управляющими – распределяет фонды своих клиентов между профессиональными менеджерами, оценивает их эффективность и по необходимости переводит деньги с одного счета на другой.

– Он занимается не только этим, – вставил Питер. – Мы познакомились, когда Уоллес хотел купить у меня краденые номера кредиток.

– Для него это нетипично.

– Его шефом был Иванов, и, думаю, тот напортачил. Одну часть контролируемых им денег полагалось инвестировать легально – эту задачу он доверил Уоллесу. А другую следовало пустить на проекты, которые мы называем криминальными. Наверняка я не знаю, но, по моему, Иванов вляпался.

– Проекты провалились, – кивнула Зула.

– Или он просто обкрадывал общак, – добавил Чонгор. – Видимо, Иванов не тот человек, которому стоит доверять деньги.

Питер хохотнул.

Чонгор едва заметно ухмыльнулся и продолжил:

– Квартальные отчеты не радовали. Он понимал, что нажил себе проблемы и что надо рискнуть и все исправить. Люди вроде него вообще не могут без риска. Иванов и Уоллес замутили сложную махинацию и к тому же вложили часть денег, которые контролировал Уоллес, в аферу вроде тех самых краденых номеров кредиток. А когда Уоллес потерял файлы...

– Карточный домик рухнул, – закончила Зула.

– Да.

– Тогда почему за Иванова до сих пор не взялись?

– Потому что ничего не знают. Иванова держат на свободном поводке. Когда его боссы выяснят, в чем дело, он будет уже в Сямыне.

– Значит, мы действительно летим в Сямынь, – сказала Зула.

– Мне так сказали. Искать Тролля.

– Нас убьют?

Чонгор обдумывал ответ, на взгляд Зулы, очень уж долго.

– Полагаю, это зависит от Соколова.

– А он тут при чем?

– Соколов – такой же наемный работник, как Уоллес, только отвечает за безопасность.

– Боюсь даже спрашивать, откуда он такой взялся.

– Дважды герой – за Афганистан и за Чечню.

– То есть военный, – пояснил Питер, – а не гангстер.

– С другой стороны, с него – как это? – взятки гладки. Выполнил заказ – и свободен. Так что все непросто.

– Если Иванов в самом деле пошел против общих интересов, военному это не понравится, – предположила Зула. – Соколов не обязан выполнять приказы, если командир чокнулся.

– Я не знаю, что он за человек, – только и ответил Чонгор.

* * *

На борт поднялся Соколов и отступил в кабину пилотов, пропуская остальных: коротко стриженные русские консультанты по безопасности один за другим вошли в салон и по указанию Соколова стали занимать места. Они выглядели моложе своего командира, хотя молодежью их не назовешь – лет по тридцать – сорок. У всех были колоритные лица, но Зула не решилась разглядывать их в открытую, чтобы ее любопытство не заметили. Ей, Питеру и Чонгору позволили остаться в своих креслах. Те, кому не хватило мест, расселись в проходе. Всего русских вместе с Соколовым было семеро.

К самолету подъехала машина. Из нее вышли двое русских пилотов и принялись заполнять бумаги. Грузовой отсек забили до отказа, не поместившееся передали в салон и рассовали куда только можно. Явился Иванов и, дыша перегаром, прошел в личный салон в хвосте самолета. Соколов передал Зуле магазинный пакет. В нем обнаружились резиновые туфли «кроксы», несколько футболок и нижнее белье.

Пилоты закрыли дверь. Соколов приказал поднять шторы. Самолет вырулил на полосу, взлетел по направлению к северу и взял курс на юг. Зула выглянула в иллюминатор и долго внимательно смотрела на крупный портовый город на краю массивного полуострова. Владивосток (по крайней мере Зула считала, что это он) тянулся вдоль длинного, похожего на загнутый палец залива.

Некоторое время летели молча. Консультанты – такого в самолетах Зула еще не видела – курили.

– Раз уж нам надо найти Тролля, может, составим план? – предложил Чонгор.

Спецконсультанты удивленно посмотрели на него, но быстро отвлеклись и, ухмыляясь, начали отпускать комментарии и шуточки на русском. Иногда Соколов приказывал им заткнуться и притихнуть – возможно, обрывал нежелательные темы. Какие именно, Зула даже думать не хотела.

– Ты хоть что-нибудь знаешь о Сямыне? – спросила она.

– Я успел немного погуглить, – сообщил Чонгор.

– А мы – нет, – заметил Питер.

– Любопытное место. Чем-то даже напоминает Венгрию.

– Чем же?

– Большим числом соседей.

– Это ведь там терракотовая армия? – предположил Питер.

– Ты путаешь с Сианем. – Чонгор смущенно улыбнулся, показывая, что поначалу и сам допустил такую же ошибку. – Сиань в глубине материка, а Сямынь – у моря, чуть севернее Гонконга, на берегу... как называется узкий водный отрезок?..

– Пролив, – подсказала Зула.

– На берегу пролива ровно напротив Тайваня. Через Сямынь в Китай шло серебро. Испанцы везли его галеонами из Мексики в Манилу, а оттуда местные торговцы переправляли его сначала в Сямынь, а потом во внутренние области по Реке Девяти Драконов. Когда об этом прознали голландцы, на островках возле Сямыня поразвелось пиратов, которые крали серебро, а в остальное время грабили местных жителей. Потом пришел Чжэн Чэнгун и выгнал голландцев. Удивительный был человек. Мать – японка, отец – китайский пират. Сам он родился в Японии, а воспитали его мусульмане – бывшие рабы, которых освободил его же отец, – поэтому многие думают, что Чжэн Чэнгун втайне принял ислам. В общем, он прогнал голландских пиратов с Тайваня и воссоединил его с Китаем. Чэнгуна считают героем и в материковом Китае, и на Тайване, а в Сямыне ему поставили огромный памятник.

– Это имеет отношение к нашей задаче? – Питер проявлял чудеса терпения.

Чонгор внимательно посмотрел на него и напомнил:

– Я вышел в Интернет всего на пару минут, но успел скачать несколько старых книг, потом доступ отрубили. Я читал их, пока летел сюда.

– То есть вся твоя информация – из старых книг, – уточнил Питер.

– Да. Из них я знаю, что у Сямыня с Тайванем старинные и очень запутанные отношения. Прямо в Сямыньской бухте есть два тайваньских острова. Всего в десяти километрах от города – территория другого государства. Во время «холодной войны» Советская армия постоянно их бомбила.

– Тесные связи с Манилой, Гонконгом и Тайванем. Сямынь – крупный порт. Я усвоила. Информация для туристов. Но какое отношение это имеет к Троллю?

Чонгор пожал плечами.

– К Троллю, наверное, никакого. А к нам – к нашему положению – имеет. Я пытался понять, как нас везут в страну. Вы знали, что в Китай нужна виза?

– Нет, – ответила Зула.

Питер помотал головой.

– Получить ее не трудно, но надо заполнять документы, высылать свой паспорт. А виз у нас с вами, очевидно, нет. Вот я и думал – как?

Питер и Зула молча смотрели на него и ждали разгадки.

– Вы спрашиваете, какое это имеет к нам отношение. По-моему, ответ такой: если бы нас хотели провезти во внутренние районы – вот это было бы непросто. А Сямынь – сплошь контрабанда и коррупция. Процентом десять иностранных товаров в Китай ввозят нелегально. И, как правило, через Сямынь. Несколько лет назад чиновников там основательно примучили...

– Прищучили, – хором поправили Питер и Зула.

– Да. Многих казнили или посадили. И все равно Сямынь – самое подходящее место для таких, как он... – Чонгор слегка скосил глаза в сторону ивановского отсека. – Станутся с кем надо в порту, на таможне – да где угодно – и провезти контрабандой, скажем так, человеческий груз.

– Хорошо. Допустим, ты совершенно прав и нас пропустят, – кивнул Питер. – А что мы будем делать дальше?

Чонгор задумался – не только над тем, как искать Тролля, но и над тем, как бы не сболтнуть лишнего. Иванов через переборку не расслышит, а вот спецконсультанты, из которых по крайней мере один, Соколов, худо-бедно знает английский, – могут. Чонгор размышлял, сидя спиной к русским, и не шевелился, но вращал глазами более чем красноречиво.

– Известный нам адрес, – начал он, и Зула поняла, что речь идет о четырех разделенных точками числах на ладони Соколова.

– Часть огромного кластера, принадлежащего провайдеру, – подхватил Питер. – Это понятно.

– А если попытаться сузить диапазон географически? – предложил Чонгор.

– Не можем же мы вломиться в офис провайдера и допросить сисадминов, – закончил мысль Питер.

– У них наверняка есть принцип, по которому блоки адресов раздаются районам города. Он, может, и не строгий...

– ...но и не полностью случайный, – подхватил Питер. – По крайней мере будем иметь хоть какое-то представление.

Настал черед Зулы чувствовать себя умственно отсталой. Впрочем, работа в хайтековой компании научила ее: лучше спросить прямо, чем юлить и делать вид, что все понимаешь.

– И как вы намерены получить эту информацию?

– Ножками, – ответил Питер и вопросительно посмотрел на Чонгора, который, судя по выражению лица, не понял, что он имеет в виду.

– То есть лично обойдете весь город. А для чего?

– Я слышал, там полно интернет-кафе. Если так, то мы заходим в первое попавшееся, платим за доступ, смотрим ай-пи компьютера, записываем и идем в следующее, – объяснил Питер.

– А можно прочесать эфир, – предложил Чонгор.

Эту фразу Зула как-то слышала – она означала ездить с ноутбуком, разыскивать и подключаться к незапароленным Wi-Fi сетям.

– Гостиничные номера, – согласился Питер.

– Да просто вестибюли.

– Составим карту и пойдем, в каком районе какие IP-адреса, и примерно выясним, где живет Тролля. А если повезет, то и интернет-кафе, из которого он выходит в сеть.

– Что мне нравится в вашей идее, – подумав, сказала Зула, – так это методичность и постепенность. Наш начальник увидит, что мы трудимся и выдаем результат.

С этой стороны – с точки зрения довольства Иванова и сдерживания его паранойи – Питер с Чонгором к задаче явно не подходили и потому теперь так и раскрыли рты.

Зула досадливо отмахнулась.

– Говоря языком менеджеров, есть система показателей, с помощью которой мы можем устанавливать ожидания и демонстрировать движение вперед.

Питер и Чонгор не могли понять, шутит она или нет. Зула тоже.

И отчего они так ее раздражают?

Оттого что пытаются решить поставленную перед ними задачу – найти Тролля. Тролля – проблема Иванова, а не их; их проблема – Иванов.

Если они разыщут Тролля, то попадут в еще большие неприятности, став соучастниками убийства.

Но так далеко Зула не заглядывала, поскольку видела в плане Чонгора и Питера шанс: оказавшись в городе, можно позвать на помощь или даже сбежать. Конечно, объяснение с полицией по поводу отсутствия виз добром не кончится, однако судьба, которую им готовит Иванов, явно хуже.

Размышляя об этом, Зула краем глаза наблюдала за Соколовым. Тот по-прежнему сидел с бумагами в руках, но уже давно перестал переворачивать страницы. Время от времени он зло шикал на свой отряд и прислушивался к разговору, который вела компания Чонгора.

– Думаете, нас вот так запросто выпустят в город?

– Хороший вопрос, – согласился Чонгор.

– Если им нужен Тролль – выпустят, – объявил Питер.

– Тогда я попытаюсь доказать ему, что другого варианта нет, – сказала Зула так, чтобы Соколов расслышал.

* * *

В этих двух парнях Зула обнаружила кое-что общее. Она разглядела в Чонгоре то, чем ее в первую, пожалуй, очередь когда-то привлек Питер. Ни тот ни другой толком не имели образования: оба годам к двадцати решили начать самостоятельную жизнь и заняться делом. Оба нашли свой путь, хотя он приводил их и к успеху, и к неудачам. В итоге они не заработали ни денег, ни имени, однако каждый приобрел ту уверенность в себе, какой не встретишь у молодых людей, послушно прошедших школу, университет и даже получивших степень. Если бы Зуле хотелось зло съязвить по поводу таких лощенных мальчиков, она сравнила бы их с перезревшими зародышами, которые бесконечно выжидают и не спешат явиться на свет. Впрочем, ничего страшного: в университетах полно девушек им под стать. Видимо, из-за своего прошлого – лагеря беженцев, безвременной смерти приемной мамы – Зуле даже в голову не приходило увлечься подобными типами. Свойство, которое она разглядела в Питере, а теперь заметила в Чонгоре (и произнеся про себя это слово, поморщилась, хотя не видела смысла застенчиво отгораживаться от него иронией), называлось мужественностью. Это качество сулило и хорошее, и плохое. У некоторых мужчин в ее семье оно присутствовало, особенно у дяди Ричарда. Зула знала, что дядя по натуре своей человек хороший, хотя, случалось, творил безумства и обижал людей, о чем сожалела; знала, что ему повезло, что он пожертвует собой, лишь бы защитить племянницу. И что отношения с женщинами у него не складывались.

* * *

Самолет снизился и заложил несколько виражей, видимо, готовясь к посадке. До захода солнца оставалось минут тридцать, оно светило под крылом. Почти горизонтальные лучи выпукло выхватывали здания и детали рельефа. Даже с высоты становилось понятно, что внизу жарко и влажно. Ландшафт был изумительно сложный: ветвистые полуострова тянулись к большим и маленьким островам, которыми кишел залив, а сам залив складывался из слияния дельт по меньшей мере двух крупных рек. Если не считать намывных площадок вдоль кромки воды, его берега были крутыми и поросшими зеленью. Чем ближе подлетал самолет, тем яснее проступал Сямынь – почти круглый остров, отделенный от большой земли проливами. Проливы были широкими, но не слишком – вполне по силам современным мостам. Переправы тянулись от острова к промышленным пригородам.

С этим островом, куда более крупным, чем остальные, мог сравниться (если не населением, то размерами) лишь один – восточнее и немного дальше от материка. На круглом

Сямыне зеленым и незастроенным оставался только гористый центр, а на втором острове, похожем на сильно сжатую с боков губку, виднелись редкие приземистые городки, отделенные друг от друга обширными сельхозугодьями. Остальную местность – гористую, дикую, хотя и рассеченную извилистыми дорогами, – испещряли загадочные конструкции сплошь в куполах и антеннах.

– Тайваньский остров? – предположила Зула.

– Похоже, – согласился Чонгор. – Это военные объекты – очень уж смахивают на ту дрянь, которую Советы понастроили в Венгрии.

Под крылом проплыл еще один остров, поменьше, и по сравнению с другими тоже почти не освоенный.

– А вот и второй, – сообщил Чонгор. – Один – Цзиньмэнь, другой – Мацзу. Где какой – не знаю.

Через пару минут они уже летели над Сямынем. Еще несколько виражей, и самолет пошел на посадку.

Вместо того чтобы ехать к терминалу, их борт подрулил к невысоким зданиям. Там стояли небольшие частные самолеты – не один их десяток остался позади, прежде чем нашлось свободное место. Зула, само собой, не представляла, как выглядит местный частный терминал в обычный день, однако, на ее взгляд, тут было столпотворение. За сетчатым забором, выбирая место поудобнее, маневрировали черные автомобили. Их было столько, что регулировщики беспрестанно махали руками и дули в свистки. Некоторым машинам разрешали проехать прямо к самолетам.

Спецконсультанты увлеченно прилипли к иллюминаторам.

– *Germaniya*, – сказал один.

– *Yaponiya*, – подхватил другой.

– Они называют страны, – пояснил Чонгор. Зула сидела у другого борта и почти ничего не видела, поэтому он прибавил: – Там правительственные суда, – затем отодвинулся, и Зула увидела борт с надписью «Соединенные Штаты Америки».

– Что тут происходит? – поинтересовалась она.

– Может, конференция? – предположил Чонгор.

– Знаю! – объявил Питер. – Это из-за событий на Тайване – я недавно слышал.

Зула уставилась на него с сомнением – словам-то она верила, но никогда не думала, что он следит за новостями.

Питер пояснил:

– Обвал сайтов. На тайваньских провайдеров устроили DoS-атаки – вот шум и поднялся.

– Да, точно! – подхватил Чонгор. – Я тоже слышал. По этому поводу собрали дипломатов. Только я не знал, что встречу устроили на Сямыне.

Больше они ничего не успели рассмотреть – Соколов приказал опустить шторки.

Самолет остановился. Из своей каюты появился Иванов и, разговаривая по телефону, сошел на землю.

В салоне выключили свет, целый час все сидели в темноте, потом Зула провалилась в сон.

Когда она проснулась, было по-прежнему темно. Все кругом суетились, но совершенно молча – собирали вещи. Зула поступила так же. У трапа, снова вжавшись в кабину пилотов, стоял Соколов и по очереди хлопал по плечу сходявших вниз спецов.

Чонгор, у которого оказались самые настоящие наручные часы, сообщил, что с момента приземления прошло шесть часов.

Когда Зула приблизилась к выходу, Соколов жестом остановил ее и протянул черный мешок. Оттуда пахло новой одеждой. Зула взяла тюк обеими руками, раскрыла и увидела черную толстовку с капюшоном и именем известного модельера – откровенную подделку.

– Я такое не ношу.

– Шубу достанем тебе позже.

Зула пристально посмотрела Соколову прямо в глаза. Таких непроницаемых лиц она в жизни не видела и потому не поняла, был это бесстрастный юмор, злой сарказм или действительное обещание достать шубу.

– Шубы тоже не в моем стиле.

– Не до стиля. Надевай.

Она надела толстовку. Соколов протянул руку вперед, накинул капюшон Зуле на голову, затем опустил на лицо чуть не до подбородка и тронул за плечо, давая понять, что можно идти. Прикосновение показалось ей приятным – за это Зула очень на себя рассердилась.

Выходя, она заметила у самого борта два черных фургона. Рядом с первым стоял спецконсультант и не спускал с Зулы глаз. Еще один, ждавший внизу у трапа, проводил ее до машины, держась чуть в стороне.

Зулу усадили между двумя спецами на заднем сиденье (те проверили, хорошо ли закреплен ее ремень безопасности), Чонгора – на переднем, а Питера, судя по всему, отправили во второй фургон.

Соколов скомандовал, машины тронулись и выехали через ворота на внутреннюю дорогу аэропорта. Спереди пристроился черный «мерседес». Зула все ждала, когда покажется пропускной пункт, но их никто не остановил. Вскоре кортеж влился в общий поток на шоссе. Они были в Китае.

* * *

Чет как раз собирался в Элфинстон пополнить запасы на Грязный месяц межсезонья. Он подбросил Ричарда до города – до аэропорта с единственной взлетной полосой. Двухмоторный винтовой самолет уже ждал. Чет знал местный распорядок и поехал напрямик к крылу. Там он опустил окно и взялся добродушно подначивать пилота, пока Ричард доставал из кузова сумку и пропихивал ее в узкую самолетную дверь. Спустя полминуты борт уже набирал высоту. Ричард летал пару раз в месяц – он заключил постоянный договор с одной фирмой из пригорода Сиэтла; так что в его путешествии не было ничего необычного. Этим утром ему предстояло провести в воздухе меньше времени, чем некоторым сотрудникам Корпорации-9592 за рулем, стоя на понтонном мосту или в пробке из-за очередной пары «поцеловавшихся» машин.

Начало и конец маршрута проходили над сплошными горами, а середина – над обводненной низиной возле плотины Гранд-Кули. Всякий раз Ричард завороченно смотрел, как местность внезапно становится ровной и по ней идеальной сеткой – совсем как на Среднем Западе – бегут дороги. Прежде узор разрывали щербатые столовые горы, служившие границами долин, но теперь решетка асфальтовых нитей отступала лишь перед самыми неприступными местами. Единственное, чем отличались здешние квадратные уголья от таких же на Среднем Западе, – тут в центре некоторых полей зеленели круги – признаки системы круговой ирригации.

Каждый раз, глядя на эти дороги, Ричард думал о Чете. Тот тоже вырос в городке на Среднем Западе в восточной, аккуратно разлинованной части Южной Дакоты. Вместе с приятелями юный Чет сколотил нечто вроде банды байкеров. Они гоняли на самодельных драндулетах с движками от газонокосилок, потом доросли до внедорожных и, наконец, до самых настоящих мотоциклов. Мироздание не желало снабжать Чета средствами, которых хватало бы на содержание и прокачку мотопарка, и он взялся толкать травку в окрестных городках. В ту пору такой бизнес казался жутким и опасным, хотя в нынешнюю метамфетаминовую эпоху выглядел безвреднее торговли газировкой. Чет намотал бессчетное число миль, разъезжая по второстепенным дорогам, предпочитая их основным трассам, поскольку и машин, и полиции в полях встречалось меньше.

Как-то раз в семьдесят седьмом году Чет, провернув удачное дельце в Пайпстоуне, штат Миннесота, катил на юг. Стояла теплая летняя ночь, мерцали звезды, светила луна. Он откинулся на пассажирскую спинку, подставил ветру патлатую голову и крутанул ручку газа. А очнулся в феврале в одном из стационаров Миннеаполиса. Трудотерапевты постепенно растолковали Чет, что его нашла фермерская собака посреди кукурузного поля, а ночную поездку, по-видимому, прервал поворот – дорога внезапно вильнула к западу. Он не успел среагировать и полетел напрямиком в посадки на скорости миль девяносто в час. Кукуруза (в то время года футов в восемь высотой) обеспечила ему относительно мягкое падение – Чет отделался на удивление немногочисленными травмами. Длинные, жесткие, волокнистые стебли разлетались в щепки – от них его спасла кожаная одежда. К несчастью, Чет ехал без шлема – одна из щепок прошла сквозь левую ноздрю и впилась в мозг.

Восстановление шло долго. Большинство мозговых функций вернулось, так же как и умственные способности, если не относить к таковым навыки общения и осмотрительность. Чет решил дознаться, почему дотошные мастера теодолитов, которые сто лет назад прокладывали эти дороги и скрупулезно придерживались решетчатой схемы, вдруг ни с того ни с сего порой вставляли в нее повороты. Рассматривая карты, он выяснил: изгибы встречались лишь в направлении север – юг; на дорогах с запада на восток их не было.

Разумеется, все объяснялось сферической формой Земли, покрыть которую равными квадратами невозможно; довольно большой участок – да, но рано или поздно понадобится внести поправку, сдвинуть один ряд к западу либо к востоку.

На дворе стояли семидесятые, и Чет, который оставил школу из-за травмы головы, не мог не ощутить фундаментальности своего открытия. Также неизбежно он пришел к выводу, что ошибка, совершенная им той лунной ночью, была посланием свыше и предупреждением: из-за своей сомнительной и монотонной пушерской работы он упускает вещи более серьезного, космического плана.

Чет двинулся на запад, как поступали в то время многие американцы, искавшие «космического». Не доехав пары сотен миль до Тихоокеанского побережья, он встретил группу байкеров, сотрудничавшую с пешим контрабандистом Ричардом. Чета признали своего рода шаманом. Он стал верховным жрецом отколовшейся группы, которая, желая обособиться от основной калифорнийской компании, назвалась Паладинами Септентриона. Паладины переехали на север и осели в южной части Британской Колумбии. Чет снова едва не погиб в аварии, чем лишь усилил свою мистическую славу.

Вскоре после его выписки из больницы Паладины Септентриона взялись за проект, целью которого было, как сказал Чет, стать настоящими мужчинами.

Когда этот замысел донесли до Ричарда (случайно, в баре, посреди разговора на вроде бы отвлеченные темы), благоговейный трепет и обыкновенный ужас принялись сражаться за первенство в той части его мозга, которая досталась человеку от млекопитающих. Включились и рептильные рефлексy: Ричард быстро прикинул все традиционные (и не очень) пути бегства из бара, кожа покрылась потом, пульс взлетел до частоты, от которой зашкалило бы радары канадской дорожной полиции. Слишком хорошо знакомый с этими парнями в их домужественную эпоху, Ричард боялся представить, что же будет теперь. Однако через несколько минут несвязных обсуждений прояснилось: Чет имел в виду «остаться настоящими мужчинами», снизив при этом число жертв своей мужественности. Сместившиеся акценты совпали к тому же с принципами выживания: с браком и рождением детей. Паладины избавились почти от всего огнестрельного оружия и, воспользовавшись законами Канады, где на удивление терпимо относились к мечам, стали разъезжать по местным дорогам с притороченными за спиной пятифуртовыми шотландскими двуручными клейморами. Они устраивали на лесных полянах потешные поединки и бои, участвовали в исторических фестивалях, где поднимали кубки вместе со своими новообретенными братьями по духу из Общества творческого анахронизма. Рокочу-

щие колонны байкеров-меченосцев гармонично влились в пейзаж юга Британской Колумбии – той части света, что гордилась своей эксцентричностью. Дети, едва различимые за тонированными стеклами и солнцезащитными шторками семейных фургонов, показывали на них пальцами и радостно махали руками. Паладины Септентриона стали героями местных телесюжетов об умильных и неординарных событиях и бросили нарушать законы.

* * *

Ричард вернулся мыслями в самолет и снова взялся за «Т’Эрранскую газету», ежедневное издание, выпускаемое, разумеется, в электронном виде крохотным отдельчиком сиеэтлского офиса. В ней подытоживалось главное за сутки: достижения, войны, дуэли, разграбление городов, статистика смертности, эпидемии, скачки цен.

СМЕРТНОСТЬ В ТОРГАЯХ ВЫРОСЛА НА 1 000 000%.

Материал подготовлен по сообщениям корреспондентов «Т’Эрранской газеты» Греш’накха Покинутого, Эрикка Жезлобя и Феи Златоглазки.

Стремительный рост уровня смертности в Торгайских предгорьях, где внезапно разразились боевые действия, сегодня превысил миллион процентов. Наблюдатели связывают этот аномальный показатель с невиданным наплывом визитеров, которые в силу пока необъяснимого астрального феномена вынуждены платить дань обитающему там троллю. Пришлые, или, как их называют местные жители, «мясо», везут оброк, благодаря чему представляют собой лакомую добычу для грабителей. Аналитики расценивают показатель в миллион процентов как психологически значимый порог, отделяющий опустошительную войну от эпохального кровопролития.

Опираясь на восьмифутовый волшебный посох, местный алхимик Шекондар Грозный бродит по колено в крови, заливающей торговую улицу Волынного Ущелья – городка, который некогда именовал себя «Вратами в Торгаи». Шекондар не разделяет мнения о том, что последние события портят репутацию местечка. По его мнению, наплыв «мяса» и явившихся следом бандитов, сухопутных пиратов и головорезов – благо для экономики региона и золотое дно для негоциантов, особенно для тех, кто, как сам Шекондар, продает целебные зелья, волшебные камни и прочий товар, пользующийся у гостей большим спросом.

На постоялом дворе «Странник» – популярном злачном месте у крутой дороги, ведущей из Волынного Ущелья в предгорья, – можно услышать иные подробности. Из-за горы трупов, которыми до потолка завален бар, едва доносится голос, представляющийся владельцем питейного заведения Господином Бодряком. На его взгляд, нашествие гостей «хорошо, да не в меру», к тому же многие клиенты, ссылаясь на груды разлагающихся тел, которая перекрывает дорогу в бар, покидают гостиницу, не заплатив.

Насколько понял Ричард (правда, не сразу), авторы статьи – гуманитарии с дипломами очень дорогих вузов – писали подобным языком, чтобы уж наверняка не потерять место. Руководство Корпорации-9592 привыкло почитать «Газету» за утренним кофе, и наверняка стало бы платить авторам даже вопреки бюджету, лишь бы не лишать себя этого удовольствия.

Фраза-ссылка «в силу пока необъяснимого астрального феномена» вела к статье на внутреннем вики-сайте. Железное правило «Газеты» гласило: мир «Т’Эрры» – такой, каким он предстает на мониторах, – окончательная истина и единственная реальность, доступная и известная корреспондентам. Необычные события, связанные с поведением игроков, объясня-

лись «странными небесными огнями», «сверхъестественными силами, недоступными пониманию местных мудрецов», «неожиданным парадом планет», «по всей видимости, капризом здешнего полубога», «громом среди ясного неба» и даже «внезапным поворотом колеса Фортуны, которого, по общему мнению умудренных опытом старожилков, ничто не предвещало, и опиши некий автор подобное в книге, его осмеяли бы за топорный пример явления «бога из машины». Тем не менее одной из главных задач «Газеты» было сообщать о действиях игроков, то есть о происходившем в реальном мире, поэтому ссылки вели к внешним статьям вики-сайта, написанным тем языком офисных объявлений, от которого Ричард впал в уныние.

В записи говорилось, что в Торгайских предгорьях заправляет группа, называющая себя кланом «Голда шу», то есть златоделами; «голда» – видимо, из-за моды на гангста-рэп. Клан хозяйничал в этом районе уже несколько лет. Обычное дело – подобных анклавов в Т’Эрре множество. Правила не запрещали группам увлеченных игроков захватывать и удерживать тот или иной район. А «мясо» понаехало сюда из-за «REAMDE», который несколько недель распространялся вяло, потом вдруг взмыл по экспоненте, и в последние двенадцать часов дело выглядело так, будто он скоро захватит всю вычислительную мощь Вселенной. Однако затем он увяз в своей же экспансии и встретил сопротивление реального мира, а тот всегда сплюсчивает такие якобы экспоненциальные графики в сильно растянутую за концы букву S. Это не уменьшало серьезности проблемы и не значило, что десятки программистов и сисадминов не вкалывают по восемнадцать часов кряду, разбираясь с вирусом. С другой стороны, он не грозил захватить мир и обрушить работу Корпорации. К тому же тысячи персонажей, убивая друг друга в баре Господина Бодряка, только зарабатывали опыт.

* * *

Корваллис Кавасаки ждал Ричарда на летном поле. Втискиваясь на переднее сиденье неизменного «приуса», Ричард проворчал:

– Ради меня могли бы расстараться и прислать лимузин.

– Я хотел, чтобы ты меня хорошо расслышал, – пояснил Си-плюс, пытаясь поймать на рычажке дворников тот трудноуловимый в Сизтле режим, при котором щетки успевают смахивать воду, но не мечутся судорожно по стеклу. Машина стояла на полосе носом к южной бухте озера Вашингтон. На воде белели барашки волн. Самолет при посадке трясло, и теперь Ричарда слегка мутило.

Корваллис, выросший в городке, в честь которого и получил имя, был сыном американца японского происхождения (преподавателя когнитивных наук) и индианки (специалистки по биотехнологиям), а по характеру – истинным орегонцем. В Корпорации никто не имел понятия, чем именно он занимается, однако компанию без него не представляли. Корваллис включил передачу (или как там называется действие, приводящее машину в движение) и аккуратно поехал сперва вдоль заливаемых дождем самолетов, которые приплясывали на натянутых тросах, а затем через ворота на обычную городскую дорогу.

– Насколько я знаю, завтра ты встречаешься с Девином и говорить станешь в основном о ЦП, – сказал Корваллис, отделив «ЦП» небольшой паузой.

– ЧП? – переспросил Ричард.

– Це-пэ, – повторил Си-плюс. – Война за цветопередел.

– Ах вот как ее называют крутые парни.

– Да. Правда, приходится пояснять. В общем, я вот о чем: ты будешь готовиться к встрече, поэтому тебе стоит знать кое-какие технические и юридические моменты, связанные с «REAMDE».

– Ну, началось. Это та самая морока, от которой я сбежал в отставку.

– На мой взгляд, ты не совсем в отставке, – мягко заметил Корваллис. – Только что прилетел из Элфинстона, завтра летишь в Миссури, оттуда...

– В частичной отставке. Я отошел от унылой ерунды.

– По-моему, это называется повышением.

– Называй как хочешь, только я не хочу врубаться – так вы говорите?..

– Именно так – сам знаешь.

– ...во всякие мерзкие юридические подробности того, чем грозит «REAMDE». Ведь были же у нас паразиты до него?

– Двести восемьдесят один активный вирус, по самым свежим данным, а проверял я час назад.

Ричард уже набрал полную грудь воздуха, но Си-плюс его опередил:

– Прежде чем ты скажешь то, что собрался, разреши заметить: большинство из них не злоупотребляют нашей платежной системой, поэтому «REAMDE» не просто очередной вирус. Тут встают новые проблемы.

– Так как наши серверы используются для перекачки дани.

– При этом, – предостерегающе заметил Корваллис, – правоохранительные органы пока не слишком прониклись идеей АППИСа и не особо разбираются в том, что такое «дань», «трофеи», «клад», «сокровища» и прочее, связанное с принципом Медиевального Сражения. Для них это все платежи. А раз в нашей системе в ходу настоящие деньги, то и остальное не игрушки.

– Я всегда чувствовал: выйдет мне моя затея боком, – только не знал, когда и как.

– Уже выходила.

– Все равно каждый раз как первый.

– В «REAMDE» есть несколько... интересных решений.

– Интересных в смысле плохих для нас? – на всякий случай уточнил Ричард, хотя по тону Корваллиса это и так было ясно.

– Зависит от того, решим ли мы стать карающим мечом в руках органов правосудия или отмахнемся и скажем, что это не наша проблема.

– Продолжай.

– В файле-инструкции, названном так же, как сам вирус, говорится только, что тысячу золотых слитков нужно оставить в определенном месте в Торгайских предгорьях. Отправлять или переводить деньги какому-то конкретному персонажу не предлагается.

– Само собой. Иначе мы отключили бы этого персонажа.

– Да. То есть создатель вируса получает деньги, просто подбирая золото там, где его оставляет жертва.

– А сделать это может любой.

– Теоретически, – заметил Корваллис. – На деле же сначала надо попасть в известное место в Торгаях. А чтобы получить настоящие деньги, слитки нужно физически перенести в город, где есть обменник.

– Не «физически», – поправил его Ричард. – Вы вечно делаете одну и ту же ошибку. Это игра.

– Пусть так. «Физически» в игровом мире. – Корваллис воспринял замечание как придирку. – В общем, ты понял. Персонаж должен умудриться не погибнуть, пока возвращается через предгорья к ближайшему городу или перекрестку силовых линий, а оттуда в обменник.

Ричарду не нужно было объяснять, что виртуальные золотые слитки невозможно обратить в настоящие деньги без услуг менялы, а такие водились не на каждом углу. По каким-то уже забытым причинам программно-юридического свойства пришлось ограничить число менял и заложить в систему небольшую задержку.

– То есть авторы вируса воспользовались тем, что физически контролируют... черт! – ргнул Ричард. Корваллис хитро прищурился и, не выпуская руль, поднял указательный палец. – Воспользовались своим *виртуальным, игровым* военным господством в регионе, чтобы создать такой способ получения денег, какой мы вот так просто не прикроем.

– Насколько нам известно, у них не меньше тысячи персонажей-перевозчиков.

– И все, конечно, самокупы.

– Именно.

– Но как с таких аккаунтов получишь реальные деньги? – Для обращения игровых слитков в настоящие купюры нужно, чтобы сумма отобразилась как платеж на счету кредитной карты.

– Переводом «Вестерн Юнион» через тайваньский банк.

Ричард только глазами захлопал.

– Да, мы добавили эту опцию, – пояснил Корваллис. – Нолан постоянно придумывает, как бы сделать систему удобнее для китайских детишек, у которых нет кредиток.

– Прелестно. И где у них пункт разгрузки?

– Пункт разгрузки?

– Где жертвы оставляют выкуп?

– Хороший вопрос. Похоже, общего места нет. Все файлы «REAMDE» немного отличаются друг от друга – видимо, их генерирует скрипт, который каждый раз вписывает новые координаты. Пока нам известно триста с лишним таких пунктов.

– Выходит, золото раскидано по всему району.

– Угу.

– То есть они готовились к тому, что мы постараемся им помешать.

– Очевидно, да. Напоминает случаи из реальной жизни, когда устраивают много тайников где-нибудь в труднодоступной местности на площади в сотни квадратных километров.

– В реальной жизни полиция попросту оцепила бы район.

– Именно это нам и предлагает сделать полиция сразу нескольких стран, – сообщил Си-плюс. – Написать скрипт, который удалит или выкинет из игры всех, кто находится в Торгях, и не даст им залогиниться обратно, а потом отправиться туда и собрать улики.

– Отправиться, то есть запустить программу, которая обнаружит все слитки, кучки и мешки золота в этой области.

– Да.

– А мы уже послали их куда подальше?

Послать – самый разумный ответ, однако сам Ричард не мог действовать через голову нынешнего исполнительного директора Корпорации-9592.

– У нас нет выбора! – сказал Си-плюс.

Ричард умолк, восхищаясь тем, как Корваллис ответил на вопрос, одновременно признав полную беспомощность директора.

– «REAMDE» затронул пользователей как минимум сорока трех стран. Дадим добро одной – придется говорить «да» остальным.

– А потом ООН введет в нашей компании кризисное управление. Жесть. – Ричард был слишком стар, чтобы всерьез употреблять это универсальное словцо, но не мог не вернуть его ради иронии.

– Юридическая сторона дела феноменально запутана, учитывая, сколько стран втянуты в историю. Поэтому готовым ответом порадовать не могу. Хорошо то, что отдельные происшествия – это совсем мелкие преступления. На семьдесят три доллара по нынешнему курсу. На серьезное дело не потянет.

– У меня уже голова трещит. Скажи прямо, что я должен делать. Или ты просто...

– Просто ввожу в курс дела, – подтвердил Си-плюс. – Пиарщики наверняка захотят как следует проинструктировать тебя на дорожку.

– Хотят они одного – чтобы я молчал в тряпочку. Сам знаю.

– Вообще-то нет. Им надо показать, что они трудятся.

Ричард некоторое время прикидывал, как бы свалить на кого-нибудь из подчиненных обязанность ходить на встречи с теми, чья единственная цель – показать, что они выполняют свою работу, но потом понял: если бы он действительно этого хотел – сидел бы себе в шлоссе.

Полчаса спустя они уже находились в штаб-квартире Корпорации-9592, в конференц-зальчике с неприлично большим ЖК-монитором. Корваллис предложил «порулить», то есть самому взяться за клавиатуру и мышь, но Ричард заявил, что он тут старший, передвинул управление поближе и залогинился от своего имени. На загрузочном экране возникли его персонажи. Их было восемь – не много по сравнению с другими игроками. Хотя Ричард понимал, что это всего лишь боты, совесть не давала ему покоя: герои круглыми сутками сидели по домашним зонам в режиме боторики и ждали, когда придет хозяин и даст им дело.

Он пробежался глазами по списку имен. Нечего мелочиться – пора спускать Ждода.

Ждод был самым первым из всех созданных в Т’Эрре игровых персонажей, если не считать сонма титанов, богов, полубогов и прочих существ, которые строили мир и никому не принадлежали. У него была собственная домашняя зона: уединенный замок на одной из высочайших гор Т’Эрры. Крепость украшали трофеи, добытые среди руин и дворцов, к завоеванию которых Ждод приложил руку. Он был настолько знаменит, что Ричард не мог вывести его за ворота, не скрыв за многослойной ширмой заклинаний и маскирующих чар, которые служили одной цели: придать Ждоду вид куда менее внушительный и вместе с тем отбивающий любое желание до него докопаться. Даже простейшие из его заклинаний были по силам разве что сотне самых могущественных обитателей Т’Эрры. Ричард написал скрипт, который напускал все эти чары нажатием одной кнопки, иначе на них пришлось бы убить не менее получаса. Каждое заклинание сопровождалось световыми и звуковыми эффектами. Непомерно большие сабвуферы разнесли весть о явлении Ждода по соседним офисам, оттуда полетели текстовые сообщения, и вскоре любопытствующие сотрудники уже толпились в двери – переступить порог духу не хватало, но поглядеть на диво хотелось. Примерно так же ветераны флота стекаются на берег посмотреть, как линкор «Миссури» везут на новую стоянку. При этом военный корабль такого класса вряд ли устоял бы перед огневой мощью Ждода – прямое попадание баллистической ракеты разве что взъерошило бы волосы персонажа (разумеется, белые, как у ветхозаветного Бога). Ричарду всегда хотелось придать ему более радикальный вид, и он не упускал такой возможности, когда Ждод выходил инкогнито. Однако время от времени приходилось показывать истинный облик – например, чтобы убить бога, отвести комету или исполнить какой-нибудь ритуал. Теперь же, по мере того как одно заклинание накладывалось на другое, вызывавшая трепет внешность, а также сияние и грома небесные – глашатаи и предвестники его явления, – таяли и растворялись. Под конец Ждод превратился в нечто вроде пикси – молодую даму слегка эльфийской внешности с темными взъерошенными волосами. К этому времени народ в дверях рассосался, остались лишь те, кто хотел узнать, как выглядит крепость Ждода изнутри.

Для Ждода гравитация была не большей помехой, чем паутина для крыльев архангела. Он мог взлететь прямиком из окна или с балкона, однако Торгайские предгорья находились в шестистах милях – далековато даже для его сверхзвуковых скоростей. Поэтому Ждод спустился к перекрестку силовых линий, лежавшему прямо под горой, и, догадываясь, что в Волынном Ущелье следят за всеми гостями, отправился к другому узлу миль на сто подальше – в большой город на берегах реки, стекавшей с горного хребта над Торгаями. Но и там из-за «REAMDE» царил кавардак: к меняльным лавкам тянулись длинные очереди, а за целебные зелья ломали такую цену, что их пускали с молотка на центральной площади, начиная с

цены раз в десять больше обычной. По дороге к городским воротам к Ждоду несколько раз подступались отряды воинов, полагая, что он (точнее, она – взлохмаченная пикси) несет выкуп в Торгайские предгорья. Говорили они примерно одно и то же: «Даже не вздумай отправляться туда в одиночку. Заплати нам, и мы проводим тебя до нужного места». Ричард быстро от них отделался, сообщив, что его (ее) визит никакого отношения к «REAMDE» не имеет, и при первой возможности сделал своего персонажа невидимым, затем, на случай слежки, суперне-видимым, потом дважды супер– и, наконец, ультраневидимым, поскольку у обычных заклинаний имеются заклинания обратные, причем разной силы. Убедившись, что теперь его (ее) наверняка никто не видит, он взлетел и за несколько минут проделал последнюю сотню миль до Торгаев по воздуху. Там Ричард опустил своего персонажа сначала до верхушек деревьев, затем до предельно малой высоты – разглядеть творившееся внизу.

А уж там творилось так творилось...

Он, конечно, догадывался, чего стоит ждать, но одно дело воображать, и другое – видеть собственными глазами. К тому же теперь такие поездки стали для него вроде как обязанностью. Настоящему директору хватило бы краткого отчета и, возможно, беглого просмотра «Т’Эрранской газеты» за чашкой кофе, однако личный визит – это уже пустая трата непотребно дорогого времени. Между тем почти подразумевалось, что Ричард, основатель и почетный председатель на жалованье, должен посещать места подобных событий примерно как английская королева, которой полагается осматривать с вертолета сошедшие с рельсов поезда.

Главная разница между Ричардом и королевой – его традиционно неприличная реакция.

– Охрененно, – объявил он, глядя с тысячефутовой высоты на усеянный трупами и скелетами луг, где одновременно шли десятка два средневековых сражений. – Да им приплачивать надо – пусть почаще такое устраивают.

– Кому?

– Тем, кто придумал вирус.

– А-а.

– Кстати, что за ребята его создали?

– Неизвестно, – ответил Си-плюс. – Но благодаря твоей племяннице мы знаем, что они из Сямыня.

– Это там, где терракотовые воины?

– Нет, ты путаешь с Сианем.

– И Зула помогла вам их отыскать?

Си-плюс очень удивился:

– Я думал, ты в курсе.

– В курсе чего?

– Ее участия. Она сказала – этот спецпроект ей поручил ты.

Если бы речь шла о ком-то другом, Ричард воскликнул бы: «Что за чушь!» – но дело касалось семьи, и он начал инстинктивно прикрывать Зулу:

– Вероятно, в процессе возникла попутная цель.

– В общем, кроме ай-пи-адреса в Сямыне, у нас больше ничего нет.

Ричард перевел персонажа в режим автоматического парения, снял руки с клавиатуры и откинулся в кресле.

– А есть ли среди тех, кто требует от нас принять меры, полицейские из Китая?

– Объявились одними из первых.

– Тогда мы можем заткнуть им рты...

– ...попросив их узнать, чей это ай-пи. Я согласен – после этого они примолкнут.

– Значит, так и поступим?

– Вряд ли, – ответил Си-плюс. – Потому что тогда придется раскрывать наши внутренние процедуры, а Нолан на такое не согласится.

– Если подумать, Нолан-то прав, – сообразил Ричард. – А я дурак. Ничего не будем говорить китайским властям.

– Прямо так и передать исполнительному директору? – спросил Корваллис, и по его тону стало ясно: на прямой ответ будет прямой отказ.

– Не надо, – махнул рукой Ричард. – У меня и так куча поводов испортить ему настроение.

День 2

Ночью Сямьнь мало отличался от любого другого современного города. Правда, тут все выглядело куда карнавальнее: шоссе освещалось ярко-голубым пунктиром неоновых ламп и коробами, с которых смотрели логотипы как знакомые Зуле, так и совершенно экзотические.

Обоих пилотов высадили возле новенького отеля неподалеку от аэропорта и поехали дальше. Судя по тому, что вода все время оставалась справа, это была кольцевая дорога. Вела она, по-видимому, в самую обжитую часть острова, очень уж смахивавшую на Сиэтл. Справа вдоль моря сплошь тянулись невысокие паромные терминалы, слева – винегрет из едва законченных небоскребов, гостиниц эпохи до экономического чуда, десяти-пятнадцатизэтажных офисных комплексов, будущих стройплощадок, пока занятых парковками, и старых, относительно невысоких кварталчиков, не желавших сдавать позиции.

С кольцевой трассы машины свернули к новым зданиям и через огромные подъемные ворота спустились в паркинг под офисной высоткой. Места здесь еще не были размечены, работало только временное освещение, кругом лежали инструменты и стройматериалы.

Всю дорогу от аэропорта два фургона следовали за черным «мерседесом». Теперь из одной его задней двери вышел китаец, одетый простецки, но сам явно непростой, из другой – Иванов. Китаец вызвал лифт ключ-картой, пропустил внутрь Иванова, семерых спецконсультантов, Зулу, Чонгора, Питера, втиснулся сам, еще раз приложил карту и нажал на кнопку сорок третьего этажа. Всего же в здании их было около пятидесяти.

Ехать в лифте с незнакомцами неуютно даже при самых благополучных обстоятельствах, а в теперешних – тем более. Зула, как и остальные, уставилась на подчеркнута современную панель управления. Выше на электролюминесцентном дисплее мелькали номера этажей, иногда с иероглифами – в такие моменты поставленный женский голос произносил что-то на китайском.

В довольно недурном лифтовом вестибюле со стенами из отполированного, дорогого на вид камня Зула заметила двери в мужской и женский туалеты. Остальное пространство сорок третьего этажа занимали два одинаковых по размеру офисных помещения. Левое – совершенно неотделанное. Пол – голый бетон, потолок (он же изнанка сорок четвертого этажа) – гофрированная сталь с кусками пены. Вдоль потолка на большом расстоянии друг от друга тянулись двойные фермы с решеткой зигзагом. Правое помещение недавно закончили отделывать, но им еще не пользовались. Двойные двери зеркального стекла в зеркальной же стене вели в приемную – совершенно пустую, если не считать стойки. За ней открывалось пространство размером с теннисный корт – очевидно, под офисные клетушки. За стеклянными стенами по периметру тянулись кабинеты – одни побольше, другие поменьше, каждый с окном на улицу. Самый крупный отвели под конференц-зал: там стоял широкий стол с фонтанчиками еще не подсоединенных сетевых кабелей, которые торчали из отверстий в центре. Никакой другой мебели, кроме этого стола, на всем этаже не было. На полу лежал ковер бурого цвета, потолок скрывали звукопоглощающие панели, то тут, то там прореженные светильниками и решетками вентиляции.

Иначе говоря, это была квинтэссенция всех офисных помещений на свете.

– База, – объявил Соколов и жестом показал, что Зула, Питер и Чонгор могут располагаться прямо посреди зала.

Иванов и китаец ушли.

Трое спецконсультантов начали выгружать из фургонов и поднимать на лифте привезенный из аэропорта груз. Передвигались они свободно – каждый имел ключ-карту. Четвертый встал за стойку, не спуская глаз со входа, а когда весь багаж подняли, запер дверь на трос с замком.

Один из спецов сходил в уборную за лифтами и ополоснулся в раковине, потом взял сумку с постелью и личными вещами, зашел в кабинет, разложил спальник, лег и замер. Еще двое, закончив с грузом, поступили так же. Третий, покопавшись в багаже, раздал всем по пухлому черному пакету, в котором оказался военный паек, затем собрал походную плитку и стал греть воду.

Соколов и один из спецов устроили тщательнейшую рекогносцировку: взобрались на стол в конференц-зале, помощник посадил Соколова, и тот стал изучать пространство над подвесным потолком. Каркас из хлипких алюминиевых деталей крепился к капитальному потолку проволокой и точно не выдержал бы человека, однако в соседнем, точно таком же крыле под потолком тянулись фермы – по две толстые тавровые балки в каждой. Между балками зигзагом шли стальные пруты, то есть человек достаточно ловкий сумел бы по ним пролезть, как обезьяна по лианам. Зула, Питер и Чонгор сидели на полу, поглощали паек и слушали лягз из-под потолка. Затем Соколов простучал внутренние стены и, по-видимому, заключил, что те уходят в пол сорок четвертого этажа без зазоров, то есть ни сбежать отсюда, ни пробраться сюда под потолком, как вытворяют в кино, невозможно. Тоже подумав об экранных трюках, Зула посмотрела на вентиляционные отверстия, однако в них не пролез бы даже самый тощий человек.

Удовлетворенный осмотром, Соколов распределил кабинеты. Зуле достался отдельный, Питеру и Чонгору – со спецами.

– Мне надо в уборную, – сообщила Зула.

Соколов изобразил нечто вроде поклона, отвел ее в приемную, велел охраннику снять с дверей замок, первым вошел в туалет, взобрался на стол с раковинами, снял потолочную плитку и огляделся. Видимо, ему не все понравилось – он немного поразмыслил, зашел в одну из кабинок, закрыл за собой дверь, сел на унитаз и сказал:

– Я подожду. Все олрайт.

Зула заняла другую кабинку, и, пока была там, слышала, как Соколов что-то набирает на наладоннике; потом подошла к раковине, сбросила с себя всю одежду и вымылась – бумажные полотенца и мыло ей выдали заранее. Затем (да какого черта – Соколов же закрылся) наклонилась к крану и выдавила на волосы шампунь. Провозилась она довольно долго (споласкивать голову в раковине неудобно), а один раз так и подскочила на месте, услышав мужские голоса, но поняла, что это Соколов переговаривается по рации.

От такого мытья волосы превратятся на утро в «воронье гнездо», однако Зула не видела смысла переживать, хотя по ненужной теперь привычке вообразила, какой выйдет конфуз, если Питер подловит ее с такой прической и выложит фотку в «Фейсбук». Она подумала, сколько же должно пройти времени, прежде чем ее молчание в Сети насторожит друзей, однако быстро поняла, что их тревога ничем ей не поможет.

Вот зачем был тот капюшон. В аэропорту наверняка висели видеокамеры, но даже если друзья и родственники поставят на уши полицию по всему миру, ее лица на записях с камер в Сямыне никто не разглядит.

Зула натянула свежую одежду, почистила зубы, собрала вещи и окликнула:

– Я готова.

Соколов вышел из кабинки, и они вернулись в офисное помещение. Двери за ними тут же заперли. Проходя мимо лифтов, Зула заметила дверь, ведущую, видимо, на пожарную лестницу, и представила, сколько пролетов успеет пробежать, прежде чем ее нагонят спецы, – наверняка их учили прыжкам через перила и прочим неведомым ей техникам быстрого спуска. Теперь она жалела, что не согласилась пойти на курсы паркура в Сиэтле, хотя Питер и предлагал.

Соколов жестом напомнил Зуле, где ее комната, а она, не подумав, брякнула «спасибо».

Огромные окна выходили на сушу, но, если прижаться к стеклу, можно было разглядеть море. Ближайшая высотка стояла всего в полумиле, и Зула прикинула, не привлечь ли к себе внимание, поскакав голый у окна или просемафорив фонариком «SOS». Впрочем, сквозь внутренние стеклянные стены ее бы заметили спецы, которые совсем рядом пили кофе.

Поэтому она решила не играть в детей шпионов, а в самом деле выспаться. И вскоре, к своему удивлению, обнаружила, что ее тербит Питер. Как водится, она понятия не имела, который час, хотя снаружи давно рассвело.

– Через двадцать минут состоится дискашн, – сообщил Питер на ивановский манер.

Зула совершила еще один поход в уборную – по-прежнему под присмотром. Переодеваясь перед зеркалом, она взглянула на себя, и вдруг на нее отчего-то навалилась неодолимая тоска. Зула открыла кран, уперлась локтями в раковину и полминуты прорыдала.

Затем умылась и объявила своему отражению:

– Я готова.

* * *

Соколов много размышлял о сумасшествии – о его сути и причинах, о том, откуда оно берется. И давно ли им страдает Иванов. Свихнулся ли тот окончательно, или на него накатывает периодически. Бывало, Иванов заморгает и оглядится удивленно, почти по-детски, словно его здоровое «я» вдруг очнулось, вернуло контроль над телом и обнаружило, что угодило в неприятности, пока командовало второе, бесповоротно сбрендившее «я».

С другой стороны, Соколов пережил Афганистан и Чечню благодаря своему умению видеть ситуацию глазами противника, а в данном случае это значило влезть в шкуру Иванова. Сменить точку зрения непросто: нужно несколько дней наблюдать, собирать информацию и даже проводить небольшие эксперименты, которые помогают выяснить реакцию объекта. В Чечне подчиненные считали Соколова психом, поскольку тот иногда действовал без явного тактического смысла, желая лишь доказать или опровергнуть свою теорию относительно того, о чем думают чеченцы, чего хотят, чего боятся и что считают нормальным.

Вот это и было самым трудным. Если знаешь, что нормально для врага, остальное элементарно: его можно усыпить нормальными, с его точки зрения, действиями, а внезапно прекратив их – напугать до смерти. Однако «нормальное» для афганцев и чеченцев совсем не то же, что для русских. Даже Соколову с его опытом пришлось попотеть, прежде чем он уловил разницу.

В данном случае вопрос стоял так: нормально ли запустить руку в общак и стянуть личную сумму на частный рейс из Торонто в Сиэтл, а затем в Сямынь, чтобы найти и уничтожить одного-единственного человека (скорее всего подростка), который написал вирус, взял в заложники несколько файлов и потребовал за них семьдесят три доллара?

* * *

Только утром, на свежую голову и под аромат свежего кофе (его на походной печи варили дежурные, которые поднялись в шесть по местному времени), Соколов осознал, насколько крепко вляпался и насколько занятой стала ситуация. Он был удивлен и пристыжен тем, как сильно дал событиям себя опередить, и тем, что в игре в нормальное Иванов его обставил. Сесть в самолет и отправиться делать свою работу – нормальной не придумаешь. Однако Иванов не стал объяснять, как именно они въедут в страну. Пока же подчиненные Соколова совершили убийство в США, а затем нелегально проникли в Китай исключительно с дозволения каких-нибудь местных бандитов или чиновников, с которыми договорился Иванов.

Впрочем, эти бандиты теперь сами зависели от Иванова, поскольку не знали, что он псих; сообразят, кого впустили (семерых бойцов и трех хакеров), – вот тогда станут просыпаться в холодном поту, воображая, какие их ждут последствия, если гости возьмутся за привычные для себя занятия.

Интересно, что он им наболтал? Что хочет ввезти через частный терминал некую ценную контрабанду, притом сразу два фургона? Например, икру или чем там еще можно оправдать аренду частного самолета?

Нет. Проституток. Элитных проституток – скорее всего так он им сказал.

На стене кабинета, где спал Соколов, висела маркерная доска. Он уже собирался встать и набросать на ней схему ситуации (а схема вышла бы непростая), но, к счастью, маркеров не нашлось, да и чертить диаграмму было, пожалуй, не самой умной идеей – лучше держать все в голове. Соколов лежал на полу, втягивал носом запах кофе и разглядывал потолочные плитки. Девять штук – три на три – закрывали почти всю поверхность. Себе он отвел центральную плитку. Получилось так:

<i>Иванов</i>	<i>Китайские партнеры Иванова</i>	<i>Троль</i>
<i>Начальство Соколова</i>	<i>Соколов</i>	<i>Бойцы</i>
<i>Чонгор</i>	<i>Питер</i>	<i>Зула</i>

Окончательный вид таблица приняла не сразу. К примеру, Уоллеса и того компьютерного гения, которого Иванов упоминал в Сиэтле, дядю Зулы, Соколов решил пока за неважностью исключить.

Он стал по очереди оценивать каждую ячейку.

ИВАНОВ:

Соколову очень хотелось залезть в русскую Википедию и почитать об инсультах, а заодно о лекарствах, которые он приметил в личных вещах Иванова. В Китае за Интернетом следит Управление общественной безопасности. Соколов думал, приведет ли его обращение к Википедии (причем не англоязычной) к тому, что местный обовец воткнет в карту красный флажок или найдет современный цифровой способ пометить: «Тут русские». Интересно, сколько русских легально, по визам, находится в Сямыне? Вряд ли много. А раз так, то флажок в необычном районе грозит неприятностями. У сослуживца Соколова по Афганистану, Пал Палыча, в мозгу застрял осколок снаряда. После ранения Пал Палыч вроде бы выздоровел, но сделался другим человеком: немного слетел с катушек, стал несдержанным, – а после одного при- скорбного случая с гранатометом его комиссовали. Соколов подозревал у Иванова гипертонию (посмотреть бы в Интернете названия тех лекарств и окончательно убедиться), которая из-за проблем с общаком только усилилась. Когда после звонка Чонгора стало ясно, что Уоллес хитрит, давление у Иванова подскочило выше обычного, и его, по-видимому, хватил удар – с теми же последствиями, какие ранение имело для бедного Пал Палыча. Весь перелет из Торонто в Сиэтл Иванов проспал. Глядя на него, Соколов видел разбитого, вымотанного человека. Но проснулся Иванов сущим чертом.

КИТАЙСКИЕ ПАРТНЕРЫ ИВАНОВА:

Вероятно, уже не имеют значения, но своей загадочностью заслуживают потолочной плитки. Они организовали въезд двум фургонам и тут же обо всем забыли, вернувшись к

своим делишкам? Или внимательно следят за Ивановым и его компанией и нервничают? Поскольку если эти безымянные, безликие китайцы переживают, поводы для тревоги у них скоро появятся, а если занервничают совсем серьезно, то, вероятно, попробуют убрать и самого Иванова, и тех, кто с ним. Поскольку Соколов не представлял, как Иванов все устроил, ему оставалось лишь следить за тем, чтобы их действия как можно дольше выглядели безобидными. В этом смысле необычность миссии окажется только на руку. Кстати, о миссии.

ТРОЛЬ:

Вообще не о чем беспокоиться. Вероятнее всего, подросток-одиночка, работает дома. Эта плитка скорее для связанных с ним вопросов – например для такого: найдут они Тролля – и что дальше? Или для более неприятного: что делать, если они его не найдут?

НАЧАЛЬСТВО СОКОЛОВА:

Соколов работал в компании, которая предоставляла услуги консультантов по безопасности. У нее была штаб-квартира в Санкт-Петербурге и несколько скромных офисов в Торонто, Нью-Йорке и Лондоне. Фирма жила за счет людей вроде Иванова и, как всякий бизнес, превыше всего ставила довольство клиентов, что на деле означало исполнение любых капризов. На случай работы с больными на голову заказчиками, конечно, следовало бы ввести исключения, однако основатели компании – бывшие офицеры спецназа – перенесли на бизнес привычную им субординацию, культуру и традиции, да и на работу брали таких же военных. На тех, кто действовал поперек воли начальства, смотрели косо. Неподчинение грозило выйти Соколову боком: слишком дорогой ценой он мог узнать, что Иванов вовсе не псих, а исполняет приказ сверху. Раз так, то миссия, какой бы ненормальной ни казалась, важна и напортачить – значит нарваться на крупные неприятности.

СОКОЛОВ:

Он устроился в эту компанию, надеясь, что такая работа окажется проще и легче, чем служба в армии, и до сих пор был прав, но именно по этой причине несколько скучал. Впрочем, теперь никакой скуки Соколов не испытывал – наоборот, переживал тот самый стресс, из-за которого бросил службу. Можно ли вообще найти работу, увлекательную ровно настолько, насколько надо? И можно ли быть нормальным, не становясь ничьей игрушкой?

БОЙЦЫ:

С большинством из них Соколов работал и раньше. Приказы они исполняли профессионально, лишних вопросов не задавали. Правда, ходили слухи, что начальство иногда внедряет в группы своих соглядатаев. Раз так, то нынешнее крайне странное задание наверняка не оставили без присмотра. Соколов собрал своих экстренно и понятия не имел, куда и зачем они отправляются.

ЧОНГОР:

Минимум причин для беспокойства. Венгр явно не рад здесь находиться, но знает правила игры и давно повязан с Ивановым, а значит, будет послушным, пока верит, что выпутается живым.

ПИТЕР:

Соколов мог поклясться: рано или поздно Питер выкинет какой-нибудь фортель и втянет всех в большие неприятности, поскольку считает себя умным и совершенно не думает о других. Самое правильное – пристрелить его прямо сейчас. Правда, избавиться от тела будет непросто, да и Зулу это, вероятно, выбьет из колеи.

ЗУЛА:

Единственный человек, с кем Соколов мог бы продуктивно работать. «Продуктивно» – ключевое слово, означающее, что она способна на действия, которые нельзя вполне предсказать и которые сам Соколов выполнить не сможет.

Зула – проблема еще и в том смысле, что Иванов наверняка захочет ее ликвидировать, хотя во всем этом бардаке если кому и стоило сохранить жизнь, то ей одной. Уничтожать врагов давно было для Соколова и профессией, и привычкой; при этом он знал, что вести себя благородно по отношению ко всем прочим – главный способ не съехать с катушек и остаться человеком и мужчиной. Соколов всегда боялся ситуаций вроде нынешней и до сих пор в них не попадал.

Прихватив кофе, Соколов отправился в конференц-зал, пока тот пустовал, и некоторое время изучал в окно район будущих боевых действий.

С сорок третьего этажа этот город мало отличался от других, разве что толпа на улицах погуще. Здания уже через пару кварталов тонули в смоге и тумане, напоминая рисованные на стекле задники из старых советских фильмов, и потому казались дальше, чем на самом деле. Настоящие размеры города угадывались с трудом. Действовать в жарком влажном климате неудобно: либо много не спрячешь под одеждой, либо ходишь нелепо и подозрительно закутанный. Впрочем, пока дело не дошло до ликвидации Тролля, об этом можно не думать. А судя по разговорам Зулы, Питера и Чонгора в самолете, на поиски уйдет минимум несколько дней.

Здание, где находилась база, стояло по одну сторону шестиполосного шоссе, по другую тянулась береговая линия. Вдоль нее по меньшей мере на километр раскинулась цепь паромных терминалов, выходящих на самый оживленный водоем из всех, какие только видел Соколов. Он изучал карты и знал, что это пролив шириной примерно тысячу метров, отделяющий Сямынь от другого острова. Но воспринимался здешний канал не иначе как река – могучая река вроде Волги или Дуная. Однако, судя по подвижным мосткам, соединявшим доки с терминалами, кругом была поднимающаяся с приливами соленая морская вода. Всюду невероятно плотным потоком шли самые разные суда – от яликов до грузовых кораблей, но чаще всего встречались пузатые пассажирские двухпалубники и совершенно незнакомые Соколову посудины – по-видимому, местные рабочие лошадки: открытые плоскодонки метров десяти в длину с бортами, облепленными старыми покрышками и поднимавшимися над водой едва ли на метр. Ближе к корме у них обязательно имелась кабинка или хотя бы тент, укрывавший двигатель, румпель и рулевого. Местами эти неторопливые суда толпились так тесно, что было непонятно, как они вообще двигаются. Каждое везло свое: пассажиров, бочку смазки, поддон с грузом, закатанный в пластик, или холодильник, набитый льдом и рыбой. Между ними шныряли белые катерки с людьми в ярких спасательных жилетах – скоростные такси для толстосумов. Некоторые шли прямым курсом через пролив к небольшому зеленому острову, на крутых берегах которого виднелись лишь парки да виллы, – район выглядел явно старше и престижнее, чем плотно застроенные и едва различимые в дымке пригороды, тянущиеся к Сямыню со всех сторон.

Вся эта колоритная экзотика не имела прямого отношения к заданию. Соколов стал рассматривать вереницу домов вдоль ближней стороны дороги. Современных, отделанных голубым стеклом небоскребов вроде того, где находилась база, было совсем немного, еще несколько строилось. По меньшей мере половину земель у трассы занимали старые здания с логотипами отелей и западных сетевых ресторанчиков. Прямо внизу стояла высотка этажей в двенадцать с огромным знаком KFC на крыше. Весь подъездной путь к ней оккупировали такси. Соколов решил, что это гостиница, и, по-видимому, не для иностранцев, а для китайских бизнесменов. Она выходила на проезжую площадь с единственным светофорным островком в центре. В

остальном это был гектар сплошного асфальта. С высоты Соколов хорошо видел, что асфальт много раз вскрывали, в земле прокапывали узкие траншеи, укладывали туда кабели и снова закатывали. По площади непрерывным потоком двигались такси, автобусы, скутеры, а время от времени – «лексусы» и «мерседесы». На противоположной стороне стояло изогнутое здание с широким рекламным щитом и красочными снимками фотомоделей и бутылок спиртного. Какие услуги предлагали в офисах, выходявших на перекресток, Соколов не мог даже предположить – на вывесках были одни иероглифы. Архитекторы щедро усеяли крыши антенными мачтами – куда более раскидистыми и кряжистыми, чем требовалось из простых инженерных соображений. Видимо, этих людей учили в Советском Союзе, и они, как полагалось в середине двадцатого века, верили, что дом без радиопередатчика все равно что крейсер без пушек. Технологический смысл конструкций давно позабылся, но сами они сохранились, как в свое время шпильки у церквей. Для миссии антенны не имели никакого значения. Важен был путаный узор асфальтовых заплаток, покрывавший улицы там, где лежали интернет-кабели.

Соколову постоянно попадались баскетбольные площадки. Сверху он заметил сразу четыре штуки – все новенькие и ухоженные.

Тут и там виднелись газончики, на которых люди выполняли медленные заученные движения. Соколов припомнил, что китайцы любят гимнастику.

Неподалеку от пролива километра на два тянулась широкая улица. Вдоль нее стояли магазины с фасадами на западный манер, судя по виду – дорогие. Местность вокруг нее была совершенно ровной, но примерно в километре справа из земли поднимались серые скалы, покрытые сверху зарослями и отдельными купами темно-зеленых кустов и деревьев. Из утесов будто прорастали крутые, опутанные плющом останки древних укреплений, а из них – строения поновее.

Паромные терминалы, небоскребы – уже возведенные или только начатые, высотки старого образца, баскетбольные площадки, торговая улица, скалы – все это было нетипично для города. Три четверти его территории сплошь занимала однообразная тесная застройка – четырех-пятиэтажные дома с синими крышами (интересно, почему синими?), стоящие вдоль дорог настолько узких, что Соколов не видел мостовой. О направлении улиц говорил только узор проемов между крышами. А в тех редких местах, где линия улицы совпадала с линией его взгляда, вместо асфальта Соколову открывалось море голов и машины, тонущие в людском потоке.

Он не сомневался, что Троль живет как раз в таком районе. Соколова интересовало, каково здесь передвигаться и вести бой. Первой мыслью было: «Больше похоже на Грозный, чем на Джалалабад», – хотя это сравнение ничего не давало. Например, он не знал, есть ли в Сямьне подземный транспорт, который мог бы пригодиться при операции.

От мыслей его отвлекло негромкое гудение – кто-то вез чемодан на колесиках. Соколов обернулся. Действительно, со стороны лифтов шел Иванов и катил за собой сумку. Подскочил боец, предложил помощь, но Иванов резко отмахнулся, проследовал напрямик к конференц-залу, затем, не сбавляя ход, вошел в открытую Соколовым дверь и шваркнул сумку на стол.

– Открывайте.

Соколов отстегнул верхний клапан. Сумку распирала розовые купюры.

– Общак, – пошутил Иванов. По крайней мере Соколов надеялся, что он шутит.

В сумке оказались только банкноты по сто юаней – бумажки едко-пурпурных оттенков с портретами молодого Мао Цзэдуна. Все до единой были сложены в пачки разной толщины. Соколов взял пачку потоньше.

– Дурацкая страна, – заметил Иванов. – Это самые крупные купюры. Знаете, сколько такая по курсу? Четырнадцать долларов. А крупнее не печатают – иначе потонули бы в подделках. Так что обменять валюту тут непросто. Лично я уже запарился.

Пачка состояла из девяти банкнот, схваченных десятой.

– Местный аналог ста баксов, – прокомментировал Иванов.

Соколов положил деньги на место, запустил руку поглубже, достал пачку размером с кирпич и вопросительно поднял бровь.

– Тыщцонок десять, – снова перевел в доллары Иванов и значительно поднял палец. – Но помните: деньги в Китае – штука крайне важная.

– И как их носят?

– В сумках.

Соколов положил массивную пачку на место.

– Какие будут указания?

– Ведите хакеров сюда. Путь придумывают, как найти Тролля.

– Это они уже обсудили, – сообщил Соколов. – Хотят выйти в город. «Добывать информацию ножками».

– Они попробуют сбежать?

– Питер – возможно.

– Значит, одного для гарантии надо держать здесь, – предложил Иванов.

– Но не Чонгора. Он им никто.

– Тогда либо Питера, либо Зулу. Что думаете?

– Если взять в заложники Питера, с Зулой проблем не будет, – начал Соколов. – А если наоборот...

– Я так и знал! – Иванов треснул по столу и побагровел. Для него смутное подозрение Соколова, что Питер предаст Зулу, значило не меньше, чем если бы факт предательства сняли на видео и выложили на «Ю-тюб». Иванов был готов сейчас же пристрелить Питера. С одной стороны, Соколов радовался такой вере в его интуицию, с другой – думал, не слишком ли несправедлив к Питеру.

– Это всего лишь мое предположение.

– Нет, вы правы! – настаивал Иванов. – Значит, Питер сидит здесь. Тогда в город идут Зула и Чонгор, а с ними двое ваших людей – и чтоб глаз с них не спускали.

– Прошу разрешения пойти с Зулой и Чонгором самому.

– Почему?

– Потому что я видел город только вот из этого окна.

– Да, хорошая идея. Разведывайте. Увидите даже больше, чем хотите, – уж не сомневайтесь.

Соколов обернулся к стеклянной перегородке – хакеры, как их называл Иванов, стояли снаружи и ждали приказов. Он жестом велел им заходить.

Чонгор, Зула и Питер вошли гуськом и встали с противоположной от Иванова стороны стола, делая вид, будто не замечают набитую деньгами сумку.

– Сон, перелет, опять сон – мы потратили очень много времени, – начал Иванов. – Вы еще не забыли свою задачу?

– Выяснить, кто такой Тролля, – ответил Питер.

Иванов вытаращился на него так, будто услышал страшную грубость. На самом деле, что бы Питер теперь ни сказал – все шло ему во вред.

– Найти ту сволочь, которая меня наебала! – рявкнул Иванов так, что было слышно во Владивостоке.

Его крик звенел у них в ушах еще несколько секунд. Хакеры стояли, втянув головы в плечи.

– Вы должны идти в город и добывать информацию ножками! – объявил Иванов.

Питер мельком взглянул на Соколова.

– На меня смотреть! – гаркнул Иванов.

– Да, сэр, – ответил Питер. – Нам надо проехать, выйти в Интернет из разных районов, посмотреть на ай-пи-адреса...

– И послать мамочке сигнал бедствия?!

Питер с самого начал стоял весь красный, теперь же сделался пунцовым.

– Вы – сидите тут, – приказал Иванов. – Помогаете составлять карту. – Он перевел взгляд на Зулу. – Вы, дорогая Зула, идете в город с Чонгором. Чонгор, прикасаться к компьютеру можно только тебе. – Иванов погрозил ему пальцем. – Никакой почты, «Фейсбука», «Твиттера» или что там еще придумали, о чем я не знаю. Только одно исключение: если надо, Зула может играть в «ТЭрру». Чонгор, Соколов с тебя и Зулы глаз не спустит – поэтому без глупостей.

Зула и Чонгор кивнули.

Иванов показал на Соколова:

– Он будет рядом постоянно, чтобы вы не вляпались в неприятности и не вздумали нарушать правила. Если нарушите – например Зула отойдет поудрить носик и пропадет, – мне придется иметь крайне серьезный разговор с нашим корнем всех зол. – Иванов протянул руки к Питеру и изобразил жест, который вполне определенно означал «задушу». – Всем понятно?

Всем было понятно.

– Вперед, за информацией. – Иванов вытащил из сумки денег сколько схватила рука и толкнул пачки Соколову. – А вы, Питер, вот вы... – Он указал на него пальцем, будто тут были другие Питеры. – Оставайтесь. Поговорим.

Соколов взял деньги, отошел к двери и выпустил Зулу с Чонгором. На Питера никто не глядел – это было почти невыносимо: плечи опущены, весь дрожит, шея сзади пунцовая и в капельках пота. Соколов не без уважения отметил, что Питер еще не обгадился. Есть стандартная грубая шутка о том, как кто-нибудь мочится от страха. Однако Соколов не раз видел, как в случае крайнего стресса люди именно гадят. От того, что человек надул в штаны, ему нет никакой пользы, к тому же это значит, что он потерял над собой элементарный контроль. А вот опорожня кишечник, насыщаешь кровью мозг и большую группу мышц, которая обычно занята второстепенным процессом пищеварения. Если бы Питер наложил в штаны, Соколов понял бы; если бы обмочился, тогда от него действительно стоило бы избавиться. Но ни того ни другого Питер не сделал.

Вскоре будущая экспедиция собралась в приемной с запасами на день и с водой в бутылках. Соколов заметил, как Зула, у которой до сих пор и мускул на лице не дрогнул, с тревогой смотрит сквозь стекло в конференц-зал, где Иванов по-прежнему терроризирует Питера.

Однако что-то изменилось. Иванов по-прежнему размахивал руками, но уже не грозя ударить или придушить – он рубил ладонью по столу, рисовал концентрические круги, тыкал в окно, выхватывал что-то невидимое из воздуха и клал перед собой. Питер кивал и даже время от времени открывал рот.

Ему было интересно.

– Все оллрайт, – сказал Соколов. – Теперь он работает на Иванова.

* * *

Иванов предлагал нанять машину с водителем, но Соколов решил, что поездка на такси познакомит его с городом лучше.

Зула, Чонгор и Соколов спустились на лифте в подземный паркинг и по глухой запасной лестнице вышли наружу. Узкая полоска зелени вдоль здания вела к прибрежному шоссе. Высотку, из которой они только вышли, Соколов сфотографировал на телефон, чтобы на обратном пути показать снимок таксисту. Все трое уже обильно потели, хотя, возможно, это просто влага конденсировалась на коже после прохладного кондиционированного воздуха.

Соколов снял куртку, купленную во Владивостокском аэропорту, и положил в сумку поверх розовых банкнот.

На площади перед отелем, на котором стоял знак KFC, роились таксисты. Они пришли в замешательство и разве только не возмутились тем, как в этом нетуристическом месте словно из воздуха возникли трое иностранцев. У таксистов такая работа – приглядывать за каждой дверью, откуда может выйти потенциальный клиент. Западные туристы, разгуливающие пешком без свиты из местных жителей, – происшествие чрезвычайное, вроде лопнувшего гидранта или взывшей под ухом автомобильной сигнализации. Соколов подумал, что в следующий раз, когда они выйдут через черный ход, по меньшей мере одно такси будет ждать их у двери. И эта перспектива его не порадовала.

Соколов не торопясь, обстоятельно сфотографировал сперва площадь, потом гостиницу. На самом деле он смотрел через видеоискатель на разглядывавших их китайцев.

Собственно шпионом Соколов никогда не был, но перед тем, как ушел в частный бизнес, поднатаскался. Шпионам полагается иметь развитую интуицию и кожей чувствовать внимательные взгляды. Хотя, возможно, все это чушь, рассчитанная на новичков. Иначе ни один западный шпион не выдержал бы в Китае и двух секунд – внутренний сигнал тревоги, причем тревоги ложной, звенел бы не переставая. Даже если выйти на улицу в клоунском наряде со стробоскопом на лбу и устроить пальбу из автомата посреди дороги, не привлечешь столько пристального внимания, сколько привлечет не-китаец, появившийся в людном месте. Соколов даже удивился своей наивности. Он-то думал, никто не обратит на них внимания хотя бы потому, что Сямьню иностранцы давно не в новинку. Ничего подобного. Его, Зулу и Питера не просто заметили – они мгновенно стали местными знаменитостями.

Иванову, который видел город лишь сквозь тонированные стекла автомобиля, не объяснишь, что действовать скрытно здесь вряд ли получится.

– В отель. В Интернет, – скомандовал Соколов.

Они протискивались по краю площади через толпу назойливых таксистов. Сотни прохожих останавливались и, в буквальном смысле раскрыв рты, тарасились на иностранцев. В глаза китайцам Соколов не смотрел – был занят наблюдением и по дороге успел насчитать восемь видеокамер.

По меньшей мере шестеро охранников, разбившись на пары, из трех разных точек контролировали стеклянные двери. Еще дюжины две таксистов, сидя за рулем, не спускали с иностранцев глаз, на случай если те вдруг передумают и вернуться.

Как и следовало ожидать, в отеле останавливались в основном китайцы. Немного помешкав в вестибюле, троица отправилась дальше. Соколов рассчитывал найти кресла, сесть, заказать чай и полистать газету, однако гостевого фойе тут не обнаружилось. Соколову надоело быть центром внимания. Он провел Зулу с Чонгором напрямиком в лифт и нажал кнопку, помеченную «KFC». Через минуту они очутились на крыше. Ресторан еще не работал.

– Есть Wi-Fi, – сообщил Чонгор, глядя на экран наладонника.

– Хорошо. Уходим, – приказал Соколов.

Они спустились, вышли через парадные двери и сели в такси.

– «Хайятт», – попросил Соколов. В городе точно была эта гостиница – там, неподалеку от аэропорта, останавливались пилоты.

– Так, по крайней мере один ай-пи есть, – сказал Чонгор, когда они тронулись с места.

Соколов фотографировал из окна машины. Снимал он в основном гостиницы. Недавнее короткое приключение показало: бизнес-отели на западный манер – единственные места в Сямьне, где можно спокойно появиться, не став новостью номер один на ближайший месяц.

– Этот адрес хоть немного похож на тот, который мы ищем? – спросила Зула.

– Вообще-то очень похож! – ответил Чонгор. – Он от того же провайдера. Толку от этого, конечно, не много.

– Сойдет для начала.

Приехав в «Хайятт», они заказали себе завтрак.

Район аэропорта в последние годы рос как на дрожжах: тут были десятки коммерческих комплексов и международный конференц-центр с огромной прозрачной сферой у входа. Соколов рассчитывал затеряться в безликой пустоте здешних зданий, однако район не имел почти ничего общего с остальным городом: вести поиски Тролля отсюда или из какого-нибудь торгового центра в Торонто – разницы почти никакой.

На каждом столбе висели флажки с портретом местного героя Чжэна Чэнгуна; похожее полотнище прикрывало фасад нового конференц-центра. Видимо, картинка служила эмблемой форума, на который как раз и слетелись все те частные самолеты. Похоже, тут обсуждали, как подлатать отношения Тайваня с материковым Китаем.

В «Хайятте» за омлетом Соколов попросил Чонгора, который уже подцепился к Wi-Fi, погуглить, какие в городе есть четырех- и пятизвездочные гостиницы. Чонгор не только нашел список, но и распечатал его удаленно на местном принтере. Бумажку вскоре принесли на подносе.

Они вышли, снова взяли такси. Соколов показал водителю адрес из распечатки. Их привезли обратно в центр города, но поближе к морю. Устроившись в вестибюле, Чонгор подключился к Интернету. Соколов стал наблюдать, как постояльцы общаются с портье.

Потом было еще восемь точно таких же поездок в восемь разных отелей.

Далеко за полдень они вернулись в гостиницу, где приметили самую толковую консьержку – девушку, превосходно говорившую по-английски и, судя по всему, очень любившую свою работу. Соколов велел Зуле поговорить с ней и объяснить, что она, Зула, вместе с друзьями хотела бы прокатиться по городу, посмотреть на нетуристические районы, а то и заглянуть на рынок-другой.

Консьержка отвела их к таксисту и все ему подробно объяснила. Соколов, Зула и Чонгор втиснулись на заднее сиденье. Водитель предложил Соколову сесть вперед, но тот решил остаться за тонированными стеклами.

До сих пор они видели только современные коммерческие районы, однако не прошло и двадцати секунд, как такси очутилось посреди как раз такого старого кварталчика, какой Соколов хотел изучить повнимательнее.

Чонгор сидел с раскрытым ноутбуком и следил за Wi-Fi-сетями. Большинство было под паролем, но иногда попадались открытые. Тогда он записывал их ай-пи-адреса. Зула, взяв у него телефон со встроенным GPS, помечала координаты. В Нью-Йорке или в другом городе, где дороги проложены ровной решеткой, это не понадобилось бы, но в Сямыне иначе просто не вышло бы связать точки доступа с фактическим местом.

Когда такси двигалось заметно быстрее пешеходов, Чонгор не успевал подключаться к точкам Wi-Fi. Впрочем, происходило такое редко. Едва на дороге появлялось свободное место, его тут же занимал какой-нибудь тощий китаец в конической шляпе, тянувший за собой двухколесную тележку. И таких кругом было полно – похоже, они владели монополией на перевозку любых грузов весом до тонны и уступали дорогу, только если долго им сигналить.

Покатав пассажиров минут двадцать, таксист позвонил кому-то и протянул трубку Зуле. Та взяла телефон, опасливо взглянув на Соколова.

Потом она улыбнулась, отвела мобильник чуть в сторону и пояснила:

– Консьержка. Спрашивает, довольны ли мы поездкой и какие покупки нас интересуют.

– Тут мужики ходят с сумками вроде женских. Хочу такую, – сказал Соколов.

Зула передала его слова, вернула трубку таксисту, тот некоторое время слушал, потом отложил телефон и развернул машину. Спустя десять минут они подъехали к магазину с витриной, доверху заставленной кожгалантереей. Соколов и Зула вышли, а Чонгор остался в такси.

Как и следовало ожидать, их появление оказалось здесь самым выдающимся событием с тех пор, как Чжэн Чэнгун прогнал голландских пиратов. Соколов и Зула, покупавшие сумку, приковали к себе внимание обширной компании изумленных соседей, стариков (владельцы лавки экстренно вызвали по телефону с верхних этажей свою родню), случайных прохожих, потрясенных возчиков и профессиональных нищих, которые внимательно следили за каждым жестом гостей, обсуждали их и находили забавное в таких незначительных деталях, что нельзя было понять, над чем именно они потешаются. Соколов быстро выбрал кожаную сумку, где легко поместилось бы несколько денежных «кирпичей» да еще осталось бы место для патронов и пары свето-шумовых гранат. Он уже собрался выложить названную сумму, как вдруг вмешалась Зула и предложила цену ниже. Оказалось, она отлично торгуется: не закатывая скандала, доброжелательно, но очень настойчиво Зула убеждала хозяина лавки, что тот просит слишком много. У Соколова появились тридцать свободных секунд, чтобы оглядеться.

Дома здесь были каменные, покрытые известкой. Из чего именно их строили: из бетонных плит, кирпича или блоков, – не важно. Суть в том, что зарядами с низкой начальной скоростью или дробью такие стены не пробьешь и плечом не проломишь. Горят они плохо. В зависимости от арматуры (а Соколов подозревал, что строители неплохо на ней сэкономили) такие строения – в отличие от укрепленных деревянным или стальным каркасом – часто рушились в экстремальных условиях, которые обычно возникали, когда за дело брались люди вроде Соколова. Дома – четырех- и пятиэтажные, то есть лифтов в них нет, а верхние этажи, вероятно, сдаются беднякам, на европейский манер. На нижних, как правило, магазины, выше – офисы (на главных улицах) или квартиры. Почти у всех квартир – балкончики, правда, сплошь в стальных решетках даже на верхних этажах. Видимо, домовники забираются и с земли, и с крыш. Удобные решетки – по ним можно будет влезть наверх, если двери окажутся заперты, или спуститься, если на лестнице произойдет возгорание или ее займет вооруженный противник. Тут пригодятся веревки. С другой стороны, когда они не пригождались?

Улицы встречались разные: шириной от метра (пешеходные) до восьми (полностью проезжие).

Все провода шли снаружи, причем совершенно хаотично. Местами через дорогу тянулись связки толщиной с человеческое тело. По-видимому, начиналось все с одного провода, который со временем обрастал другими.

– Договорились. Сто. – Зула смотрела на Соколова. Продавец тоже.

Соколов достал тонкую пачку денег, вытянул из нее купюру, протянул торговцу. Теперь сумка была его. Публика начала расходиться. Представление закончилось.

Сидя в такси, Соколов сказал:

– Повторим операцию. Купи что-нибудь еще.

– Например?

– Не важно.

– Может, чай? Его тут везде продают.

– Значит, чай.

– Заварочный чайник?..

– Да.

– Еще мне надо заглянуть в аптеку.

– Зачем?

– Затем, что я девушка.

– Хорошо. В аптеку. Повторим операцию.

Они повторили, и не раз. У маленькой энергичной женщины Зула купила чай, у старушки в переулке – чайный сервиз. Все шло ровно, Соколов даже немного расслаблялся, стоя у открытых прилавков, пока Зула торговалась. Работал в основном Чонгор, который постоянно сообщал о новых данных; Соколов же за последний час не узнал ничего сверх того, что выяс-

нил в первые десять минут. Кварталы мало отличались друг от друга, но заблудиться тут не составило бы труда – найти дорогу сумел бы только абориген. Солнце сквозь дымку просматривалось плохо – ориентация по небу отпадала.

Соколов велел таксисту отвезти их обратно в отель, где вручил консьержке тонкую пачку банкнот.

На базу возвращались вдоль берега. Соколов наблюдал за парами, Чонгор прочесывал эфир в залах ожидания и закусовых. Впереди замаячил знак KFC, и Соколов предупредил базу о возвращении. Когда они подходили к зданию, им уже открыли ворота.

– Родные стены, – сказала Зула.

* * *

Родные стены немного изменились: на базу привезли несколько ярко-розовых пластиковых стульев. Питер сидел за компьютером, от которого, как от любой новенькой электроники, исходил аммиачный запах. Судя по всему, доступ в Интернет ему открыли.

– Я договорился с Ивановым, – объяснил Питер, когда Зула вернулась после очередной водной процедуры, прихватив по дороге кусок пиццы («Пицца Хат», где работала доставка, находилась сравнительно недалеко). – У него в Москве есть доверенный сисадмин. Меня подключили к его частной закрытой сети, и он следит, куда я хожу и не посылаю ли сигналов о помощи.

С одной стороны, Зула оценила ловкий ход Иванова, с другой – согласие Питера ее неприятно удивило, хотя вид он имел, конечно, пристыженный. Питер поспешил объясниться:

– Без Интернета у нас совершенно связаны руки. Даже в гуглокарты не зайдешь. А так я неплохо продвинулся.

– Неплохо – это как?

– Ну, например, скачал исполняемый файл «REAMDE» из одного блога и попробовал декомпилировать.

– Удалось? – Зула не могла не подыграть – Питера так и распирало от гордости.

– Я боялся, что по коду прошлись обфускатором, но нет.

– Не поняла.

– Иногда текст программы специально запутывают, чтобы его труднее было восстановить, но авторы «REAMDE» этого не сделали, и мне удалось получить довольно читаемый исходный код. Потом я отыскал нетипичные последовательности символов и погуглил их.

– Ты хотел выяснить, делал ли кто-нибудь так же до тебя и, если да, не выкладывал ли результаты.

– Именно. И обнаружилась странная вещь. На одном форуме кто-то действительно загрузил очень похожий декомпилированный код. Но только не из «REAMDE», а из одного старого вируса под названием «CALCULATOR», который натворил дел года три назад.

– Ясно. То есть ты думаешь, что создатели «REAMDE» использовали часть кода этого «Калькулятора».

– Определенно. Такое никак не могло произойти случайно. А самое интересное: исходного кода «Калькулятора» нигде нет – его никогда не публиковали.

– То есть не могло быть так, что Троль скачал исходники «Калькулятора» и включил в «REAMDE», – догадалась Зула. Питер довольно кивнул, и она продолжила: – Оба вируса написали одни и те же люди.

– По крайней мере те, что знают друг друга и обмениваются файлами.

– А откуда очевидный вопрос...

– Что нам известно об авторах «Калькулятора», – подхватил Питер. – Он навредил гораздо сильнее «REAMDE», потому что заражал компьютеры всех, кто пользовался «Аутлу-

ком», а «REAMDE» опасен только самым заядлым игрокам в «Т'Эрру». Примерно неделю все стояли на ушах из-за этого «Калькулятора», спецслужбы кинулись искать его авторов. А те насчет заметания следов по сравнению с Троллем просто дети. В итоге их нашли – в Маниле.

– Хм. Неожиданно.

– Да. Мы тут копаемся в Сямыне, и вдруг – Манила. При этом есть два момента. Во-первых, двоих-троих из той группы, конечно, поймали и отдали под суд. Только все знают, что остальных – большинство – так и не вычислили. А во-вторых, многие жители Филиппин – этнические китайцы, и в Китае у них есть родственники.

– То есть Тролль, по-видимому, китаец, живет в Сямыне, и у него есть родственники в Маниле...

– И это объясняет, как исходный код оказался здесь и попал в «REAMDE».

Все это время Зула поглядывала вокруг: Чонгор уединился в одном из офисов и вбивал в ноутбук сегодняшние данные; в конференц-зале Соколов давал отчет Иванову; двое спецов спали; двое резались в игровую приставку; еще двое несли вахту. При этом все бодрствовавшие русские время от времени с любопытством посматривали на Зулу и Питера – и по жестам, по выражению лиц, по-видимому, догадывались, что те решают задачу, и не безуспешно.

А это, напоминала себе Зула, главное. Их задача не ловить Тролля, а убеждать Иванова, что они продвигаются в поисках, самим же тем временем как можно дольше водить его за нос и придумывать, как выкрутиться.

Впрочем, не *их* задача, а *ее*. Питер никак не проявлял свою заинтересованность в победе – слишком уж увлекся охотой на Тролля.

Питер верил, что, если они схватят Тролля, Иванов смилостивится.

Возможно, Питер прав. Возможно, у Иванова такой метод убеждать людей на него работать.

А возможно, так он добивается послушания у тех, кто ему пока нужен, а потом их убивает.

– Что дальше? – поинтересовалась Зула. – Как поступим с этой информацией?

– Я вот подумал: раз у нас есть самолет, можно слетать в Манилу, найти кого-нибудь из авторов «Калькулятора», поспрашивать.

Со словами «найти» и «спрашивать» у Зулы теперь ассоциировались только Уоллес и рулон полиэтилена. Интересно, Питер имел в виду именно такие расспросы? Или он в самом деле считает, что манильские хакеры вот так запросто сдадут своих сямыньских родственников? Ей не хотелось задавать Питеру этот трудный вопрос, чтобы не узнать лишнее о человеке, с которым когда-то спала.

– Иванов решит, что мы действуем наугад. А он предпочитает более конкретные действия.

Питер не почувствовал сарказма.

– Еще можно поискать здесь квартал, где живут филиппинцы. Есть же у них в Сизтле свои лавки и парикмахерские – вдруг и тут тоже.

В отличие от Питера Зула видела Сямынь своими глазами и понимала, что это ничего не даст, но промолчала.

– Иванов уже в курсе?

– Я докладываю ему о ходе работ.

Такая формулировка Зуле не понравилась.

– А о возможной связи с Манилой он знает?

– Пока нет.

– Тогда хорошо бы подать ее как повод для дополнительной вылазки в город. Это бы нам помогло.

– Чем это вам поможет?

– *Нам*, – повторила Зула.

Ей очень захотелось убить Питера. Она понимала, что это желание пройдет... а потом снова вернется.

– Да делай со своей информацией что хочешь, – сказала она и вышла.

* * *

– Вы с ума сошли?

Соколов опешил. В сумасшествии его обвинял не кто-нибудь, а Иванов. Неожиданно. Соколов даже не нашелся с ответом.

Он рассказывал о том, что было днем: поначалу кратко (как правило, начальству нужен сжатый отчет), – однако Иванов потребовал детального доклада. После пары уточняющих вопросов Соколов стал излагать события подробно. Иванов внимательно выслушал историю о консержке, о туре по магазинам и о походе вдоль берега.

Соколов привык к начальственным разносам, поэтому, договорив, стал ждать.

Иванов хохотнул.

– Да мне плевать, из какой дряни сделаны стены. Плевать, пробьет ли их дробь-четверка и как лучше покинуть дом в случае отступления. Что творится у вас в башке? По-вашему, тут идет битва за Грозный? Так вот – это не битва за Грозный! Все очень просто: надо отыскать Тролля, пойти к нему домой, вломиться в квартиру и приволочь ко мне.

Соколов молчал.

– Я что – не того нанял?

– Вероятно, – ответил Соколов. – Ребята из Сиэтла – те, которые разобрались с Уоллесом, – вот они лучше подошли бы для такой работы.

– Знаете, тех ребят из Сиэтла здесь нет!!! – Иванов начал фразу спокойно, а закончил ревом, от которого детонировала бы взрывчатка. – Вместо них у меня вы!!! А обходитесь вы очень недешево!

Соколов хотел напомнить, что он и его команда – консультанты по безопасности, а Иванов дает им задания по меньшей мере странные, однако не стал – от его слов настроение Иванова вряд ли улучшится.

– И еще – какого черта вы поперлись вдоль берега? Решили, что Тролля живет в паромном терминале?

– Я проводил разведку. Исследовал зону операции.

Иванов немного помешкал.

– Ваша зона операции – там, где живет Тролля. А живет он не в терминале.

Соколов промолчал.

– Я, может, чего-то не понимаю? Объясните ход своих мыслей, – потребовал Иванов.

– Возможности для маневра тут почти нет. – Соколов кивнул в сторону окна. – Сами посмотрите: все застроено. А вода – совсем другое дело. Да, там тоже тесно, но это единственный вариант, если придется...

– Придется что?

– Отступить. Импровизировать. Проявлять изобретательность.

С полминуты Иванов, собрав все силы, молча боролся с приступом ярости.

Соколова совершенно не волновало, что произойдет, если тот все-таки сорвется. Сейчас его куда больше беспокоила кровеносная система своего начальника. Во время похода по гостиницам Соколов улучил момент, вышел в Интернет и убедился, что препараты, которые принимает Иванов, действительно от давления.

Если, конечно, таблетки не лежат в сумке без дела.

Соколова тревожило, что у Иванова, пока тот перебарывает свою ярость, давление становится как в глубоководных нефтяных скважинах. И что сгустки крови попадают ему прямо в мозг.

Если Иванов умрет, как они выберутся из этой страны?

Соколов глубоко задумался и даже забыл, что Иванов еще жив и стоит рядом.

– Ваше дело, – предельно спокойно сказал наконец Иванов, – не проявлять изобретательность. Никаких отступлений не будет. Импровизаций – тоже.

– Я понимаю. Но ознакомиться с территорией и подготовить запасной план всего лишь обычная практика.

Этот уместный довод растревожил Иванова, как никакие другие слова за все время беседы. И дело даже не в том, что он не видел смысла в запасном плане. Иванова стали мучить подозрения – он решил, что Соколов хитрит.

Однако и теперь Соколов не отказывался от тактики маневров и отступлений. Он пожал плечами, будто упомянул запасной план исключительно к слову, и сказал:

– Кстати, есть идея.

– Какая?

Соколов отошел к окну и взглянул на береговую линию. Было только семь вечера. Тысячные толпы шли через двери паромных терминалов в обоих направлениях. Иванов встал рядом с Соколовым, попытался угадать, куда тот смотрит, но быстро потерял терпение.

– Ну?

– Сейчас ни одного нет. Их вообще не так много по сравнению с обычными пассажирами.

– Кого?

– Рыбаков.

– У рыбаков отдельный терминал, – прорычал Иванов.

– Нет, я не о профессиональных рыбаках, а о любителях. Они мне сегодня попадались. Обычные китайцы, пенсионеры. Возвращались с рыбалки. Ездили на весь день – видимо, на один из вон тех островков. – Тут Соколов посмотрел Иванову в глаза. – У них забавные шапки.

– Видел я их – обычные конические шляпы.

– Нет, не эти. У рыбаков – крупные головные уборы из светлой ткани: спереди большие козырьки, по бокам и сзади – полы до плеч. Арабы надевают что-то подобное во время песчаных бурь. Голова и лицо почти полностью скрыты, особенно если нацепить большие солнечные очки.

– Они же весь день на солнце, – сообразил Иванов. – А с зонтиком в руках рыбачить неудобно.

– Да. Кроме того, они носят удочки вот в такенных чехлах, – развел руки на метр Соколов, – а в чехлах есть отделение для катушки.

Иванов немного успокоился и стал кивать.

– Более того, у них всегда с собой сумки-холодильники.

– Превосходно, – сказал Иванов.

– На рыбаков никто не обращает внимания.

– Конечно, – согласился Иванов. – Мы же с вами не замечаем стариков с удочками где-нибудь на мосту в Москве.

– Они ходят поодиночке, но, бывает, собираются вместе, нанимают лодку и едут на прикормленное место.

– Понятно.

– Ну так вот. Весь день в рыбацких костюмах не походишь – в нас обязательно распознают не-китайцев. Но весь день и не надо – достаточно пройти от машины до здания или полквартиры по улице, так чтобы все местные придурки в радиусе километра не кинулись снимать нас на телефоны и звонить маме.

– Очень хорошо, очень хорошо, – кивал Иванов.

Соколов не стал упоминать, что не замечают здесь еще кое-кого: нищих, которые лежат на тротуарах в самых людных местах.

– Составим план, – объявил Иванов. – Один-единственный план. И он сработает.

Запасных вариантов не будет.

– Так точно.

– Зовите остальных, – приказал Иванов. – Все обсудим, подготовимся к завтрашнему дню.

* * *

Все они – основатели, директора, инженеры, сценаристы, трудяги из отдела зауми – пытались понять, чем в будущем аукнется ЦП – цветопередел. Понятно, что пока эта война приносит прибыль, однако всех страшно напрягал вопрос, надолго ли это. Деньги зарабатывались и до нее, когда события в Т’Эрре развивались по осмысленному сюжету. Теперь же игра потеряла цельность и связность, для поддержания которой Корпорация нанимала скелеторов и дэ-квадратов.

С тех пор как начался ЦП, разговоры на совещаниях топтались на одном месте, и смысла в них стало еще меньше, чем обычно. В основном все сводилось к догадкам на тему: «Что происходит в голове у Девина Скрелина?» Уж не на его ли совести ЦП? Если да и войну устроил он, следует ли обвинить его в нарушении контракта? Или рассчитывать на него и дальше – авось выкрутится? В таком случае выходило, что Скелетор ловко подкинул себе еще работы. Или тектонические историко-культурные подвижки оказались ему не по зубам? Тогда не уволить ли его и не нанять ли кого-нибудь из тысяч молодых писателей – честолюбивых, энергичных, образованных, которые ждут не дождутся его места?

Те собрания, как правило, начинались с бодрых презентаций в «Пауэрпойнте» и постепенно уходили в полуфилософский обмен менеджерскими афоризмами, заседатели все чаще посматривали на Ричарда, и в их глазах читалось «спасите-помогите!». Дело в том, что, по сути, Корпорация-9592 ничего не производила, как, например, сталеплавильный завод. И не продавала, как «Амазон». Она лишь обращала в деньги желание игроков владеть виртуальными товарами, а товары поднимали статус вымышленных персонажей, игравших более или менее важную роль в событиях Т’Эрры. При этом в Корпорации все догадывались, хотя и не могли доказать, что для их бизнеса хороший игровой сюжет – как доменная печь для сталеплавильного завода. Правда, если у вас завод, то инвестора, нахлобучив на него каску, можно отвести в цех и показать ему печь. А фэнтезийный мир – это фэнтезийный мир. Что, впрочем, не мешало инвесторам вкладывать в Корпорацию-9592 капиталы, которых хватило бы на несколько заводов, и платить специально нанятым директорам, чтобы те присматривали, как идут дела. В обычные времена прибыль шла и все радовались жизни, не переживая по поводу рисков, связанных с фэнтезийной стороной бизнеса, однако теперь призадумались; и чем крепче думали, тем больше серьезнели. Похоже, развитие Корпорации-9592 двинулось в обратном направлении и она опять стала больше похожа на стартап. А Ричард был единственным, кто знал ее на начальном этапе и кто умел мыслить и действовать в тех условиях. Он был бешеным псом, которого почти никогда не выпускают из подвала. Почти.

И вот теперь он летел в самолете над Монтаной. Плутон сидел с другой стороны прохода лицом к нему и разглядывал восточные склоны Скалистых гор, как водопроводчик разглядывает сплетение труб. Не то чтобы от Плутона много пользы в смысле придумывания сюжета, но присутствие одного из богов-олимпийцев Ричарда успокаивало. Оно напоминало, что существуют более базовые принципы, чем те, за которые отвечает Девин Скрелин. Плутон воспринимал сюжетную динамику как доброкачественную опухоль, возникшую на его трудах, –

нечто вроде микробов на марсианских метеоритах. Ричард догадывался: в случае чего Плутон сумеет сначала вызвать планетарную катастрофу, которая уничтожит все живое на поверхности Т'Эрры, а затем начать ее историю с нуля. Впрочем, через совет директоров такую идею вряд ли протолкнешь.

Хватит мечтать о пустом. Ричард заставил себя вчитаться в книгу Скрелина, которая лежала у него на коленях.

Подъемный мост, обглоданный жадными языками пламени, опасно содрогался под тяжелой поступью крупного Кар'дока. Когти чудища впились в рассыпающиеся обугленные доски словно нож в масло. Оно глянуло вниз сквозь клубы дыма, раскрашенного пестрыми сполохами зловещего огня в жаркие оттенки ал'казьянского шелка, разверзло тонкогубую серебристую пасть и заклацало ядоносными зубами. С трудом удерживаясь на ногах в волнах жара, опалевших плоть подобно горнилу, лорд Кандадор отдал приказ отступить, понимая, что его верные гвардейцы обоего пола страдают от еще больших мук, чем он сам, однако безропотно и не выказав ни малейшего страха сложат свои головы. Как только слова вырвались из пересохшего горла Кандадора, юный герольд Галтиморн поднял к кровоточащим растрескавшимся губам сияющий Горн Ифтаря и протрубил отступление. Первые ноты скорбной мелодии вознеслись над бранным полем и тут же оборвались. Кандадор обернулся и увидел, как Галтиморн рухнул на дымящиеся доски моста будто марионетка, которой перерезали нити. Из груди его торчала толстая железная стрела. Расслышала ли рать сигнал к отступлению? Прокатившаяся по войску волна, которая скорее ощущалась, нежели была видна глазу, говорила, что войско услышало. Переложив двуручный гламнир в правую руку, лорд Кандадор потянулся вперед, могучим рывком взвалил раненого герольда себе на спину и вскричал:

– В цитадель!

Краем глаза он заметил внезапно возникшего рядом призрака и, казалось бы, небрежным взмахом кровожадного меча снес твари голову.

Этот текст (Том одиннадцатый истории Т'Эрры: «Хроники раскола. Забытое колдовство») и многие ему подобные были детальным изложением т'эрранской мифологии, набросанной на салфетке доном Дональдом после пятичасового ужина с возлияниями в компании Ричарда и Плутона. То время Ричард теперь втайне вспоминал как старые добрые деньки.

Предполагалось, что для начала он лишь познакомится с Дэ-Квадратом, а все серьезные разговоры отложит на потом, однако спустя две пинты Дэ-Квадрат разогнал так, что мало не показалось. Это следовало предвидеть, но в то время Ричард не представлял, как работают люди вроде донна Дональда и Девина Скрелина. Он считал их кем-то вроде инженеров, с которыми нужно постоянно проводить совещания, излагать им задание в виде презентаций в «Пауэрпойнте», устраивать обзорные встречи, долго и нудно обсуждать контракт, прежде чем они всерьез возьмутся за дело.

Из аэропорта Сиэтл-Такома Ричард повез донна Дональда в отель, полагая, что гость захочет денек отдохнуть и привыкнуть к разнице во времени, однако с гостиничной стоянки они отправились перекусить, в баре Дэ-Квадрат заметил краники с пивом и разохотился на пинту, за которой Ричард и изложил ему идею игры. За второй порцией дон Дональд, не обнаруживая ни малейших признаков опьянения или усталости от перелета, вцепился в самое, на его взгляд, интересное – в программу, которая генерирует ландшафт, – и стал расспрашивать о таких тонкостях, что Ричарду пришлось сначала названивать Плутону, а потом отправлять за ним такси. Третью пинту посвятили знакомству (правда, Плутонпил газировку). После небольшой паузы

(«С вашего дозволения я отлучусь в ватерклозет») дон Дональд под четвертую и пятую пинты обрушил на Ричарда с Плутоном целую космогонию, да так, словно давно ее придумал и с тех пор носил в кармане, на случай если кому-нибудь пригодится.

Во время первой части этого мастер-класса (да как ни назови речь Дэ-Квадрата) Ричарду, несколько сбитою с толку, казалось, что тот излагает сюжет одной из своих книг, но дон оперировал вещами, которые узнал о Т'Эрре десять минут назад, и челюсть Ричарда отвисала все сильнее, по мере того как он понимал, что Дэ-Квадрат придумывает на ходу. Просто берет из головы. Прямо сейчас. В 12.38 он еще стоял в очереди и ждал, когда его сетчатку сосканирует служба нацбезопасности, а в 14.24 уже хлестал пиво в гостиничном ресторане и выполнял свою работу. Ту самую работу, за которую ему платили. Вернее, собирались заплатить – контрактов еще никто не подписывал.

Фонтанируя идеями, Дональд Кэмерон умудрялся тут же устраивать их критический разбор.

– Нельзя не заметить, что сюжеты многих, если не почти всех, произведений в жанре фэнтези выстроены вокруг предметов – как правило, древних, эзотерических, наделенных сверхъестественными свойствами. Толкиновские кольца – самый яркий тому пример.

Ричард, на мгновение спрятав лицо за бокалом, попробовал угадать, что значит «эзотерический», и, в общем, не ошибся. Затем согласно кивнул.

– Почти всегда присутствует связь хтонического свойства. Предмет, наделенный сверхъестественными силами, имеет, как правило, ископаемое происхождение: скажем, золото, добытое из особой жилы, необычайно редкий драгоценный камень или меч, выкованный из метеоритного железа. Я лишь описываю варианты из дешевого читива, – прибавил Дэ-Квадрат, пренебрежительно махнув рукой. – Однако широкая популярность того же Девина Скрелина свидетельствует: такие вещи увлекают публику, воздействуя на древнейшие отделы мозга, даже если кору уже мутит от подобных историй.

– Что еще за Девин Скрелин? – поинтересовался Ричард.

– Один мой коллега по цеху, прославившийся исключительным объемом своего, как вы это называете, конечного продукта.

Осторожно покачивая бокал и разглядывая пиво, Ричард подумал, сколько же надо написать, чтобы Дональд Кэмерон назвал тебя исключительно плодовитым автором.

– Вы упомянули ископаемые, – угрюмо заметил Плутон, несколько обиженный отходом от темы.

– Именно. Осмелюсь сказать, что это архетип. – Дэ-Квадрат отпил. – О его происхождении остается только гадать. Почему змея – архетип? Потому что змеи жалили наших предков на протяжении миллионов лет. За это время в процессе естественного отбора страх вполне успел впитаться в подкорку. – Он снова сделал глоток и пожал плечами. – Гоминиды изготавливали каменные орудия задолго до гомо сапиенс. Они наверняка заметили, что из одних камней инструменты получаются лучше, чем из других.

– Гранит ломается неровно, – подхватил Плутон. – Размер зерна...

– Даже троглодиты обратили внимание, что из некоторых пород выходит удивительно добротное оружие.

– Не «даже», а именно они в первую очередь, – поправил Плутон.

– Для них это было таким же естественным фактом, как и то, что змеи жалят. Не настолько древним, конечно, но достаточно старым, чтобы сыграть свою роль в процессе отбора, который привел к возникновению сознания. И культуры. И, в самых общих чертах, литературы.

Ричард слушал и не мог нарадоваться. Он сидел на самой безумной деловой встрече в своей жизни (как бы широко ни понимался термин «деловая») и видел, что это хорошо.

– А главное, принцип работает, – продолжал дон Дональд. – Вставьте в историю волшебный камень, и читатель – ваш. Пользоваться таким методом можно без зазрений совести. Искусно или бездарно – зависит от вкуса и таланта автора. Надо сказать, Толкин был совершенно прав, положив этот принцип в основу истории о добре и зле. Магический предмет из ископаемого материала – теперь это целая технология. Его наделяет силой некто владеющий колдовскими знаниями. Лишить предмет силы можно лишь с помощью определенных геологических процессов, а те и древнее, и мощнее явлений культурных.

Дон Дональд явно привык вещать на аудиторию, чья единственная реакция на его речи – восхищенные кивки и запись под диктовку. Между постулатами он почти не оставлял пауз для вопросов. В данном случае очень кстати – Ричард мог не отвлекаться от пива.

– Если я верно уловил суть, то ваша технология позволяет управлять геологией, а она в вашем мире куда более продвинута, чем у конкурентов. В таком случае на этом явно следует сыграть: создать либо сами предметы, либо условия, при которых могут появляться эти самые магические объекты природного происхождения.

– МОППы, – сократил Плутон.

Дэ-Квадрат непонимающе заморгал, потом сообразил.

– Для гиков клевое сокращение важнее, чем то, что оно обозначает, – пояснил Ричард.

– В таком случае я готов предложить свои услуги, – сказал Дэ-Квадрат. – На геологическом основании я возведу историю, кхм, культур. А в них будут ремесленники, металлурги, геммологи и прочие умельцы, создающие, как их, МОППы, которые и станут ключевым элементом игры.

– Я тут на днях размышлял о создании Луны, – вставил Плутон.

– Будь добр, поясни, – попросил Ричард. – Потому что мы ничего не поняли.

– Есть такая теория: Луна появилась, когда Землю по касательной задел некий объект размером почти с планету. Куда он пропал, никто не знает. – Плутон пожал плечами. – Вообще странно: если это такое большое тело, то оно не улетело бы далеко и кружило бы вокруг Солнца. Я подумал: а если оно вернулось и упало на Землю?

– И что? – спросил Ричард.

– Тогда получается странная вещь. – Плутон показал в окно на небо. – Там – кусок Земли. Оторванный. Раз и навсегда. – Потом показал под ноги. – А тут – чужеродная материя. Неземная. Остатки того, что по нам шаргнуло.

Ричард опасался, что Дэ-Квадрат ничего не поймет в Плутоновой зауми и выйдет долгая нудная беседа ни о чем. Однако в компании лохматого аляскинского демиурга Кэмерон чувствовал себя прекрасно – видимо, потому, что у себя в Кембридже привык жить бок о бок с нердами высшей пробы. То ли его действительно восхитила идея Плутона, то ли он старательно изображал увлеченность – не важно.

– Вы полагаете, этот планетоид так и лежит себе под землей совершенно нетронутый?

– В целом – да. Потоки магмы могли расплавить и разнести какую-то часть его вещества, однако оно не растворилось и вышло на поверхность Т’Эрры в виде особых руд.

– Разумеется! А цивилизации, возникшие на поверхности планеты и не имеющие представления о геологии, обнаружили особые свойства этих руд.

– Допустим, планетоид обладает особыми физическими свойствами (например, потому что пришел из другой вселенной через «кротовые норы» в пространстве-времени), тогда получаем объяснение магии. А металлурги и все прочие, кто научились ими пользоваться, стали алхимиками, зельеварами, колдунами...

– И активно взялись делать МОППы, – на всякий случай напомнил Ричард. В свое время он достаточно посидел за играми и понимал: МОППы – ценные игровые артефакты, а для Корпорации-9592 артефакты – это деньги.

– Ну, я свое дело, похоже, сделал, – сказал он, поднимаясь проверенным пьяным способом: опираясь спиной о стену и одновременно распрямляя ноги. – Оставлю вас обсуждать детали.

Не в первый раз вопрос жизни и будущего процветания компании решила память Плутона. Проговорив с Дэ-Квадратом еще пару часов, он вернулся домой и набросал документ, который назвал «то самое.txt». Позже текст перевели в формат .docx, чем положили начало массе разрозненных документов и вики-страниц, затем проекту и, наконец, отделу. Все вместе это по-прежнему именовалось «то самое», пока одна дама из профессиональных менеджеров, которые начали внедряться в компанию, не подняла удивленно бровь и не велела окрестить «то самое» «сюжетной динамикой». В первую очередь отдел сюжетной динамики нанял Девина Скрелина.

Суть «того самого» (как узнал Ричард гораздо позже, поскольку искренне верил в делегирование полномочий тем, кто этого хотел) была вот в чем: на Т’Эрре существует два разных типа ДНК. Первая целиком состоит из местных элементов, во второй есть следы иноземных веществ с планетоида, потому она наделена «магией». А «магия» – это социальный концепт, которым пользуются расы, чтобы объяснить особые физические свойства чужеродных атомов. У одних видов ДНК т’эрранская, у других – смешанная, у третьих – полностью инопланетная; последние обладают божественными/демоническими качествами, но воспроизвести их трудно, поскольку нужного количества подходящей биомассы так просто не наберешь.

На деле все было куда сложнее, чем на словах. Чтобы не запутаться, пришлось рисовать таблицы и древовидные диаграммы, хотя вся их суть содержалась в файле «то самое.docx». Этот документ, распухший от подробностей почти до десяти мегабайт, и вручили Девину, когда тот вступил в должность первого и последнего штатного автора.

* * *

Ричард попробовал завязать беседу с Плутоном:

– Как дела у Зулы?

Они летели над Высокими равнинами, и Ричард решил, что его спутник не слишком увлечен скучным ландшафтом.

– Не видел ее уже несколько дней, – не переставая смотреть в иллюминатор, ответил Плутон – видимо, изучал изгибы реки Платт.

Не удалось. Ричард стал искать иной подход. Другой на месте Плутона с удовольствием повздыхал бы вместе о старых добрых днях. Но вот чем хорошо путешествовать с Плутоном – он обращает внимание на людей ровно настолько, насколько они ему интересны в данный момент. В этом смысле расслабиться не дает. Самые честные отношения – те, которые не стоят на месте.

– Я имею в виду, как она справляется?

– Оптимально, учитывая природу проблемы. – На долю секунды Плутон все-таки оторвался от иллюминатора.

В эпоху титанов, когда Т’Эрра каждый день прирастала большими кусками – и территории, и текста, – Ричард крепко наседавал на Плутона, требуя данных, когда те еще не были готовы. «Готовы» для Плутона значило, что каждый кубический миллиметр материи имеет подробную биографию длиной в четыре с половиной миллиарда лет. Из-за его дотошности работа других создателей, а стоила она миллионы долларов, простаивала. Ричард вытрясал из него карты с указаниями рудных жил и месторождений самоцветов. Во время одного тринадцатичасового совещания, о котором Плутон до сих пор вспоминал с дрожью, Ричард стоял у доски и от руки рисовал карты минеральных отложений. По этим снимкам потом создавались карты Т’Эрры. Большая часть плутоновских трудов с тех пор легла в основу новой дисциплины: телеологиче-

ской тектоники. То есть он брал нарисованные Ричардом карты и устраивал обратные симуляции движения плит и магмы, чтобы по его правилам все выходило логично. Несколько лет этот проект шел в фоновом режиме и лишь недавно потребовал серьезных усилий. Работу поручили Зуле. Говоря «природа проблемы», Плутон сварливо намекал, что кашу заварил Ричард.

– Ну а как продвигается божественное вмешательство? – зашел Ричард с другого бока.

Телеологическая тектоника со временем наткнулась на неразрешимые противоречия между ее логикой и тем, что было в Т’Эрре на самом деле. Проблема решалась просто: божественным вмешательством. Тем более божеств в Т’Эрре хоть отбавляй. Однако ни одно не свихнулось, чтобы ни с того ни с сего менять ландшафт. Тут и подключали Зулу. Она служила проводником между отделами телеологической тектоники и сюжетной динамики, уговаривая последний измыслить такой поворот сюжета, который объяснял бы, зачем тот или иной бог вздумал передвинуть вулкан на три мили к юго-юго-востоку или превратить залежь медной руды в известняк.

– Адрес у тебя есть, – ответил Плутон, имея в виду, что Ричарду, если тот хочет лично посмотреть, как продвигается божественное вмешательство, достаточно щелкнуть мышкой.

Похоже, Плутон находился в особо поганом настроении, поэтому Ричард попросил стюардессу принести еще порцию суши и уткнулся в иллюминатор. Стоял погожий день. Самолет уже давно летел над территорией, расчерченной сеткой шоссе. Отсюда (по-видимому, это была Небраска) трассы шли к востоку, где рассыпались десятками более частых дорог в промышленных агломерациях Великих Озер – районах, куда члены Ричардовой семьи если и ездили, то только как нищие либо как завоеватели. Но прежде чем попасть туда, самолету предстояло сбросить высоту и взять курс на Королевство к’Шетриев.

* * *

Как правило, Ричард летел до одного частного терминала в Омахе – оттуда до трейлерного поселка «Тропа опоссума» два часа на машине. Но сейчас время поджимало, и он решил сесть в местном аэропортике всего в полчаса езды.

Ему не терпелось выбраться на волю. Если в Омахе не составляло труда выйти из коммерческого терминала и тут же смешаться с толпой, то здесь прилет частного борта был большим событием, о котором знали все. В зале для пилотов гостей встретили тарелочкой печенья из воздушного риса. Ричард, пока ждал машину, незаметно для себя отправил одно в рот. Затем явился вежливый юноша по имени Дейл и умопомрачительно извилистым путем вокруг аэропорта повез Ричарда с Плутоном в автопрокат. По дороге он предположил, что гости, видимо, приехали к господину Скрелину. Ричард подтвердил. Дейл сначала произнес витиеватый комплимент невероятно увлекательной игре, затем осмелел и поведал о своей банде – одноклассниках, которые собираются по пятницам и устраивают жестокие налеты на силы Охристой коалиции, которую Дейл ненавидит так сильно, что сама необходимость убивать охристых его оскорбляет. Почти все друзья Дейла относились к расе инов.

Ричард никогда не делал выводов из таких случайных встреч. У Корпорации-9592 были и программы, и целый штат дипломированных сотрудников, которые непрерывно анализировали действия миллионов Дейлов вдоль и поперек. Нынешнюю историю следовало деликатно, хоть и скептически, выслушать, пометить для себя как курьезную и забыть. Однако Ричард не послушал совета разума. В отличие от к’Шетриев-эльфов и гнурров-гномов у инов не было явного прообраза в народных преданиях, если, конечно, не считать нердов отдельным народом. Ины – раса с примитивными технологиями, умеющая, впрочем, использовать силы природы: например, стрелять молниями (правда, лишь при грозе) или насмерть замораживать врагов во время снежной бури. В общем, идеальный вариант для жителей Среднего Запада. Подобно республиканцам или демократам, которые общаются исключительно со своими и, встретив

адекватного человека, поверить не могут, что тот не из них, Дейл был радикально пестрым и в этом смысле служил примером уже замусоленного демографами тренда. Охристая коалиция на девяносто девять процентов состояла из антронов, к’Шетриев и гнурров – традиционных рас, известных по книгам Толкина и тысяч его подражателей. Те же, кто выбирал новомодные расы вроде инов, обычно вступали в Пеструю коалицию.

У Ричарда родилась теория о связи этого разделения с печеньем из воздушного риса.

– Да, именно с воздушным рисом. Нет, вы сперва выслушайте, – сказал он (не вслух, разумеется), прикрываясь рукой от Муз-Мстительниц.

Прожив много лет в тех частях США и Канады, где к приготовлению пищи относятся серьезно, и сам пользуясь услугами поваров, Ричард не переставал удивляться рекомбинантной пище Среднего Запада и центральных штатов. Печенье из воздушного риса – типичный пример: уже готовый продукт, который включают в другие блюда, – например, с хлопьями или мини-зефиром. И, само собой, любой рецепт, где есть банка грибного супа-пюре, – из той же оперы. Главный принцип рекомбинантной кухни – безразличие (если не презрение) к исходным продуктам. Не слишком ли это – считать, что вот такие Дейлы отрицают традиционные фэнтезийные расы по той же загадочной особенности их культуры, по которой и не подумают брать отдельно соль и лук, когда есть луковая соль?

Рекомбинантная пища – признание умственной несостоятельности перед сложностью современной материальной культуры. По той же самой причине в мире, где в библиотеках рассыпаются сотни тысяч уже никому не нужных книг и где любой фильм можно скачать, людям вроде Дейла и его приятелей не хватает ширины канала, чтобы переварить огромное количество информации о мифических расах выдуманной планеты. Они просто хотят надрать врагу задницу.

Дейл довез их до автопроката, не забыв порасспросить о последних новостях из Торгаев. Там очень кстати для инов случались бури, и банда Дейла, заняв открытый ветру утес, напала на грабителей. Ричард ограничился фразами «ничто не вечно» и «ситуация постоянно меняется», поблагодарил Дейла, пожал ему руку и захлопнул дверь прокатной машины.

На самом большом и самом новом рекламном щите возле аэропорта был изображен огромный синеволосый эльф, а рядом десятифутовыми прописными буквами значилось: «КОРОЛЕВСТВО КШЕТРИЕВ». По счастью, до самого тематического парка никакой т’эрранской мишуры больше не попало. Ричард взглянул на карту GPS-навигатора и решил свернуть на гравийную дорогу в полумиле от центрального входа. В парке стояли пластиковые макеты пышных к’шетрианских храмов и гор с нарисованным на пиках снегом. Такое не выдержало бы плутоновской критики, а до вечера выслушивать жалобы Ричарду не хотелось. Но теперь занервничал навигатор – он возмущался, пока машина не пересекла невидимую границу между известными ему дорогами, затем легкомысленно передумал и стал безмятежно указывать нужное направление, будто с самого начала именно так и предлагал ехать.

Прямая асфальтированная дорога вывела к воротам «Тропы опоссума», которые похорошели и обзавелись системой безопасности. Ричард совершенно по-детски обиделся, когда ему пришлось отвечать на вопросы в переговорную коробку, торчавшую на конце трубы. Он помнил это место, когда тут еще стояла вонь свиноферм и взорвавшихся метамфетаминных лабораторий. Несколько лет назад Девин снимал допотопный трейлер, кряхтевший под весом своего обитателя, когда тот вдруг решал зачем-нибудь встать. С тех пор Девин, само собой, выкупил весь участок, а заодно и пару соседних, выселил соседей, а их вагончики продал через «иБэй». Его прежний трейлер – помесь романтической кибитки и нищей лачуги – теперь стоял особняком под железным навесом, защищавшим его от разных мстительных персонажей. Чуть дальше от дороги на бетонной площадке буквой П выстроились металлические домики, а в середине находилось небольшое здание, мало отличавшееся от трейлера, – в нем жил и работал Девин. В домиках селились его юристы, бухгалтеры, управляющие и писатели-подмастерья.

Ворота, глухо загудев, откатились в сторону. Навигатор сообщил: «Вы прибыли на место». Сбавив скорость у старого трейлера, Ричард припомнил, как несколько лет назад взошел по прогнившим ступенькам, постучал в дверь и предложил Девину работу.

Из крайнего домика появилась женщина. Дама явно относилась к тем, кто борется с лишним весом, а ее одежда и прическа, по крайней мере в Сиэтле, послужили бы доказательством лесбийских наклонностей. Впрочем, тут не Сиэтл, и Ричард не спешил с выводами. Пока он парковался на одном из семи тысяч свободных мест, женщина, заходя с водительской стороны, уже издалека начала приторно улыбаться. Ричард приготовился мужественно встретить неприятную новость.

– Добрый день, мистер Фортраст! Я Венди.

– Очень приятно, Венди. – Пару лет назад он понял, что предлагать ей называть его Ричардом бесполезно, – он-то прилетал на частном самолете, а она пылила сюда на «субару».

– Он вошел в пэ-эс буквально пятнадцать минут назад, – виновато сказала Венди. – Пройдите, пожалуйста. Устраивайтесь.

Первое означало, что, по данным биометрических сенсоров на теле Девина, тот погрузился в потоковое состояние (как его называют психологи), вернется не раньше, чем решит сам, и беспокоить его до этого времени не стоит.

Второе предложение означало: «Присаживайтесь и перекусите». Ричард знал, что комната ожидания забита вазочками с крекерами, орешками и сухофруктами, есть кофе, а в холодильниках полно безалкогольного питья. Долгое сидение в этой комнате за бесплатным Wi-Fi было обязательной прелюдией ко встрече с Девином, обладавшим необъяснимым талантом впадать в потоковое состояние буквально за пару минут до назначенного randevu. Чтобы избежать постоянных жалоб от посетителей, которым не заткнешь рот печеньем и сладкой водичкой, служащие Девина раскладывали среди кормушек листовки «Что такое потоковое состояние». Плутон, никогда здесь не бывавший, взял бумажку и сам погрузился в потоковое состояние, открывая для себя мир этого изумительно продуктивного психофизиологического режима, – а именно в нем величайшие гении творили шедевры. Ричард, уже не раз читавший листовку, знал, что, по сути, в ней лишь одна мысль: прерывать потоковое состояние вредно, избегать этого надо любой ценой. Трудно придумать более пассивно-агрессивный способ сказать: «Я занят, отвалите».

Уже совершив сегодня непростительное по отношению к своему организму (съев в аэропорту печенье из воздушного риса), Ричард заставил себя не прикасаться к местной пище. Он открыл ноутбук и проверил почту.

- По Т'Эрре – ничего срочного. Все, кто надо, знали, куда он поехал, и потому не беспокоили.

- В почтовом ящике шлосса Хундшюттлер новостей было побольше. В последние дни там, как и ожидалось, потеплело. Если в приезд Зулы с Питером можно было худо-бедно кататься, то теперь лыжный сезон точно накрылся. Долгосрочный прогноз выглядел еще хуже, поэтому Чет объявил, что через два дня наступит Грязный месяц, то есть на четыре недели шлосс традиционно опустеет, а сотрудники разъедутся по домам.

- Брат Джон вывесил результаты последней поездки отца по врачам. Все без изменений.

Ричард закрыл ноутбук, взял листовку о потоковом состоянии, перевернул чистой стороной вверх, достал из сумки маркер и написал: «ДЕВИН! ХВАТИТ СТРАДАТЬ ХЕРНЕЙ!» Потом он вышел наружу и направился мимо старого трейлера к воротам. Стукнул по кнопке, которая открывала их вручную, встал перед видеокамерой. Поднял листок к объективу и простоял так секунд двадцать. Затем пошагал обратно в комнату ожидания и сел на место.

Пять минут спустя появилась Венди и объявила, что Девин вернулся из потокового состояния вопреки обыкновению рано и просит гостей пройти.

– Вот так-то, – сказал Ричард.

* * *

В помещении не было ни одного окна. Хотя если считать огромные плоские экраны окнами в другие миры, то Девин жил в оранжерее. В центре стоял эллиптический тренажер, а вокруг – целый парк беговых дорожек и прочих спортивных механизмов, которые либо сломались, либо уже наскучили. С потолка свисала промышленная роборука с сотней степеней свободы, беззвучная, как пантера, и точная, как боец на ножах. Она держала еще один плоский монитор и раму с эргономичной клавиатурой, трекболами и прочими устройствами ввода, названия которых Ричард не знал. Девин, в одних спортивных трусах с эмблемой его любимой благотворительной организации, переступал с ноги на ногу на педалях тренажера. Хотя абсолютно бесшумные вентиляторы обдували его прохладным воздухом, Девин слегка потел, и на блестящем теле хорошо проступали вены, сухожилия и кубики пресса – так, словно кожа была натянута прямо на мышцы и кости. Судя по утренним показателям, содержание жира в его организме упало до невероятных четырех с половиной процентов, что означало серьезный дефицит калорий: теоретически это должно было продлить его жизнь минимум до ста десяти лет. Голова и корпус Девина ходили вверх-вниз, вслед за ними точно так же двигалась роборука – камеры отмечали положение тела, а программы регулировали положение клавиатуры с трекболами и огромного монитора, которому полагалось находиться ровно в двадцати двух с половиной дюймах от глаз Девина (ему сделали лазерную операцию). С помощью выполненной на заказ гарнитуры с трехмерными очками, которые сейчас были подняты, и микрофона он мог надиктовывать идеи и звонить когда вздумается. Датчики на груди следили за пульсом, и если бы в кардиограмме попался перевернутый Т-зубец, к кардиологу, дежурившему всего в паре миль отсюда, поступил бы тревожный сигнал. На стене помигивал зеленой лампочкой дефибриллятор.

«Зря смеешься, – сказал как-то Ричард одному своему коллеге по этому поводу. – Он лишь использует научно обоснованный подход к оборудованию (то есть себе самому), которое приносит астрономическую прибыль».

– Здравствуй, Додж! – чуть запыхавшись, крикнул Девин. Система следила, чтобы его пульс не поднимался выше восьмидесяти процентов от рекомендованного максимума, поэтому Девин дышал активно, но не задыхался.

– Добрый день. – Ричард пожалел, что забыл прихватить шапку – тут было прохладно. – Извини, если мы вдруг неожиданно.

– Все в порядке!

– Я полагал, твои помощники – хоть кто-то из них – предупредят тебя о назначенной встрече. – Последнее он сказал, отчасти обращаясь к полудюжине тех самых помощников, которые ни с того ни с сего вдруг явились в комнату.

– Ничего страшного! – кажется, на полном серьезе ответил Девин. Если от занятий спортом в самом деле бывает всплеск эндорфинов, то Девин живет под фентаниловой капельницей.

– Ты помнишь Плутона?

– Конечно! Здравствуй!

– Здравствуй, – буркнул Плутон – его сердил весь этот бессмысленный политес.

– Нам надо поговорить, – сказал Ричард.

– Конечно! О чем?

– Нам – то есть тебе и мне.

– Ну мы же с тобой оба тут!

Ричард некоторое время пристально смотрел на Девина, потом пробежался взглядом по лицам остальных.

– Это не один из тех «важных разговоров». Создавать интеллектуальную собственность мы не будем. Не будем решать задачи и строить планы, в создании которых нам пригодилась бы помощь блестящих и талантливых советчиков. Запись беседы тоже не понадобится. – С каждым его словом присутствующие сникали все больше. Наконец Ричард перевел взгляд на Девина. – Встретимся в трейлере. Как в старые времена.

* * *

Трейлер отмыли, но выглядел он еще более убого, чем прежде. По нему явно прошлись дезинфицирующим раствором, и вряд ли тут осталась хоть одна не тронутая химией нить ДНК. Как водится, быстрее всего состарилась компьютерная техника: пластиковый корпус огромного ЭЛТ-монитора приобрел цвет гнилых водорослей. К чести Девина, он сохранил веселенький красный столик и три стула в комплект. Ричард сел и увидел в окно, как Девин – уже в спортивном костюме – трусцой бежит к трейлеру, за ним семенит камарилья помощников, а в хвосте – растерянный и забытый всеми Плутон.

Хлипкие ступени едва скрипнули под стройным, как эльф, Девином. Он сердито хлопнул дверью.

– Прости за беспокойство, но надо кое-что прояснить, – сказал Ричард.

Скелетор не ожидал, что тот начнет с извинений, и немного остыл.

– Это насчет ЦП?

– Да. На День благодарения – когда я был тут в прошлый раз – в одной кафешке мне попалось на глаза нечто, как я тогда подумал, забавное. Однако через месяц разразилась война за цветопередел, и стало ясно, что видел-то я приготовления. Создание «пятой колонны». Если я наблюдал это за месяц, кто сказал, что все не началось еще полгода или год назад?

Девин пожал плечами.

– И правда удивительно.

Ответ был несколько странным, но Ричарда сбила с толку его искренность. Он полагал, что, давно зная Девина, умеет его «читать».

Вторая попытка.

– А буквально полчаса назад мне попался большой рекламный щит «Королевство к’Шетриев» с синеволосым эльфом. Учитывая все остальное, кто-то, по-моему, пользуется тут методом собачьего свистка.

– Собачьего свистка?

– Подает знаки, понятные только тем, кому надо. Сами по себе голубые волосы – сигнал пестрым. Охристые видят эту безвкусицу, плюются и забывают. А для пестрых это как флаг.

– По-моему, синеволосы гуманоид просто бросается в глаза, а что еще нужно от рекламного щита?

Поспорить с этим Ричард не мог. Он поставил локти на стол и прижал кончики пальцев к вискам.

– Меня беспокоит упрощение. «Т’Эрра» – огромная виртуальная машина убийств. Воины машут секирами, колдуны мечут фаерболы, все бесконечно дерутся друг с другом до смерти. Не до настоящей, конечно, – попадают в лимб, потом обратно. Тем не менее главный механизм, заставляющий систему работать (а именно приносить прибыль), – это кайф от стычек и ощущение соперничества. Вот поэтому у нас Добро бьется со Злом. Не оригинально, зато объясняет конфликт, обеспечивающий нам регулярный доход. А тут вдруг ЦП, и вместо борьбы Добра со Злом мы получаем что? Борьбу основных цветов с оттенками?

Девин снова пожал плечами.

– Уличные банды вроде крипов и бладов носят банданы разного цвета – им этого хватает, чтобы убивать друг друга.

– Но разве такую историю ты писал?

– Она ничем не хуже того, что у нас было раньше.

– То есть?

– То есть настоящие Добро и Зло тут ни при чем – это лишь названия двух группировок.

– Ладно, – согласился Ричард. – Если честно, я сам иногда так думаю.

– Злые ничего злого не делали. Как и добрые – доброго. Не жертвовали же добрые своими очками в игре на то, чтобы перевести старушку через дорогу.

– Мы не давали им возможности переводить старушек.

– Вот именно. Мы давали им задания и квесты с пометкой «добрые». А убери весь антураж – те же задания, что у злых.

– То есть, по-твоему, ЦП – это плевков подписчиков на наш принцип «Добро против Зла»? – уточнил Ричард.

– Я бы сказал – не плевков, а поиск чего-то более реального, что цепляет по-настоящему.

– Например?

– Например, «других».

– Чего?!

– Брось, сам же наверняка увидел тот щит у аэропорта и сказал: «Фу! Синие волосы! Какая дичь». То есть отнес того эльфа к «другим». Когда решаешь, что кто-нибудь «другой», убивать его становится несложным делом. А то и потребностью.

– Ого. – Ричард был ошеломлен. Муза-Мстительница номер пять, закончившая университет с дипломом по сравнительному литературоведению и одно лето проработавшая на креативных рудниках Корпорации-9592, упоминала «других» по поводу и без. Услышав ее слова от Скелетора, Ричард перестал понимать, где и в каком времени находится (может, он все еще в самолете и ему это снится?), и решил при первой возможности погуглить ММ-5 – выяснить, не поселилась ли она, часом, в Нодауэе.

Как только в разговоре упоминали «других», Ричарда передергивало. Он чувствовал, но не мог толком доказать, что некоторые пользуются этим понятием, лишь бы связать свои рассуждения. Если же Ричард начинал противиться такому методу, его обвиняли, что он относит тех, кто говорит о «других», собственно к «другим».

В общем, упоминание Скелетором «других» вызвало у него острое желание срочно закруглить беседу.

Но нет. Нельзя забывать об акционерах. Надо оправдать бешеные бабки, которые потрачены на авиакеросин ради транспортировки его задницы за этот красный столик.

С одной стороны, его работа – сплошь нервы и напряжение, с другой – родная стихия. Ричард знал еще нескольких человек, которые, как и сам он, просто не умели не зарабатывать, чем бы ни занимались. Таких можно выкинуть на ходу из такси в любой точке планеты, а через месяц они уже процветают. Две-три попытки – и ты уловил суть. Более того, если проявить упорство, можно достичь неприлично больших успехов. Одни начинали удачную карьеру довольно рано и в итоге сковывали себя золотыми наручниками, другие понимали, как делать деньги, ближе к пенсии. После пешей контрабанды и шлосса Ричард понял, что надо делать, – примерно так же любой мальчишка, который копается в электрических схемах, понимает: чтобы заработало, надо подключить два проводка к разным концам батарейки. В некотором смысле бизнес устроен не сложнее. Все остальное – возня с настройками.

– Расскажи поподробнее про этих крипов и бладов. – Ричард хотел взять короткую передышку и немного прийти в себя.

– Мы с тобой не отличили бы одних от других: черные ребята, одинаковая жизнь, одинаковые вкусы. По идее – дружить им и дружить. Как бы не так. Они стреляют друг в друга.

Для них если ты «другой», то не совсем человек. Та же история и в «Т'Эрре»: те, кого мы в последнее время называем Охристой коалицией, уже давно считают, что пестрые вульгарны и не придерживаются своих ролей. Несколько месяцев назад пестрым это надоело, и они, видишь ли, начали выступать и петься о своем достоинстве – примерно как геи с их радужными флажками. И пока одна группа может отличить другую с первого взгляда, обе будут считать друг друга «другими», а убивать по этому принципу – гораздо более древняя привычка, чем идея надуманного, хиленького разделения на вроде как добрых и вроде как злых, которую им предлагали мы.

– Понятно. То есть вот мы кто – цифровые крипы и блады.

– А вдруг так и есть? – пожал плечами Девин.

– Тогда ты ни хрена не справляешься со своей работой. У «Т'Эрры» должен быть настоящий сюжет, а не тупое смертоубийство по цветовому признаку.

– А может, это ты, Ричард, не справляешься со своей? Как мне писать историю о Добре и Зле, если в игре эти понятия не имеют никакого смысла? И последствий тоже.

– Каких еще последствий? Не можем же мы отправлять персонажей в виртуальный ад.

– Да. Только в лимб.

Они посмеялись.

Девин подумал и прибавил:

– Даже не знаю. А если создать глобальную угрозу всему миру?

– Например?

– Какой-нибудь ядерный Армагеддон. Или чем там кончилось бы дело, если бы Саурон получил Кольцо всевластия.

– Протолкнуть эту идею акционерам – та еще будет забава.

– Наверное, не так уж они и не правы. Прибыль-то все равно идет?

– Идет. Однако вот почему я приехал: есть шанс, что идти она перестанет. Перебьют пестрые всех охристых (а это вполне вероятно) – и что дальше станут делать персонажи в таком мире?

Девин пожал плечами.

– Убивать друг друга?

– Вот именно.

День 3

– Подруга, ты уже третий раз туда-сюда, позволь мне кончить твои мучения!

Голос был звонкий, уверенный, произношение – почти идеальное, хотя словесные конструкции слегка подкачали. Зула резко повернулась, затем опустила взгляд градусов на двадцать и увидела лицо – улыбающееся и смутно знакомое – в полтора метра над мостовой.

Это была женщина... нет, девочка... нет, женщина, которая вчера продала ей килограмм зеленого чая. Многовато для одного раза, но торговка сумела Зулу убедить.

Вопрос: женщина или девочка? – не поддавался разрешению. Она была маленькая и ладная, что среди китайок не редкость, и притом стриженная под мальчика – а вот это уже необычно. И явно не для фасону, поскольку на ней были джинсы и синие резиновые сапоги, в каких моют палубу или ходят по рисовому полю. Наряд довершали черная футболка и черный жилет. Никакой косметики. Никаких украшений, кроме больших мужских часов на запястье. Зула еще вчера обратила внимание, как она стоит, а сегодня отметила снова: целиком развернувшись к собеседнику, расставив ноги на ширину плеч и слегка покачиваясь на пятках, если взволнована или ее что-нибудь насмешило. Уверенности – как у сорокалетней, а кожа – как у школьницы. Зула решила, что ей лет двадцать, только она чем-то не похожа на остальных, хотя поди пойми чем.

Не то чтобы все женщины вокруг были в платьях и на каблуках, но торговка чаем всем видом выделяла себя из толпы. То не был сознательный вызов: смотрите, мол, я не как вы, – она просто была собой.

Вчера днем девушка подошла к Зуле и завела разговор. Зула, Чонгор и Соколов отыскали чайную улочку, и Зула смотрела на продавцов, выбирая, к кому подойти, и собираясь с духом для очередного торга. И внезапно оказалось, что девушка стоит напротив нее, по-мужски расставив ноги в синих сапогах, и с уверенной улыбкой говорит на странно разговорном английском. Уже через минуту она извлекла непонятно откуда огромный ком прессованного зеленого чая и принялась рассказывать его историю. Как она и ее народ – Зула забыла название, но Синие Сапоги всячески подчеркивала, что это отдельный этнос, – живут высоко в горах в Фуцзяни. Их туда загнали «столицот» тысячелетий назад, и теперь они обитают в крепостях на вершинах гор. Чистейшая вода падает там с неба, отходов в реки никто не сбрасывает, промышленного загрязнения почвы нет и не будет. Синие Сапоги перечислила еще несколько достоинств этого места, объясняя, как они на молекулярном уровне встраиваются в чайные листья и переходят в тело, ум и душу несчастных, вынужденных жить в не столь экологически благословенных краях, где одно спасение – пить упомянутый чай в огромных количествах. Килограмм исчезнет в два счета, и Зуле захочется еще. А в Америке такого чая не купишь. Кстати, Синие Сапоги ищет дистрибьютора в Западном полушарии, а Зула выглядит как раз подходящим человеком...

Будь Зула и впрямь туристкой, она бы устала от такого напора, но сейчас ее так обрадовало полужнакомое лицо, что она с трудом поборолла желание прижать маленькую китайку к груди.

– Доброе утро, – ответила Зула. – Ты была права: я выпила весь твой чай.

– Ха-ха! Ты мне мозги трахаешь! – радостно объявила Синие Сапоги.

– И опять ты права: мне сегодня больше не нужно чая, спасибо.

– Хочешь быть дистрибьютором?

– Нет, – начала Зула, потом сообразила, что китайка просто ее подначивает, и осеклась.

– Вы, я вижу, совсем заблудились, – сказала Синие Сапоги. – Вся улица про вас говорит.

– Мы ищем ванбу, – объяснила Зула.

– Черепахино яйцо? Это очень плохое ругательство. Выбирай, кому так говоришь.

– Может, я неправильно произнесла?

– По-английски?

– Мы ищем интернет-кафе, – сказала Зула.

Синие Сапоги наморщила нос. Почти у любой женщины ее возраста такая гримаска выглядела бы манерной, но у маленькой китайки она казалась чистой, словно реки ее родимых гор.

– Что общего у Интернета и кофе?

– Кафе, – поправила Зула. – Не кофе.

– Кафе – это где пьют кофе!

– Да, но...

– Здесь Китай! – объявила Синие Сапоги, как будто Зула до сих пор не заметила. – Мы пьем чай! Ты забыла наш вчерашний разговор? Знаю, для тебя мы все одинаковые, но...

– Я из Эритреи. Мы там выращиваем кофе, – торопливо сказала Зула первое, что пришло в голову.

– Здесь вместо кафе чайные.

– Ясно. Мы не ищем, где чего-нибудь выпить. Нам нужен Интернет.

– Не поняла.

Зула глянула на Чонгора, и тот устало вытащил бумажку с иероглифами для слова ванба. Последние полчаса они показывали ее разным людям на улице. Все хотя бы смутно представляли, где такое заведение может быть, и махали руками в ту или иную сторону, оживленно говоря – чаще на китайском, иногда на английском.

– Что же ты сразу не сказала? Это там. – Синие Сапоги махнула рукой. – Вот над тем...

Зула покачала головой.

– Как по-твоему, отчего мы никак ее не найдем?

– Идем, покажу. – Она взяла Зулу за руку и повела. Жест был немножко панибратский, но сейчас Зуле это было скорее приятно, поэтому она сплела пальцы с пальцами китайки и они пошли, размахивая сцепленными руками.

Ни Чонгор, ни даже Соколов не нашли что возразить решительной проводнице, и оба покорно двинулись следом.

Китайка жалостливо качнула стриженной головой.

– Вам нужен переводчик, пацаны.

– Согласна.

– Отлично! – Синие Сапоги разжала пальцы, круто повернулась и выставила правую руку.

Зула по привычке чуть было не протянула свою, потом сообразила, что заключает деловой контракт, и замялась.

Синие Сапоги огорченно щелкнула пальцами.

– Ай-ай! Сорвалась, рыбка моя!

– Я даже не знаю, как тебя зовут.

– А я – как тебя.

– Зула Фортраст, – тихо проговорила Зула и оглянулась на Соколова, который рассеянно смотрел по сторонам всегдашним посттравматическим, отрешенным взглядом. Губы Зулы тронула улыбка.

– В чем дело? – тут же спросила Синие Сапоги.

Зула переборола улыбку и мотнула головой. Она хоть кому-то сообщила свое имя. И если этот кто-то погуглит ее, то что обнаружит? Может быть, статью в «Сиэтл таймс» о загадочно пропавшей девушке?

– А я Цянь Юйся.

Зула, которая полжизни завидовала людям с прямыми волосами, не могла оторвать глаз от стрижки Цянь Юйси – «щипаной», сверху покороче, снизу подлиннее. Кто-то отлично вла-

деющий ножницами и очень любящий Цянь Юйсю упорно эту прическу поддерживал, а Цянь Юйсю так же упорно ею пренебрегала.

– Это частое имя там, где ты живешь? – спросила Зула, просто чтобы поддержать разговор.

– В Юндине, – напомнила Юйся. – Где Большеногие женщины делают *гаошань ча* – высокогорный чай.

– А ты Большеногая?

Юйся глянула на нее как на придурочную и выставила ногу в синем резиновом сапоге.

Зула пожала плечами.

– Может, у тебя там внутри совсем маленькая ножка!

– Я хакка, – объявила Юйся таким тоном, будто этим решительно все сказано. – Я тебе вчера говорила.

– Прости. Я забыла название.

– А вы тут вообще зачем?

Соколов подошел ближе, и Зула сочла за лучшее держаться легенды. Потому что вчера они разработали легенду.

– Слышала про конференцию? По Тайваню.

– А ты кто? Посол Эритреи?

– Я из американской делегации, – сказала Зула. – Чонгор – вот он – из венгерской, а...

– Иван Иванович, – представился Соколов с учтивым кивком.

– Иван – из русской. У нас два дня выходных, и мы просто...

– Тусуетесь?

– Да. Тусуемся.

– Кто-нибудь из них твой парень?

– Нет. А что?

Цянь Юйся игриво шлепнула Зулу по руке, словно упрекая за тупость.

– Хочу знать, клево ли с ними заигрывать.

– Конечно, на здоровье!

Зула была уверена, что Цянь Юйся – лесби. Может, ошиблась. А может, она лесби, которой нравится заигрывать с гетеросексуальными мужчинами.

– У вас в гостинице нет Интернета?!

– Есть, конечно! – Впрочем, это не отвечало на подразумеваемый вопрос. – Чонгор такой нерд, что должен раз в час проверять почту.

– Хм. Ну вот, пришли.

Юйся повела их дальше в проулок между какими-то лавчонками. Рядом с одной из них внутрь здания уходила лестница, без всякой таблички, если не считать головы таурена – человекобыка из «Варкрафта». Она была прилеплена к стене у входа, почти как вывеска средневековой таверны.

Они на минуту замерли.

– Это называется «лестница», – сказала Цянь Юйся.

* * *

Вчера казалось, что они набрали целую кучу IP-адресов с парами широта-долгота. Когда Чонгор наконец наложил их на карту Сямыня, картинка получилась жалкая: данные были редкие и при том все равно ложились кучно. Тем не менее кое-какие закономерности проглядывали, и по ним стало ясно, что IP-адрес, все еще читавшийся бледными цифрами у Соколова на руке, присвоен точке доступа не в пригороде, не вблизи университета, не даже где-нибудь в дальней части острова, а в радиусе полутора километров от базы.

Получалось, что они скорее всего видят дом Тролля из окна. Все равно как сказать, что с Луны видно Землю. И все-таки какой-никакой прогресс.

Соответственно на сегодня план сложился: обойти как можно больше интернет-кафе в районе и получить более детальные данные.

Составляя этот план в присутствии и под бдительным оком Иванова, они говорили об интернет-кафе с уверенностью знатоков. А почему бы нет? Они хакеры, и они из Сиэтла. Дом Питера стоит примерно в миле от штаб-квартиры «Старбакса» – организации, наводнившей мир кафешками с бесплатным Wi-Fi.

Другими словами, план строился на трех допущениях: 1) что интернет-кафе повсюду; 2) что их легко найти; 3) что там подают кофе, то есть что это буквально кафе, маленькие уютные заведения, где посетитель может открыть ноутбук и проверить почту.

Зула уже догадывалась, как жалок их наивный сиэтлоцентризм, но окончательное понимание шибануло ее по мозгам только на верхней площадке лестницы, куда она поднялась вслед за Юйсей. Доброжелательные прохожие, дававшие им бесполезные указания, всякий раз говорили, что ванба «над» или «с заднего двора» такого-то здания, и Зула мысленно рисовала себе уютные кафешки на несколько столиков.

Теперь она поняла, что ванбы только и могут быть «наверху» или «сзади», потому что они огромны! Эта, например, занимала целый этаж. Новехонькие компьютеры с плоскими мониторами стояли так плотно, как позволяли законы термодинамики, и практически все были заняты. В зале сидели по меньшей мере сто человек, все в наушниках, отчего здесь висела пугающая тишина.

– Мать Божия! – пробормотал Чонгор.

– Что? – переспросила Юйся.

– Огромный зал. В десять раз больше самого большого нашего, – объяснила Зула.

– Это только половина. – Юйся кивнула в сторону лестницы, ведущей на следующий этаж. – Вам сколько надо?

– Прости?

– Сколько вам надо компьютеров?

– Один, – ответила Зула. – Если только...

Она глянула на Соколова, который пристально изучал еще один трофей на стене: рекламный плакат, выпущенный маркетинговым отделом Корпорации-9592 к выходу игры, когда они всеми силами пытались увести людей от «Варкрафта» и «Контр-страйка». Вся серия косила под туристические постеры и состояла из пейзажей, отрендеренных с фотографическим реализмом. На этом конкретном плакате гнурр сидел на камне у кристально-чистого горного озера с удочкой и тащил из воды зубастое доисторическое чудовище: голова уже показалась над поверхностью, из губы торчал крючок с наживкой. Идея состояла в том, чтобы продемонстрировать немереную крутизну Плутоновых программ для генерации рельефа, – ее во всей красе являли горные склоны по другую сторону озера. Однако художники, не желая отставать, вбухали уйму времени и сил в то, чтобы сделать позу гнурра как можно более живой: он откинулся назад, удерживая рвущееся удилище, одна нога в воздухе, другая крепко упирается в землю. У Зулы перехватило дыхание: ей как будто показали фотографию родного дома. Она была не готова увидеть такое здесь.

Как назло, Соколов именно в этот момент решил сделаться разговорчивым. Он медленно повернул голову и глянул сперва на Зулу, потом на Юйсю.

– Я бы поискал рыболовные вещи.

Зула все еще боролась с довольно крупным комком в горле, а Юйся не могла взять в толк, чего Соколов хочет.

– Рыбалка, – объяснил он, кивая на плакат и пантомимой показывая, что крутит катушку спиннинга. – Мой босс хочет рыбалку. Надо снаряжение.

– Когда? – спросила Юйся.

Соколов пожал плечами.

– Может, завтра. Или послезавтра. Как получится. А сегодня удочки и все другое. Надо гуглить магазин.

– Не получится, – сказала Юйся, – если ты не читаешь по-китайски.

– Тогда надо помощь. Надо искать шляпы. Сумки-холодильники. Чехлы для спиннингов. – Он пожал плечами. – Что обычно.

Юйся подошла к стойке ванбы – основательному сооружению футов двадцать в длину, с двумя кассами. Сзади у стены стояли два холодильника с напитками в бутылках и банках и стеллаж с дошираком в ярких стаканчиках, запечатанных фольгой. За стойкой помещались двое служащих, совсем молодые ребята, и сотрудник ОБ в темных брюках и голубой рубашке с галстуком. Он сидел спиной к залу за двумя плоскими мониторами, поделенными каждый на четыре окна. Зула сперва подумала, что туда идет трансляция с видеокамер наблюдения, потом разглядела, что каждая четверть – уменьшенный компьютерный экран. На одном-двух были открыты окна, как бывает, когда человек шарит по Интернету или заходит в «Фейсбук», в остальных шли компьютерные игры. Через каждые несколько минут изображение менялось.

Зула покосилась на Чонгора, смотревшего в ту же сторону. Они встретились глазами и рассмеялись.

– Что такое? – спросил Соколов.

Чонгор повернулся к нему.

– Этот тип заглядывает через плечо каждому в зале, – сказал он. – Проверяет, не смотрят ли порнуху или чего такое.

Соколов понял, но юмора не уловил.

Юйся тем временем подошла к стойке и обратилась к служащему тоном сержанта, распекающего новобранца, который явился на построение расхристанным и лохматым. Парень, со своей стороны, начал и закончил разговор тем, что внимательно оглядел ее с головы до пят, укрепив впечатление Зулы, что такие, как Юйся, тут нечастые гости. Сотрудник ОБ оторвал глаза от экранов, глянул на иностранцев, потом на Юйсю и вернулся к своему делу. Очевидно, быть человеком с Запада не такая и беда, если за тобой присматривает китаец, – внимание привлекают безнадзорные иностранцы.

Юйся щелкнула пальцами, подзывая Соколова, и как-то дала понять, что надо расплатиться. Деньги мигом исчезли в кассе. Служащий протянул Юйсе два чека с логинами и паролями.

Ванба больше всего походила на зал игровых автоматов, только без шума: множество людей в полутемном помещении с низким потолком, все глаза устремлены на экраны. Сравнение практически без натяжки: здесь почти все играли. Кто-то – в «Варкрафт», «Контр-страйк» и «Аоба Цзянху» – китайскую игру, созданную Ноланом Сюем до того, как он вошел в Корпорацию-9592; она по-прежнему жила в мире ванб, подтверждая принцип, что старая любовь не ржавеет, расходилась в нелегальных копиях (защиту взломали через двадцать четыре часа после выпуска) и породила бесчисленные клоны, ни один из которых не годился ей в подметки. Однако подавляющее большинство играло в «Т'Эрру», то есть пришло сюда не ради удовольствия, а для заработка. Зула, шагая за Юйсей к лестнице между рядами компьютеров, с первого взгляда узнавала пейзажи и ситуации на экранах. Оглядевшись внимательнее, она заметила, что над перегородкой, разделяющей ряды, торчат по-сусличьи несколько голов. В основном это были молодые ребята, которые хлебали лапшу из стаканчиков и наблюдали за игрой товарищей, но она заметила и второго полицейского, совершающего обход.

Верхний этаж в точности повторял нижний, только свободных мест здесь было побольше. Обовец сидел на стуле при входе, пил чай из большого стеклянного термоса и умирал от скуки. Чонгор сел за один компьютер, Соколов – за соседний. Чонгор якобы проверял почту, а Соко-

лов с помощью Юйси искал, где в деловой части Сямыня можно купить рыболовное снаряжение.

Чонгор в две секунды узнал ай-пи своего компьютера, потом еще минуту-две лазил по локалке, проверяя, какие номера могут быть у соседних, и с «почтой» было покончено. Он встал из-за стола и пошел к Зуле, но примерно в метре от нее остановился и стал смотреть в сторону. Ему нечего было сказать, он просто хотел быть рядом. Зула к этому уже привыкла. Ей было спокойнее, когда Чонгор здесь, на самом краю ее личного пространства. Судя по всему, он тоже так чувствовал себя спокойнее.

Вчера Соколов сфотографировал на мобильный рыболовов у паромного причала и теперь демонстрировал их Юйсе, увеличивая головы и показывая, какие шляпы ему нужны. Более idiotских матерчатых панам Зула не видела в жизни и ни на минуту не поверила, что Соколов и впрямь собрался рыбачить. Он что-то затеял и на ходу сообразил, что Юйся тут может быть полезна.

Успокоенность от близости Чонгора мигом исчезла, сменившись чувством, будто в сердце вонзилась сосулька.

Соколов с Юйсей нашли магазин и отключились от Интернета.

– Теперь за шляпами, – объявил Соколов, встал и, по обыкновению, посторонился, пропуская женщин вперед.

* * *

С Юйсей искать ванбы было в сто раз быстрее, но имелась и обратная сторона: они не могли просто обходить один компьютерный зал за другим, притворяясь, будто Чонгору надо проверить почту. Никому не нужно проверять почту так часто, а если нужно, то разумнее сидеть в одной ванбе, а не метаться по району.

Неведомый план Соколова касательно рыбалки решал проблему. Минут сорок пять они шли к магазину, где можно купить дурацкие шляпы, в каких удят рыбу китайские пенсионеры. По пути Зула выяснила о Юйсе чуть больше. Собственно, она расспрашивала без остановки, не оставляя паузы для вопросов, на которые в данной ситуации не смогла бы ответить. Составленная вчера легенда была довольно хлипкой и не устояла бы перед живым умом Цянь Юйси.

Зула узнала, что Юйся живет в Юндине в поселке, куда съезжаются туристы смотреть тулоу: круглые земляные дома-крепости, выстроенные хакка столетия назад. По большей части экскурсанты – китайцы, их привозят из Сямыня на автобусах, но иностранцы там тоже бывают, в основном любители путешествовать с рюкзаком. В туристический сезон Юйся работает по договоренности с гостиницей: болтается у автобусной остановки или ходит по тропам, ведущим к главным достопримечательностям, и если видит растерянных туристов, подходит, заговаривает и отводит их в гостиницу. Еще она возит их на микроавтобусе в те тулоу, до которых иначе не добраться. Так, а еще по фильмам и по книжкам, оставленным в гостинице любителями путешествовать с рюкзаком, она выучила английский. В межсезонье она на том же микроавтобусе едет в Сямынь, останавливается в хостеле и продает чай – по большей части оптом в магазины, хотя порой и в розницу с рук, как вчера Зуле.

Так дошли до магазина, где Соколов закупил ровно дюжину нелепых шляп. Тут Чонгору вновь пришло время «проверить почту», и все отправились в ближайшую ванбу. Чонгор занялся «почтой», Зула съела стаканчик лапши, а Соколов с Юйсей нашли магазин, где продают спиннинги.

Дальше цикл повторился: пешком дошли до магазина, где Соколов купил чехлы для спиннингов, а оттуда направились в следующую ванбу, чтобы Чонгор снова «проверил почту».

Зула спросила Юйсю, кто такие хакка, и узнала, что это единственные китайцы, не принявшие практику бинтования ног. Так что «Большеногая» – не просто обзывалка. Мало того,

они еще и покупают лишних девочек у кантоноговорящих соседей и воспитывают у себя. Юйся была не из тех, кто станет употреблять слова «феминистский» или «матриархальный», но для Зулы картина была ясна. Она смогла провести параллель со своим детством, когда ее воспитывали марксистско-феминистские учительницы в эритрейских катакомбах. Темы как раз хватило до третьей ванбы.

Она размещалась на четвертом этаже коммерческого здания, выходящего в улочку такой ширины, что могли бы разехаться две машины, если бы не пешеходы, велосипедисты и носильщики с тележками. Эта ванба была поменьше первых двух, народ здесь собирался помоложе, а само помещение выглядело каким-то обшарпанным. Обовец тут был один, у входа, и без высокотехнологичной системы заглядывания через плечо. Несколько зеркал в зале теоретически позволяли следить за мониторами – если проявить рвение и оторваться от глянцевого журнала (на китайском, но целиком посвященного людям и событиям в НБА), чего не происходило. В зале стоял шум, но не из-за музыки или звукового сопровождения игр – он шел из угла, где десятка два подростков сдвинули мониторы и вместе резались в игрушку, азартно перекрикиваясь во весь голос.

Как и прежде, Чонгор сел за один компьютер, Юйся и Соколов – за другой. Зула прошла в угол, где играли подростки. С первого взгляда стало ясно, что играют они в «Т’Эрру» и вместе проходят какой-то квест или совершают набег. Все персонажи были в одном и том же месте Т’Эрры и то ли напали на данж, то ли сцепились за него с конкурирующей бандой. Довольно распространенная манера игры: воин кричит жрецу, что его надо похилить, а маг просит кого-нибудь отвлечь на себя монстра, пока он будет кастовать заклинание.

Зула видела, что ребята – крутые геймеры. Это подтвердилось, когда она подошла ближе и разглядела персонажей – прокачанных, с дорогими эквипами. Пейзаж, на фоне которого они сражались, выглядел удивительно знакомым.

Торгайские предгорья.

Персонажи стреляли из трубушетов на пересечении силовых линий.

Внезапно Зула поняла, что за ней уже несколько минут наблюдают и что Соколов стоит рядом, совсем близко – она даже ощущала его тепло. Он прочел выражение ее лица и подошел взглянуть, на что она смотрит.

Зула, почувствовав себя неловко, отошла к Чонгору. Тот с отвисшей челюстью смотрел в экран.

– Что такое? – спросила Юйся. – Что с вами?

Соколов повернулся к ней.

– Завтра рыбалка, – объявил он. – Нужны холодильники.

* * *

Через полчаса Зулу приковали к раковине в женском туалете.

Когда Соколов понял, что подростки в углу работают на Тролля – и даже, возможно, кто-то из них и есть Тролля, – когда Чонгор подозвал его и показал на экране тот же айпишник, что был у Соколова на руке, русский принялся действовать так быстро и при том с таким хладнокровием, что в других обстоятельствах Зула бы восхитилась. Он позвонил по мобильнику и через несколько минут проводил Зулу к выходу, перед которым как раз остановилось такси с четырьмя спецконсультантами. Один остался в машине, трое других окружили Зулу, не то чтобы угрожая, но ясно показывая, что выход у нее один – сесть на заднее сиденье. Минут через десять они уже были на парковке небоскреба, а еще через минуту – в женском туалете. Русским надоело водить Зулу в уборную и ждать в кабинке; они где-то раздобыли кусок цепи футов двадцать длиной и замком пристегнули один ее конец к сифону под раковиной. На другом конце, тоже замком, был закреплен наручник, и его защелкнули у Зулы на щиколотке. Ее

вещи и спальный мешок заранее сложили на полу, тут же лежали несколько армейских пайков, немного еды из фаст-фуда и рулон бумажных полотенец. Цепь позволяла дойти до унитаза, пить она могла из крана. Что еще девушке надо?

То был единственный раз, когда Зула просто разрыдалась. Она лежала на полу в позе эмбриона и ревела, колотя головою об пол. Ей много что пришлось пережить, но на цепь ее еще не сажали.

Какое-то время спустя Зула встала на колени и вытерла лицо бумажными полотенцами.

Потом сбежала.

В студенческие годы она с двумя подружками жила на съемной квартире. Кухонная мойка часто засорялась. Денег вызвать слесаря у них не было, а Зула не зря выросла на айовской ферме. Тут главное знать, что муфты, которые держат сифон, хоть по виду и сидят намертво, на самом деле закручиваются руками, потому что надо только прижать прокладку к трубе и газовым ключом лучше не сделаешь, а можно сделать хуже.

У слесаря, ставившего сифон, к которому приковали Зулу, были сильные руки, но в конце концов ей удалось свинтить муфты и вынуть колено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.